

Олег Волков

ВОЙНА НА СВАЛКЕ

Война на Свалке

Волков Олег.
Фантастический роман.

Мир: «Бездна».
Серия: «Колониальная империя».
Тетралогия: «Свалка человеческих душ» - 2.

Аннотация

Тетралогия «Свалка человеческих душ» - 2.

В первый раз маленькой колонии удалось с успехом отбиться от Первого крейсерского флота метрополии. Но теперь на орбите Дайзен 2 завис Первый ударный флот, самая большая дубинка Федерации Мирема. А с ним не отдельная рота космических пехотинцев, а целая десантная дивизия с танками, боевыми машинами пехоты и самоходной артиллерией. Расклад сил совершенно другой.

Но, вопреки желанию амбициозного командующего флотом, маленькой победоносной войны не будет. У бунтовщиков было достаточно времени, чтобы подготовить достойный ответ метрополии. На мощь Первого ударного флота и Первой космической десантной дивизии колонисты ответили партизанской тактикой и войной на истощение.

Оглавление

Война на Свалке.....	3
Глава 1. Эмигрант третьей категории	3
Глава 2. Правительственный консультант.....	10
Глава 3. Учебный поход	19
Глава 4. Переговоры	21
Глава 5. Изумрудная долина.....	29
Глава 6. Неизвестность	33
Глава 7. Разгром Щитовой горы	39
Глава 8. Захват Бацела	41
Глава 9. Ярдуш	47
Глава 10. Освободители	58
Глава 11. Явная ловушка	59
Глава 12. Минная засада	69
Глава 13. Судьба заключённых.....	71
Глава 14. Схватка за Финдос	75
Глава 15. Контрпартизанская война	92
Глава 16. Большой бабах	92
Глава 17. Взять под контроль	93
Глава 18. Засада.....	93
Глава 19. Партизанская база	93
Глава 20. Заткнуть дыры	93
Глава 21. Приманка и сачок	93
Глава 22. Глубокий рейд	93
Глава 23. Обед в кают-компании	93
Глава 24. Ночной налёт.....	93
Глава 25. Восточный блокпост	93
Глава 26. Ядерный шантаж.....	93
Глава 27. Ядерный взрыв	93
Глава 28. Провал	93
Глава 29. Медосмотр	93
Глава 30. Уход из Бацела	93
Глава 31. Ущелье ветров	94
Об авторе	94
Немного рекламы	95

Война на Свалке

Глава 1. Эмигрант третьей категории

Серая дверь из дешёвого пластика словно крепостная стена отделяет душевую от камеры-накопителя. Кажется, нет ничего проще, чем смыть с себя противную «слизь», обсушиться под потоком горячего воздуха, натянуть красный комбинезон и пройти в накопитель. Может быть и проще, но только не после ледяного анабиоза.

Ланал Краун, тридцатидесятилетний заключённый, невысокий и тощий, с дряблым животиком и мягкими ладошками, оперся дрожащими руками о стену. Та-а-ак... Теперь медленно и осторожно прислониться к закрытой двери. Всего и нужно слегка надавить на неё, приоткрыть хотя бы на пару десятков сантиметров и протиснуться в широкую щель. Но! В живот урчит, голова гудит, резиновые ноги подгибаются на каждом шагу. Потные пальцы всё соскальзывают и соскальзывают с пластиковой двери.

Ланал налёг всем телом, поднатужился. Проклятая дверь едва-едва сдвинулась с мёртвой точки. Ещё немного! На лбу выступили капельки пота, ноги едва не проскользнули по гладкому полу. Поднажать! Наконец-то... Ланал приоткрыл проклятую дверь и протиснулся через щель в камеру-накопитель. Непослушное тело едва не рухнуло на бетонный пол.

Ух! Получилось. Сердце бешено стучит, руки безвольными плетью болтаются вдоль тела. Ноги мелко, мелко подрагивают и не дают никаких гарантий, но это мелочи. Ланал оглянулся.

Да-а-а... Накопитель обставлен в лучших традициях суровой аскезы: вдоль центрального прохода выстроились двухэтажные стальные койки без подушек, одеял и матрасов. Минимум удобств и минимум расходов. Ланал добрёл до ближайшей свободной койки.

Какое счастье! Ланал ухватился левой рукой за спинку койки. Народу в накопителе совсем чуть-чуть. Великий Создатель избавил от необходимости топтать в дальний конец. После пробуждения, помывки и упрямой двери осталось пройти последнее самое серьёзное испытание – залезть на верхнюю койку.

Ноги упёрлись в края двух нижних конек. Пальцы ухватились за стальную сетку. Слабый рывок и... Ланал кое-как закинул тело на верхнюю койку.

Блаженство! Ланал растянулся во весь рост. Главное не делать резких движений. Не провоцировать и без того побитый вестибулярный аппарат. А зачем, собственно, залезал? Ланал тупо глянул вниз. Ведь нижняя, свободна.

Звенья стальной сетки упираются в спину, затылок и ягодицы. Скрип стальных деталей сверлит уши. Гудящая голова того и гляди развалится, зараза ржавая, от старости и ветхости. Зато, Ланал блаженно улыбнулся, горизонтальное положение принесло долгожданное облегчение. Трясущиеся руки обрели надёжную опору, холодный металл приятно остужает ладони. С натруженных ног тонкими струйками стекает расплавленный свинец.

Главное не делать резких движений, Ланал скосил глаза. Накопитель как накопитель, очередная ничем не примечательная тюремная камера. Зелёная краска на бетонных стенах пузырится и местами отваливается большими кусками. Стальные койки покрывает рыжая ржавчина. Прямоугольные светильники на потолке нехотя разгоняют тьму. Неужели аборигены настолько бедны, что не могут позволить себе хотя бы косметический ремонт? Неужели они не могут смазать древние койки хоть каким-нибудь маслом? Хотя, Ланал

сощурился, выход из накопителя сделан на славу: массивная дверь сияет стальной полировкой, чёрным прямоугольником выделяется массивный замок, с потолка свисает стеклянная сфера видеокамеры. Ланал невесело усмехнулся. С таким же успехом аборигены могли бы закрыть выход из накопителя на шпингалет. Это же Свалка, бежать здесь просто некуда.

Боль раскалённой иглой кольнула в голову.

– О-о-оххх, – тихий стон сорвался с губ, Ланал повернул голову на другой бок.

Говорят, бывают счастливики, которые легко переносят ледяной анабиоз. Хотя... Ланал покосился на товарищей по несчастью, врут, наверно. Химический коктейль анабиозного раствора травит сердце, мозг и печень не хуже палёного самогона. Большинство поднятых из ледяного анабиоза людей чувствуют себя так, словно бухали без прорыва целую неделю, а потом забыли опохмелиться. Впрочем, Ланал пробежал глазами по занятым койкам, некоторым заключённым ещё хуже.

Напротив на нижней койке лежит Аркада. Здоровенный парниша, накаченные бицепсы, живот словно стиральная доска, плечи плавно переходят в голову. В тюрьме, на Миреме, не дай бог было задеть его хотя бы взглядом. А сейчас накаченный бык валяется на койке словно покойник: глаза на выкате, лицо бледное. Аркада съёжился, будто усох за время долгого путешествия через космос. В гроб и то краше кладут. Из анабиозной капсулы, поди, тюремные медики руками доставали.

В накопителе десятка два заключённых. Все как один в новеньких красных комбинезонах. У каждого на спине черными полосками выделяется штрих-код, как у товаров на складе. Тройка самых бойких шепчется в углу, остальные лежат пластом. Аркада слабо зашевелился, наверняка желает сдохнуть как можно быстрее. А так – скучно. Ничего интересного. Ланал уставился в грязно-белый потолок.

К горлу подступил горький ком и накатила тоска. Первой же малюсенькой передышки в череде мучений вполне достаточно, чтобы вдруг осознать печальную истину – отныне и до конца дней своих он обречён прозябать на Дайзен 2, маленькой, никчёмной колонии в девятнадцати световых годах от родного дома, на печально известной Свалке, свалке человеческих душ. Глаза защипало, Ланал моргнул. По щеке скатилась горячая слезинка. Как же оно, того, глупо вышло.

Судьба уготовила Ланалу родиться в семье потомственных интеллигентов. Родителя до сих пор самозабвенно трудятся в Рантангском научно-исследовательском институте общей химии. Говорят, талантливые учёные. Наверно и в самом деле талантливые, раз природа решила отдохнуть на нём, на их сыне.

С раннего детства Ланал не отличался ни сильным умом, ни крепким телом. Родители лезли из кожи вон, старались во что бы то ни стало взрастить гения. Перестарались, наверно. Ничего не получилось. Зато в вечном стремлении что-то сделать, чего-то добиться, кого-то там превзойти Ланал заработал комплекс личной неполноценности. Сделать хоть что-нибудь, добиться хоть чего-нибудь, ну или хотя бы просто стать лучшим учеником в классе у него не получилось.

В двадцать два года Ланал с трудом закончил университет Ланал. Самый обычный ни чем не примечательный синий диплом химика наконец-то оказался у него в руках. Как хорошо, что у него хватило ума сразу же сбежать из родительского дома в другое полушарие Мирема. Даже после окончания учёбы мать с отцом так и не оставили попыток порадовать человечество гением собственной выпечки. Родители упорно, всеми правдами и неправдами, угрозами

и посулами, пытались затащить его в свой институт. Чтобы не умереть с голоду, Ланал устроился простым лаборантом на химический завод компании «Тарнско».

Но! С бегством от родителей настоящие неприятности только начались. Личная жизнь так и не сложилась. Ниола, красавица жена, ушла от него, едва до нее дошло, что Ланал не унаследовал от родителей ни таланта, ни ума, ни даже упорства в достижении поставленных целей.

Это был тяжёлый удар. Жизнь словно вышвырнула его на разбитую обочину. Дальше – хуже. Немногочисленные подружки сразу бросали его, едва и до них доходила серость и бесперспективность Ланала что на карьерном, что на финансовом поприще. Ни одна женщина так и не захотела связать с ним жизнь.

Ланал и раньше не отличался общительностью. Постоянные неудачи сделали его замкнутым и угрюмым. Как-то незаметно ему понравилось работать по ночам в заводской лаборатории в полном одиночестве, благо коллеги с удовольствием менялись с ним сменами. Но однажды Ланал всё таки нашёл своё призвание. На беду, как выяснилось гораздо позже.

Тихая размеренная жизнь устраивает далеко не всех. Всегда найдутся любители острых ощущений: чтобы жизнь на волоске, чтобы башню сносило, чтобы адреналин через уши выплескивался. Стимуляторы, допинги и прочие полулегальные препараты всегда пользуются повышенным спросом. Ну а коли есть спрос, почему бы не быть предложению? Однажды ночью, дрожа от страха и нервно поглядывая на запертую дверь, Ланал синтезировал дергач – лёгкий стимулятор на основе кофеина. Вот гдегодились полученные в университете знания и практические занятия в химической лаборатории родителей.

Очень скоро к нему потянулись жаждущие острых ощущений и лёгких побед. К собственному удивлению и восторгу Ланал почувствовал себя нужным, уважаемым и всеми любимым человеком. К тому же завелись неплохие деньги. Ланал в прямом и переносном смысле расправил плечи и распрямил спину. Тогда же из уст бойкого на язык покупателя он получил прозвище Химик.

Через месяц Ланал понял, что можно жить совсем, совсем по-другому. Не обязательно к чему-то стремиться, чего-то добиваться, кого-то превосходить. Ничего не нужно доказывать ни папе, ни маме. Вполне достаточно довольствоваться тем, что есть. Неплохие по меркам рядового гражданина деньги не сделали его ни умней, ни привлекательней в глазах нормальных женщин. Последняя пассия сначала долго и упорно объяснялась в любви, а потом вытащила из тайника в полу гостиной предназначенные на продажу стимуляторы и удрала в ночь. Знала, тварь такая, что ни в какую полицию Ланал не пойдёт.

Оно, конечно, понятно: производство стимуляторов и допингов по ночам в заводской лаборатории балансирует на грани закона. Большинство препаратов можно достать легально, пусть и не в таких количествах. Страх перед законом надёжно удерживал Ланала от производства более серьёзной дури, за которую могут посадить. Но любопытство, проклятое любопытство, то самое любопытство, которое кошку сгубило, оказалось сильнее.

Пресыщенные покупатели постоянно клянчили чего-нибудь по мощней, по прикольней, «шоб башню сносило», как выразился один из постоянных клиентов. Страх перед неизбежным наказанием очень долго сдерживал Ланала, но... Однажды днём дьявольский соблазн всё же доконал его. Той же ночью, научного интереса ради, Ланал синтезировал печально известный психотропный наркотик с очень выразительным названием «Небо в клеточку», или НВК. Жалкие пять грамм разорвали его жизнь на части.

Вот оно фатальное невезение: тем же утром Ланала арестовали. Вежливый до тошноты полицейский в тщательно отутюженной форме предъявил постановление на обыск. В бачке унитаза молодой сержантик нашёл те самые несчастные пять грамм НВК.

Единственное, что ему могли предъявить – незаконное предпринимательство. Максимум, что грозило Ланалу за найденные в подвале полулегальные стимуляторы и стероиды – пять лет лишения свободы на самом Миреме. И то, если бы судья явился на заседание с жуткого похмелья, а присяжные все до одного страдали бы глухотой и слепотой. Но...

НВК – совершенно другая песня. Пусть обвинение не смогло доказать ни одного факта сбыта, а судья и присяжные чувствовали себя превосходно, Ланал получил два года тюрьмы и... принудительную эмиграцию на Свалку. Навсегда. Там, в зале суда, на скамье подсудимых, Ланал «умер».

Сколько прошло месяцев, а до сих пор кажется, если бы тогда удалось побороть дьявольское искушение, то вежливые полицейские так ничего бы и не нашли. Он ведь и в самом деле не собирался ни синтезировать, ни продавать НВК. Ну так, любопытства ради, научного и собственных возможностей. Однако ни судья, ни присяжные ему не поверили.

Печальные воспоминания на время заглушили физическую боль. Ланал тяжело вздохнул. Впрочем, иногда нужно лишиться всего, растерять все силы и надежды, упасть духом и лицом в грязь, чтобы заново найти в себе силы встать в полный рост и вновь обрести надежду.

Ещё на Миреме, ожидая отправки на Свалку, Ланал «воскрес». Не так давно ему казалось, будто хуже участи никчёмного лаборанта с серой внешностью и полным отсутствием перспектив ничего быть не может. Ан нет! Арест, суд и принудительная эмиграция доказали обратное – может, да ещё как.

Хватит! Ланал сжал кулаки. Хватит раздражать Великого Создателя слёзными жалобами на судьбу. А то, ведь, не приведи господи, в очередной раз придётся убедиться, что принудительная эмиграция на свалку человеческих душ ещё не дно жизни. Как бы уже здесь, на Свалке, не нашлась бы яма глубже и грязнее. Второго шанса не будет. Ланал легонько стукнул кулаком по краю койки.

В конце концов он дипломированный химик. Может и паршивенький, но диплом, спасибо папе с маме, заслужил честно. Если подучиться, почитать умные книги, то можно стать хорошим и даже очень хорошим химиком. Главное отмотать срок, а там дальше видно будет. Как заявил Сапог, тюремный надзиратель на Миреме: при должном терпении и упорстве карьеру можно сделать даже в аду, даже самый тяжкий грешник вполне может дослужиться до истопника. Ланал улыбнулся.

– Это что за безобразие!

Ланал вздрогнул от неожиданности. Железная кровать противно скрипнула.

В центральном проходе между койками скачет и гневно трясет красными штанами невзрачный мужичок с растрёпанными волосами, тонкими ручками и... совершенно голый. Заключённый подскочил к запертому выходу и заорал благим матом:

– Где мой чемодан?! Я спрашиваю, где?! Я требую, чтобы о моём прибытии немедленно доложили губернатору! – псих от души пнул стальную дверь. – Я буду жаловаться!!!

Реакция нулевая. Полусфера видеонаблюдения над дверью равнодушно взирает на голого мужичка.

– Безобразие!!! Распустились тут, понимаешь! Я требую губернатора!!!

Голый псих ещё долго распинался перед запертой дверью, тряс красными штанами и требовал губернатора. Что за тип? Впрочем, Ланал отвернулся, какая разница. Псих он и на Чалосе псих. Говорят, не все новоявленные жители Свалки смиряются с принудительной эмиграцией. Некоторые залезают в петлю ещё в камере на Миреме, некоторые сводят счёты с жизнью уже здесь, на Свалке. Аборигены не жалуют эмигрантов третьей категории, не считают их людьми. Говорят, особо буйного заключённого могут сами в петлю засунуть.

Время тянется с монотонностью улитки. Пока из анабиоза подымут всех заключённых. Через каждые семь – десять минут хлопает дверь, в накопителе появляется очередной новоявленный житель Свалки. Ланал незаметно задремал.

В тишине сдавленных охов и стонов дверной замок щёлкнул, словно выстрелил. Ланал вздрогнул от неожиданности, блаженная дремота разом испарилась. Так и есть: входная дверь раскрыта настежь. На пороге с гордым видом возвышается низкорослый крепыш. Коротко стриженные волосы торчком, кривой нос, пухлые щёчки, на круглом личике такое строгое выражение. Такое... На местном тюремщике не привычная чёрная форма, а зелёный китель с кучей карманов, штаны с широким ремнём и высокие ботинки с обычными шнурками. Странно? Форма одежды для всех исправительных учреждений Федерации Мирема должна быть единой.

Местный тюремщик выразительно помахивает короткой дубинкой с петлей на чёрной ручке. Крепыш буквально упивается собственной важностью. Не успел он переступить порог, как к нему тут же подскочил тощий псих.

– Меня зовут Дисет Ришор! Вы слышите? Дисет Ришор! – псих всё же натянул красную тюремную робу и надел ботинки. – Я прислан с Мирема, чтобы возглавить Управление финансов. Я требую, чтобы мне немедленно вернули чемодан, а так же препроводили к губернатору. Я буду жаловаться!!! – псих перешёл на крик.

О-о-о! Ланал привстал на локтях. Голый псих на самом деле чиновник. Ну да, всё правильно: Министерство колоний отправляет своих чиновников управлять далёкими мирами. Отдельных номеров люкс не существует, и чиновников, и заключённых везут в одних и тех же транспортных контейнерах.

Эмоциональная речь чиновника не произвела на аборигена никакого впечатления. Крепыш в зелёном кителе широко улыбается и поглядывает на чиновника снизу вверх.

– Я требую!

Психованный чиновник пошёл на очередной круг. В ответ абориген лихо ткнул его дубинкой в живот.

– О-о-ох! – чиновник согнулся в три погибели.

Ни хрена себе! Ланал присел на верхней койке и свесил ноги вниз. За рукоприкладство можно запросто оказаться на Свалке. А, ну да, прости господи, местный надзиратель и так на Свалке.

– Пшёл вон! – абориген грубо оттолкнул чиновника. – А ну! Отбросы общества. Строиться!!!

Началось. Ланал осторожно спрыгнул на пол. Ступни тут же обожгло болью, словно вступил на горячий песок. Местные тюремщики ничем не отличаются от собратьев на Миреме: такие же закомплексованные психи и так же любят орать. Зеки с кряхтением и оханьем поднялись с коек и кое-как выстроились вдоль прохода двумя кривыми шеренгами.

– Слушать сюда! – с важностью индюка тюремщик неторопливо двинулся по проходу. – Меня зовут Тегав Индан. Можете не ломать свои куцые мозги. Ваши предшественники уже приклеили мне погоняло Индюк.

Ланал невольно улыбнулся. Точно индюк! Мелкий, но очень важный. Надулся, словно шарик. Того и гляди лопнет от собственной важности, если ещё раньше в суп не попадёт.

– Но! – Индюк дошёл до конца прохода и резко развернулся. – Для вас, свиньи, я утус Индан! Если хоть одна зараза обзовёт меня Индюком... – тюремщик остановился рядом с бугаем Аркадой, – Вышвырну на поверхность в одних портках без кислородной маски! С меня станется.

Серьёзная угроза, Ланал нахмурился. В атмосфере Свалки практически нет кислорода. Без дыхательного аппарата человек быстро задохнётся, если ещё раньше его не прикончит адская стужа или адская жара.

– Пока вы там дрыхли, – Индюк выразительно ткнул дубинкой в потолок, – мы сбросили ненавистное иго метрополии. Отныне и навсегда Дайзен 2 независимая планета!

Что за бред? От удивления глаза чуть не выскочили из орбит, Ланал мелко, мелко заморгал.

– Не может быть! – ахнул тощий заключенный в шеренге напротив.

Индюк нарочито медленно подошёл к тощему заключённому.

– Может, и ещё как, – концом дубинки Индюк приподнял тощему заключённому подбородок. – Метрополия уже пыталась задушить нашу свободу, снова поработить нас. – Индюк вновь двинулся вдоль прохода. – Вы слышали о Первом крейсерском флоте?

Ланал напряг память. Первый крейсерский... Ну конечно! Первый ударный флот – самая большая и мощная дубинка Федерации. Чтобы не гонять его на разборку со всякими там недовольными колониями существует Первый крейсерский. Так проще и дешевле. Только... Ланал глянул на Индюка, настоящего бунта ещё не было. Ни разу.

– Так вот, – Индюк выразительно похлопывает дубинкой по левой ладони, – Первый крейсерский флот здесь уже был. Но мы вышвырнули его из нашей системы! Три сотни хвалёных космических пехотинцев уже нашли свою смерть на нашей планете.

Индюк распушил перья. Мелкий тюремный надзиратель во всю наслаждается произведённым эффектом, широченная улыбка раздвинула пухлые щёчки и дотянулась до ушей. Ланал понурил голову. То, что несёт этот низкорослый боров, слишком невероятно, чтобы быть ложью. На глазах сами собой навернулись слёзы.

– Метрополия послала вас к чёрту дважды, – Индюк аж светится от счастья. – Первый раз, когда вышвырнула к нам на свалку человеческих душ. Второй, когда Первый крейсерский убрался восвояси, а вас бросил на произвол судьбы болтаться в своих анабиозных гробах на орбите.

Индюк урожденный садит. Хуже физической боли может быть только боль моральная.

– Да! Да! Что уставились? Больше пяти стандартных лет вы болтались на орбите никому на хрен не нужным мусором! И болтались бы дальше, если бы нам не потребовались сверхпроводники и накопители большой ёмкости ваших ледяных гробов.

Ланал несколько раз энергично сжал и разжал кулак. Так бы и врезал бы тюремщику по жирной харе! Чтоб перья во все стороны полетели! Индюк и ему подобные – самый паршивый вид тюремных надзирателей.

– А теперь запомните самое главное! – Индюк стукнул дубинкой по стальной кровати, железный стон резанул по ушам. – Вы – никто! Ваши тощие задницы ничего не стоят. Только потому, что ваши мускулы могут принести хоть какую-то пользу, вам дарована жизнь. Но! – Индюк злорадно оскалился, – это будет паршивая жизнь. Вы будете пахать, пахать и ещё раз пахать от зари до зари, без выходных и праздников до самой своей смерти. Красные пески Дайзен 2 поглотят ваши бранные тела и жалкие души.

Зарубите себе на носу одно единственное правило: за малейшее неповиновение – смерть. Молите Великого Создателя, чтобы вас просто поставили к стенке и пристрелили. О-о-о! Это будет самая гуманная смерть. Лёгкая, как сон. А теперь!

– Витус Индан! – из противоположной шеренги опять выскочил тощий чиновник. – Но я же не осуждённый. Я же не нарушал закон. Я свободная личность!

– Один хрен, – Индюк засмеялся мелко и противно. – Можешь считать себя военнопленным. Федерация Мирема объявила нам войну и до сих пор не признала нашу независимость.

Лицо чиновника вытянулось, челюсть отвисла, а руки безвольно повисли вдоль тела. Единственный военнопленный вот-вот громогласно разрыдается от боли и отчаянья.

– Пшёл вон! – Индюк замахнулся дубинкой, чиновник в ужасе отшатнулся.

Ланал стрельнул глазами на право и на лево вдоль шеренг. Лица товарищей по несчастью выражают все оттенки негативных эмоций, начиная с ужаса в глазах чиновника, и до удивлённого неверия заключённого напротив. Но все без исключения выглядят подавленными и глубоко несчастными людьми.

– А теперь, недоноски беременные, за мной, – Индюк вышел из камеры-накопителя. – Кто отстанет или вздумает рыпаться – первым отправится на поверхность. Бежать вам, паскуды, некуда.

На негнущихся ногах Ланал заковылял к выходу. Это, это, это невероятно! Много раз читал в фантастических романах о бунтах на далёких колониях. Но... Одно дело художественный вымысел, подчас очень даже правдоподобный, но всё равно вымысел, и совершенно другое... Неужели оно случилось на самом деле?

Колонии и раньше елозили, по телеку рассказывали. По мелочам, правда: вилами и топорами махали, мэрии и тюрьмы жгли. В какой-то дыре, говорят, губернатора грохнули. Но... чтобы бунтовать? Да ещё разгромить Первый крейсерский?

Боль толкнула в левое плечо, Ланал развернулся на месте. От волнения не заметил, как налетел на дверной косяк. В широком коридоре стоит несколько аборигенов в странных красных костюмах. Больше всего они похожи на сухопутных водолазов. Но... Превеликий Создатель, Ланал в ужасе отшатнулся. У каждого в руках... Неужели самое настоящее оружие? Длинный ствол с высокой мушкой, красный приклад и слегка изогнутая коробочка перед спусковым крючком. На «Эммы», электромагнитные автоматы космических пехотинцев, не похоже, но... Оружие, точно! Просто игрушки, тем более муляжи, так не держат.

– Не отставать! – возглас Индюка хлестанул словно бич.

А, может, и в самом деле раз и навсегда покончить с этим безумием? Ланал бросил украдкой взгляд назад. Сухопутные водолазы молча шагают за заключёнными. Лица скрыты за непрозрачными забралами.

Бред, бред на яву. Не прошло и пяти минут, как все планы, все мечты и все надежды на будущее опять рассыпались в прах. Пусть со свалки человеческих душ никто и никогда не возвращался, но на ней всё же живут обычные люди, такие же граждане Федерации. Не так давно заключённые всё же выходили на свободу. Говорят, некоторые из них очень даже недурно обустроивались. Главное хорошо работать и не злить аборигенов. Честный труд, он, того, вознаграждается. А что теперь?

А теперь впереди пустота и неизбежная смерть. Что там дальше за ближайшим поворотом? Индюк ни словом, ни полусловом не обмолвился о будущем. Хотя кое-что понятно и так: сколько кому дали лет отныне не имеет ни малейшего значения. Чиновника, законопослушного гражданина, мелкий надзиратель не задумываясь обрёл на тяжкий труд и смерть. Может, их и в самом деле ведут на поверхность? Может, у местных развлечение такое? Проклятый Индюк сделал самое гадкое, самое поганое, самое подлое, что только мог – убил надежду. Ланал снова украдкой бросил взгляд назад. Так... Может... Какой смысл тянуть?

Глава 2. Правительственный консультант

– И в завершении о погоде.

Сексапильная телеведущая изящно покачивает бёдрами на ходу. На стене за её спиной появилась большая карта погоды. Красные круги антициклона накрыли восточное побережье материка Ларж.

– Завтра днём ожидается сухая, ясная погода, – теледива обворожительно улыбнулась. – Воздух прогреется...

Лирон Рекоу бросил электронный блокнот на круглый столик возле кресла-качалки. Злость и глухое недовольство вспыхнули в груди маленькой едкой хлопушкой и тут же погасли.

– Опять тишина, – Рекоу откинулся на спинку кресла.

Старое кресло-качалка из натуральной древесины послушно качнулось назад и пронзительно скрипнуло. И без подсказки теледивы видно какая прекрасная погода царит на дворе. Накануне ночью моросил противный осенний дождь, но к утру тучи рассеялись. Великолепная Гепола взошла на небосклон и согрела воздух. На календаре конец октября, землю вот-вот укроет первый снег. Ну а пока в столь чудный осенний денёк сам бог велел наслаждаться тишиной и покоем в любимом кресле-качалке на террасе собственного домика. Но злость и глухое недовольство продолжают терзать Лирона Рекоу, бывшего начальника тюрьмы Глот на далёкой Свалке.

Месяц. Скоро месяц, как из похода на Свалку вернулся Первый крейсерский флот. Само собой подразумевалось, что brave космические пехотинцы побыстрому разгонят аборигенов по хатам, и на этом так называемый бунт на далёкой колонии закончится. Ан нет!

Первое сообщение о возвращении Первого крейсерского флота оказалось последним, планетарные СМИ дружно заткнулись. Ей богу! Как воды в рот набрали. Все без исключения телеканалы ведут себя так, будто жителей метрополии абсолютно не интересует далёкая Свалка и почему до сих пор нет победоносных реляций о восстановлении конституционного порядка на Дайзен 2, и почему адмиралы и прочие непричастные не красуются на телеэкранах с новенькими наградами на пышных мундирах. Ясно дело: СМИ молчат не по собственной воле, а по указке правительства.

Четвёртую неделю подряд Рекоу прилежно просматривает все выпуски новостей и... тишина. В склепе на заброшенном кладбище новостей и то больше. Популярные телеведущие сияют безукоризненными зубами, взахлёб рассказывают о светских раутах, смакуют интимные подробности из жизни знаменитостей и выдают прогнозы о длине женских юбок в следующем сезоне. Вот и сейчас в одиннадцатичасовом выпуске бойкая на язык блондинка с наигранным восторгом поведала о новом сорте орхидеи, который кто-то там вывел где-то там и теперь многочисленные сообщества любителей цветов по всей планете писают от восторга. Рекоу печально посмотрел на валяющийся на круглом столике блокнот. Ещё неделя молчания и тогда гаджет точно закончит свои дни на каменной дорожке между калиткой и крыльцом дома.

Рекоу опустил руки на широкие подлокотники. Старое кресло-качалка равномерно закачалось. Ни высоколобые чиновники, ни адмиралы с генералами при всём желании не могут вечно прятать шило в пустом мешке. Рано или поздно им всё равно придётся поведать широкой общественности, избирателям, Рекоу усмехнулся, о поражении Первого крейсерского флота. А то, что впервые в новейшей истории федеральный флот потерпел самое настоящие поражение, сомневаться невозможно. Официальное молчание четвёртую неделю подряд лучшее тому доказательство. Быстрее всего правительство пребывает в глубокой растерянности и до сих пор не решило, что же делать.

С улицы долетел визг тормозов, Рекоу лениво повернул голову. Возле забора остановился большой чёрный внедорожник с квадратными обводами кузова. Дружно хлопнули дверцы с тонированными стеклами. Наружу выбрались сурового вида мужики лет 30 – 40 с короткими причёсками в чёрных деловых костюмах. Узкие рукава едва скрывают накаченные бицепсы, из-под полов добротных пиджаков проглядывают кобуры для пистолетов. Тот, что по выше и по старше, вытащил из кармана наладонник и с задумчивым видом уставился в маленький экран.

А-а-а!!! Козлы!!! Рекоу натужно засопел. Понадобилась вся сила воли, вся выдержка какая только есть, чтобы только остаться в удобном кресле-качалке с безразличной миной на лице. А сделать это непросто. Грудную клетку буквально распирает от радости. До жути, до коликов в животе хочется вскочить на ноги и расхохотаться во всё горло. Еще лучше подбежать к накаченным типам и ткнуть каждому в морду комбинацией из трёх выразительных пальцев. Рекоу вцепился в подлокотники кресла, пальцы аж побелели от напряжения. Дай бог, правительственные агенты, а это именно они, ничего не заметят.

Бегство со Свалки и возвращение на Мирем не прошло гладко. Если по меркам Дайзен 2 бывший начальник Глотки вполне обеспеченный человек, то в дорожной метрополии накопленных сбережений едва хватило на скромный коттедж в относительно престижном жилом поясе Найдак – Запад 13, что тянется от города Найдак в западном направлении и упирается в восточный склон хребта Вунбат. Не будь в названии жилого пояса числа 13, то живописный вид горных склонов и величественных темно-зелёных елей влетел бы в очень круглый совирт. А так крупно повезло: лезть в ипотеку на пару десятков лет не пришлось.

Если супруга без проблем нашла работу в ближайшей больнице, а сын быстро освоился в новой школе, то с Апилией, старшей дочерью, возникли большие проблемы. Несколько месяцев она упорно не могла простить отцу коварного похищения со Свалки, но её можно понять. Какой бы жалкой и убогой не была свалка человечески душ, но Дайзен 2 её родина.

– Доброе утро, уважаемый, – тот, что повыше и постарше, остановился возле калитки. – Скажите, пожалуйста, вы – Лирон Коссанич Рекоу?

– Я, – отозвался Рекоу.

Собственный голос показался хриплым и натянутым, словно гитарная струна.

– Разрешите войти?

Точно правительственные агенты. Рекоу нервно сглотнул. Быть вежливыми и спрашивать разрешение им полагается по инструкции. Иначе они не имеют права вторгаться на частную территорию без разрешения владельца или постановления суда.

– Пожалуйста, – Рекоу нарочито небрежно махнул рукой.

– Утус Рекоу, – агент остановился возле террасы, – Витус Букнир, президент Федерации Мирема, приглашает вас на личную встречу. Если у вас нет возражений, то прямо сейчас.

Рекоу, не говоря ни слова, продолжает смотреть на незваного гостя.

– Федерации требуется ваша помощь, – правительственный агент вежлив до тошноты, но... подобным тоном сержант приказывает зелёному новобранцу отдраить туалет до сверкающей чистоты или сделать сотню отжиманий. – Мы доставим вас прямо во Дворец.

– Хорошо, – Рекоу неторопливо поднялся из кресла. – Дайте мне пять минут.

Пяти минут и в самом деле вполне хватило бы, чтобы переодеться и сложить в дорожную сумку нехитрые пожитки. Но, потакая чувству собственного превосходства, Рекоу прокопался полчаса.

Ему всего 60, до пенсии почти 30 лет. Он вполне мог бы устроиться администратором в какую-нибудь фирму, главным надзирателем в тюрьму, или

даже разносчиком свежее испечённых пирожков. Однако Рекоу из принципа, из вредности, ушёл на пенсию, благо двадцатилетняя работа начальником тюрьмы в далёкой колонии легко позволили это сделать. На недоумённые вопросы знакомых и соседей Рекоу отвечал туманно и неопределённо: «Жду». И он действительно ждал. Ждал. Ждал. И дождался!

Надев лёгкие шорты и футболку с большими зелёными пальмами на груди, Рекоу украдкой выглянул в окно: нервничают правительственные агенты, нервничают. Тот, что помоложе и пониже ростом, эмоционально размахивает руками. Наверно предлагает по-быстрому скрутить упрямого гражданина и запихать в багажник. Второй, постарше и посолидней, ведёт себя гораздо спокойней. Наверно объясняет молодому напарнику, что с рядовым избирателем нужно вести себя очень вежливо, но всё равно нет, нет, да и поглядывает то на дверь в дом, то на дверцу в багажник вместительного внедорожника. Рекоу развеселился.

Наконец, нацепив на голову панамку, Рекоу вышел на крыльцо. Это надо видеть! Лица агентов вытянулись от удивления. Думали, сволочи, что отставной чиновник натянет на себя самый лучший деловой костюм, повяжет на шею самый дорогой галстук, который только найдётся в его гардеробе, а руки по самые локти испачкает в чёрной ваксе. А вот и хрен вам! Рекоу гордо выпятил грудь и подобрал живот. Он специально оделся так, словно собрался на курорт. Пусть ноги в лёгких сандалиях немного мёрзнут, но это только пока.

На своём внедорожнике правительственные агенты привезли Рекоу на ближайший аэродром. Маленький пассажирский самолёт с шикарно отделанным салоном, сексапильной стюардессой и прохладительными напитками перенёс Рекоу через материк Ларж и далее через Бескрайний океан прямо в Пасму, столицу Федерации Мирема. Больше всего удивляет другое, Рекоу буквально прилип носом к иллюминатору от изумления: самолёт приземлился прямо на территории Правительственного дворца, в большом саду за главным комплексом.

Да-а-а... Рекоу поднялся с мягкого кресла. Значит, президент Федерации не просто хочет встретиться с бывшим начальником тюрьмы Глот, а жаждет увидеть его как можно быстрее. После тщательного обыска и нескольких постов охраны, Рекоу провели в одну из комнат дворца и велели ждать.

Широко улыбаясь, Рекоу присел на небольшой диванчик и с наслаждением вытянул ноги. Не зря оделся как на курорт. Это в Найдак – Запад 13 поздняя осень и вот-вот выпадет снег, а в Пасме жаркое лето. Столица Федерации находится на большом тропическом острове Сонпан чуть ли не на экваторе. Едва Рекоу вышел из самолета, как жаркий и влажный тропический воздух окутал его, словно мокрое ватное одеяло.

Рекоу с огромным интересом посмотрел по сторонам. Для места сосредоточения верховной власти огромного космического государства обстановка более чем скромная. Высокий потолок с лепниной, стены приятного светло-жёлтого цвета, на окнах обычные жалюзи, а из мебели четыре диванчика, пара стульев возле овального столика и всё. Такое впечатление, будто находишься не в Правительственном дворце, а в офисе какой-нибудь фирмы средней руки. Наверно это приёмная не для самых именитых посетителей. Кабинеты и залы Правительственного дворца часто показывают по телевизору, но вот именно эта комната не мелькала на экране ни разу.

Остаётся терпеливо ждать, Рекоу устроился по удобней. Чем крупнее начальник, тем больше ему нужно времени, чтобы торжественно предстать перед просителем. Вон! Рекоу наклонил голову на бок. Дверь в стене по левую руку очень даже подходит для появления президента: высокая, двухстворчатая, с резным орнаментом на тёмной древесине. Наверняка очень старая, тяжёлая и стоит кучу денег.

Однако не прошло и двух минут, как двухстворчатая дверь широко распахнулась. Рекоу вскочил на ноги. Вслед за гориллоподобными телохранителями в штатском, в комнату вошёл президент Федерации Мирема со свитой.

Президента Федерации тысячу раз показывали по телевизору. Но! Одно дело наблюдать за первым лицом на экране и совершенно другое столкнуться с ним нос к носу. Рекоу, словно солдат на посту, вытянулся и поправил шорты. Нужно было всё таки одеть самый лучший деловой костюм и повязать на шею самый дорогой галстук.

Для своих семидесяти лет витус Букнир выглядит потрясающе: высокий статный красавец с мужественным лицом и выразительными глазами. Деловой костюм идеально подогнан по фигуре, на рукавах золотые запонки. А как же иначе? Рекоу залюбовался президентом. Целая армия косметологов, диетологов, тренеров и стилистов самым тщательным образом следят за первым лицом Федерации Мирема и делают всё, чтобы это самое лицо не брали ни возраст, ни солидная административная нагрузка, ни высококалорийные конфеты и булочки.

За президентом маячат два высокопоставленных чиновника. Тот, что слева, витус Мегар Рант, министр колоний собственной персоной. А тот, что справа, более солидный и коренастый, Игеж Ропин, министр обороны. Рекоу едва не поморщился от разочарования: разговор с президентом приватным не будет. А жаль.

– Добрый день, утас Рекоу, – мягким голос произнёс президент.

Рекоу, словно во сне, пожал протянутую руку.

– Спасибо, что приняли моё приглашение.

Президент говорит величественно и немного высокопарно. Нужно сказать хоть что-нибудь в ответ, но во рту пересохло, а ноги намертво приросли к мраморному полу. Рекоу вымученно кивнул. Что поделаешь: далеко не каждый день приходится здороваться за руку с первым лицом государства.

– Прежде, чем перейти к делу, позвольте вам кое-что показать.

Витус Букнир быстрыми шагами пересёк приёмную. Телохранители ловко распахнули перед главой государства двери напротив. Рекоу так бы и остался стоять на месте в жуткой растерянности, если бы министр колоний походя не подтолкнул его к более активным действиям.

В соседней комнате небольшая экспозиция древнего оружия, Рекоу замер от удивления на пороге. Слева небольшая пушка. Станины разведены в боевом положении, а ствол с непонятным расширением на конце смотрит в потолок. Никакой электроники, ну или хотя бы простейшего лазерного прицела. Голая механика с ручками, рычагами и колёсиками наводки. Рядом с колесом несколько боеприпасов: примитивные стальные снаряды с острыми наконечниками вставлены в так называемые гильзы с зарядом пороха.

На широком столе разложено вооружение пехотинцев. Рекоу подошёл ближе. Очень даже интересно! Не смотря на явный анахронизм, пороховой пулемёт выглядит очень даже солидно: длинный чёрный ствол с обычной мушкой, к подствольной коробке приделан стальной ящичек с патронами, большой приклад опирается на стол. И снова голый металл, никакой электроники.

Древний реактивный гранатомёт больше всего похож на канализационную трубу. На конце раструб для выхода реактивных газов, простой оптический прицел, пистолетная рукоятка и прикрытый стальной дужкой спусковой крючок. Реактивная граната похожа на толстый наконечник копья – очень даже опасная штука. Полтора а то два килограмма взрывчатки запросто порвут бронескафандр пехотинца и разнесут на части «Муравья».

Карманная артиллерия представлена пятью чугунными шариками с ребристыми боками. И снова никакой электроники, простые химические запалы с ручками и стальными кольцами предохранителей.

Противотанковые мины больше похожи на толстые блины. Не совсем оружие пехотинцев, но... эти блинчики вполне могут представлять опасность даже для современных танков и БМП. По крайней мере, не видно железных частей, обычный металлоискатель их вряд ли найдёт.

А это несомненно гвоздь коллекции, Рекоу взял со стола пороховой автомат. Охранники возле президента недовольно заёрзали.

По конструкции автомат очень похож на пулемёт, даже калибр один и тот же, только меньше размерами. Вместо стального ящичка с патронами слегка изогнутый магазин. Подствольная коробка и приклад те же самые, только ствол короче. А ещё под стволом установлен так называемый подствольный гранатомёт.

Рекоу так и сяк повертел в руках архаичное оружие. Президент и министры терпеливо ждут. А чего ждут? Непонятно. Впрочем! Рекоу провёл пальцами по прикладу, пороховой автомат очень похож на оружие Последней мировой войны, но... Что-то в нём не так.

– Господи, – тихо воскликнул Рекоу.

Словно в первый раз, совершенно другими глазами, Рекоу глянул на маленькую экспозицию. Пороховое оружие времён Последней мировой войны обычно красили в зелёный, тёмно-зелёный или песочный цвет. Часто его оставляли чёрным. Тогда как приклады, рукоятки и стальная коробка для патронов разложенного на широком столе оружия покрыты тёмно-красной эмалью. И ещё несколько очень важных особенностей.

Броневого щитка пушки пересекает цепочка круглых вмятин, а левое колесо изогнуто винтом и, к тому же, спущенное. Такое впечатление, будто по нему с размаху долбанули кузнечным молотом. На прикладе автомата пальцы нащупали глубокую вмятину. Блины противотанковых мин словно опудрены пылью и, к тому же, покрыты сеткой мелких царапин.

Вот оно что! В отличие от музейных экспонатов, выставленное оружие гораздо, гораздо моложе. Развеялись последние сомнения.

– Трофеи, – Рекоу повернулся к президенту. – Это не пороховое оружие глубокой древности, а трофеи, которые Первый крейсерский привёз со Свалки. Я прав?

Не дожидаясь ответа, Рекоу продолжил.

– Гениально! Когда космические пехотинцы высадились на Свалке, аборигены встретили их этим, – Рекоу выразительно потряс автоматом. – Пороховое оружие... Кто бы мог подумать: анахронизм, никакой электроники, никаких сверхпроводников. В этом вся соль: промышленных мощностей Свалки вполне хватило, чтобы в кратчайшие сроки наштамповать горы автоматов, пулемётов, гранатомётов, мин и даже пушек. И это сработало: космические пехотинцы так и не сумели подавить бунт на Свалке, а контр-адмирал Виман не решился превратить кратер Финдос в радиоактивную пустыню. Или всё же решился?

Министр обороны сморщил нос, словно ему закапали сок зелёного лимона, а министр колоний сдержанно улыбнулся.

– Да, вы абсолютно правы, – президент кивнул. – Я рад, что мои помощники не ошиблись характеризуя вас. Но, давайте пройдем в Каминную гостиную. Нам предстоит долгий разговор.

В Каминной гостиной и в самом деле нашёлся камин. Причём не бутафорский из алюминиевого очага с электрической подсветкой, а самый настоящий. Под серой прокалённой решёткой лежит тонкий слой пепла. В углу, между высокими окнами, стоит широкий угловой диван, низенький столик и пара чёрных кресел.

– Прошу вас.

Президент сел в кресло и показал рукой на соседнее. Министрам пришлось довольствоваться диваном. Помощники и телохранители остались стоять.

– Вынужден признать: мы не смогли вовремя оценить ситуацию и взять её под контроль, – произнёс витус Букнир. – Информация о возвращении Первого крейсерского флота прошла по всем каналам СМИ, но никто и подумать не мог, что бунт на Дайзен 2 не подавлен, – президент выстрелил глазами в сторону министра обороны. – Не удивительно, что правительство и генштаб немного растерялись.

Рекоу тактично промолчал. Как истинный политик с многолетним стажем президент умеет смягчать формулировки.

– Да, мы не можем отрицать печальный факт: бунтовщики на Дайзен 2 настроены решительно. Кроме того, они очень хорошо подготовились. У Первого крейсерского не хватило сил и возможностей, чтобы решительно и в кратчайший срок, без применения ядерного оружия, разумеется, подавить бунт. Да и что могла сделать всего одна рота космических пехотинцев численностью в двести человек против двух миллионов.

Президент говорит так, словно оправдывается. Или репетирует выступление перед нацией? Наверняка эти же самые обтекаемые слова и фразы в самое ближайшее время услышат миллиарды жителей Мирема.

– Вчера, после долгих и продолжительных дебатов, правительство приняло решение послать на Дайзен 2 Первый ударный флот для восстановления в колонии конституционного порядка.

Невероятно! От удивления Рекоу едва не стёк на пол. Правительство решило пустить в ход самую большую дубинку, которая только есть в его распоряжении. Это же... Как грецкие орех... Кувалдой... С размаха. Один необдуманый приказ, и... Рекоу потрянул головой. Видать, дела на Свалке совсем из рук вон.

– Мы предлагаем вам должность правительственного консультанта при командовании флота, – витус Букнир наконец-то добрался до самого главного. – У вас будет тот же уровень доступа к информации, что и у самого командующего флотом.

Рекоу напрягся и вцепился в подлокотники кресла мёртвой хваткой. Лицо окаменело, ноги упёрлись в пол, но... стиснутая улыбка превосходства всё равно растянула губы от уха до уха.

Наконец-то! Правительство всё же вспомнило о нём. Президент на личную аудиенцию вызвал, помощи просит. Рекоу тяжело задышал, щёки запылали жаром. Вот почему он так и не устроился на работу, а предпочёл отсиживаться на пенсии. Дождался! Дождался! Проклятая улыбка рвёт лицо пополам.

Витус Букнир тактично умолчал о самом главном: из всего восьмимиллиардного населения Мирема он единственный, кто знает Свалку не понаслышке, не по сухим отчётам сосланных чиновников, не по байкам пилотов транспортников, которые пуще огня боятся ступить на поверхность планеты, а по собственном горьком опыту. Он единственный за последний век, кто вернулся в метрополию после двадцати лет службы. Других кандидатов на пост правительственного консультанта при командовании Первого ударного флота просто нет.

Тянуть с ответом неприлично. Рекоу прочистил горло:

– Конечно, витус Букнир, я прекрасно осознаю важность предлагаемой мне должности и охотно принимаю её. Но! – Рекоу резко поднял указательный палец. – Только при выполнении двух очень важных для меня лично условий. Разрешите предупредить: на их неукоснительном исполнении я буду настаивать со всей категоричностью.

Министр колоний тут же нахмурился, зато министр обороны заметно повеселел. Выражение лица президента не изменилось.

– Во-первых, – осторожно подбирая слова, заговорил Рекоу. – В качестве вознаграждения за мои услуги я прошу миллион виртов на мой счёт чистыми. То есть без каких-либо налогов, отчислений и прочих вычетов. Ровно миллион.

– Почему так дорого! – витус Рант от возмущения едва не запрыгнул на столик. – Это же... Это же... Слишком много!

Министр колоний пылает праведным гневом. Наверно расходы на правительственного консультанта лягут на бюджет его министерства.

– А вы поищите кого подешевле! – не выдержал Рекоу.

Злорадство и сарказм, что так долго копилась в душе, выплеснулись наружу.

– Каково второе условие? – веский голос президента на корню погасил словесную перепалку.

Министр колоний тут же смолк. Рекоу с трудом взял себя в руки и произнёс:

– Во-вторых, в течении всей компании по восстановлению конституционного порядка на Дайзен 2 я буду находиться на борту космического корабля. Прошу и настаиваю записать в условиях договора, что никто и никогда и ни при каких обстоятельствах не имеет права требовать от меня спуститься на поверхность Дайзен 2.

– Проклятие Свалки, – президент чуть заметно кивнул.

– Да, оно самое, – легко согласился Рекоу. – Один раз Свалка отпустила меня. Дёргать судьбу за хвост второй раз я не хочу.

Витус Букнир не зря занимает самый высокий пост в Федерации Мирема. Ни насмешек, ни понимающей улыбки с его стороны так и не последовало. Зато министр колоний опять вскочил на ноги.

– Витус Букнир, – словно стреляя из пулемёта, заговорил министр, – Я считаю, что утас Рекоу требует оплату, которая не соответствует его профессиональной ценности. В нашем распоряжении находится доклад утуса Кассена Откена, последнего начальника тюрьмы Глот.

Утас Кассен Откен крайне нелицеприятно отзываясь о работе утуса Рекоу на посту начальника тюрьмы. Приняв должность, утас Откен выявил многочисленные нарушения режима охраны и содержания заключённых. Одно только существование теневой администрации тюрьмы среди заключённых является вопиющим упущением и даже откровенной халатностью утуса Рекоу. Из отчёта утуса Откена можно сделать вывод, что бунт заключённых произошёл в том числе и по вине утуса Рекоу.

Рекоу, слушая эмоциональную речь министра колоний, держался из последних сил. Но всё равно не выдержал и громогласно расхохотался.

– На каком основании вы смеётесь? – витус Рант сама уязвлённая гордость.

Удивлённое лицо министра колоний только подлило масла в огонь, Рекоу во второй раз сразил приступ дикого хохота.

Министр колоний никак не ожидал подобной реакции на столь тяжкие обвинения.

– Простите, витус, – Рекоу смахнул с ресницы слезинку. – Позвольте объяснить.

Министр и президент ничего не ответили.

– Точно такими же словами, – Рекоу потёр кулаком левый глаз, – я охарактеризовал работу утуса Несота, моего предшественника на посту начальника тюрьмы Глот. Правда, я сработал не так оперативно. Мой разгромный отчёт о недопустимом бездействии утуса Несота ушел на Мирём только через несколько месяцев, со следующим транспортником.

Всего я накатал пять отчётов, – Рекоу выразительно посмотрел на утуса Ранта. – Три о никудышной работе утуса Несота и два о неотложных мерах по

улучшению работы тюрьмы Глот. В последнем отчёте я буквально на каждой странице предрекал бунт заключённых и умолял министерство увеличить штат надзирателей и количество средств контроля. Но... – Рекоу выразительно развёл руками, – логика министерства проста: дальше Свалки заключённые всё равно не убегут.

– Это правда? – президент хмуро посмотрел на витуса Ранта.

– Нам необходимо проверить архивы, – не моргнув глазом, выкрутился министр колоний.

– Проверяйте. Проверяйте, – благодушно напутствовал Рекоу. – Может быть, наконец, найдёте огромную кучу отчётов о крайне неудовлетворительной работе колониальной администрации Дайзен 2, да и прочих миров тоже.

– Вы о чём? – настороженно поинтересовался витус Букнир.

– Видите ли, витус президент, на Свалке сложилась «добрая традиция»: каждый новый присланный с Мирема чиновник начинает работу с написания разгромного отчёта о никудышной работе своего предшественника, – охотно пояснил Рекоу. – Обычно два – три. На моей памяти витус Рабел, начальник полиции, написал аж десять, но это рекорд.

Да и как оно может быть иначе, витус президент. Министерство колоний давно наострилось сплавлять в далёкие миры неудачников и откровенных болванов. Меня удивляет, почему жители внешних колоний ещё так мало бунтуют.

Крыть нечем, пристыженный министр колоний сел обратно на диван.

– Ну хорошо, – примирительно произнёс президент. – С вашей работой на Дайзен 2 разобрались. Но... не слишком ли много вы просите?

Рекоу несколько расслабился. Аж на сердце отлегло. Витус Букнир далеко не дурак. Ибо дураку не дано занять президентское кресло в Гранитном кабинете, официальном рабочем месте президента Федерации Мирема.

– Это как посмотреть, – ответил Рекоу. – Сколько стоит одна «Эмма»? А броник космического пехотинца? А высокоточная ракета? Во сколько бюджету Федерации обойдётся прогулка Первого ударного на Свалку и обратно? По сравнению с ЭТИМ, – Рекоу выделил последнее слово, – Я прошу сущие совирты.

Не помогло, сомнения по-прежнему отражаются на лице президента.

– Впрочем, – Рекоу тут же сменил тактику, – Я с превеликим удовольствием останусь дома совершенно бесплатно. Знаете ли, после двадцати лет жизни под землёй просто так выйти на улицу, вздохнуть полной грудью свежий лесной воздух и почувствовать над головой бездонное небо уже за счастье.

– Хорошо, мы принимаем оба ваших условия, – неожиданно легко согласился витус Букнир.

Министр колоний тут же сник, будто этот самый миллион ему придётся выложить из собственного кармана.

– А теперь докажите, что вы стоите таких денег, – потребовал президент.

– Легко, – Рекоу ничуть не растерялся. – Разрешите начать с того, что никакой полноценной войны на Свалке не будет. Ещё до того, как космические пехотинцы высадутся на планете, аборигены спрячутся под землёй.

– Это очевидно, – отозвался витус Ропин.

– Но вы понятия не имеете, что на самом деле представляют из себя подземелья Свалки, – Рекоу в упор посмотрел на министра обороны. – За триста с лишним лет аборигены перекопали кратер Финдос вдоль и поперёк. На один официальный туннель, отмеченный на карте, приходится два – три неофициальных. Добавьте к этому заброшенные выработки и огромную сеть естественных пещер под Северным плоскогорьем. Кроме того, у аборигенов было почти два года, чтобы накопать ещё больше секретных туннелей и бункеров, о которых знают далеко не все жители самой Свалки.

– Ну-у-у... – недоверчиво протянул витус Ропин. – Не стоит преувеличивать возможности аборигенов. Население Свалки всего два миллиона человек.

– Я не преувеличиваю, а преуменьшаю, – уверенно ответил Рекоу. – Дайзен 2 это не Мирем, далеко не Мирем. Колония на Свалке целиком и полностью находится под землёй. Даже дороги между городами и поселениями пробиты в толще гор.

Половина населения Свалки так или иначе связана с добычей полезных ископаемых. Квалифицированных горняков и проходчиков на Дайзен 2 если и меньше, чем на Миреме, то на две-три сотни человек. Не говоря уже о горнопроходческих комбайнах и прочих машинах. Большая часть второй половины великолепно владеет отбойным молотком. Когда фермеру нужна дополнительная комната или кладовка, то он просто выкапывает её. Сам. Своими собственными руками. При этом фермеры не всегда сообщают о проведённых работах властям и ещё реже предоставляют полноценные чертежи.

Рекоу разошёлся не на шутку.

– Я настоятельно рекомендую отправить на Свалку как можно больше геологов и геологического оборудования. Это... – Рекоу на мгновение замялся, – буровых установок, комбайнов копательных... Ну, что там ещё есть у наших учёных для исследования глубин. Иначе война в подземельях Свалки для космических пехотинцев превратится в кошмар наяву.

Там! – Рекоу выразительно ткнул пальцем в пол, – вы не сможете использовать ни танки, ни бронемшины, ни высокоточные ракеты. Вся мощь Первого ударного окажется абсолютно бесполезной.

Рекоу перевёл дыхание. Убеждать облечённых очень большой властью людей тяжкий труд. До Создателя всего сущего и то легче докричаться. Получится ли?

– Благодарю вас, – президент поднялся с кресла. – Мы обязательно подумаем над вашими предложениями.

Рекоу поднялся следом. Аудиенция закончена, у витуса Букнира, как главы Федерации Мирема, полно дел.

– Мои помощники займутся вами. Они оформят необходимые документы. Первый ударный отправляется через десять дней. Дата обговорена заранее и переносу не подлежит. Всего вам хорошо, – на прощанье витус Букнир снова протянул руку.

Президент в окружении свиты быстро вышел через открытую телохранителями дверь. Рекоу, оставшись в Каминной гостиной совершенно один, сел обратно в удобное кресло.

Миллион виртов, это, конечно, хорошо. Рекоу уставился в окно. За неделю вполне реально купить хороший коттедж где-нибудь на берегу океана или озера. Да и жилищные проблемы детей можно смело сказать решены. Но... Невнятное сомнение, словно пёс неприкаянный, бродит в глубине души.

– Утус Рекоу, – в гостиной появился безукоризненно одетый помощник президента. – Прошу вас пройдёте в мой кабинет.

Рекоу тяжело поднялся из кресла, но едва не рухнул в него обратно. Вот оно что! Рекоу очумело уставился на холёного помощника президента. Мирный вариант решения проблемы даже не рассматривался. Ни президент, ни министры словом не обмолвились о возможности договориться с бунтовщиками, обойтись без выстрелов и напрасных смертей.

Вот почему министр обороны так улыбался, словно на концерте популярного юмориста. Витус Ропин безуспешно пытался скрыть распирающее его превосходство. Да. Да. Именно превосходство!

Последняя серьёзная война отгремела больше шести сотен лет тому назад. Уже много поколений космические пехотинцы воюют с манекенами на полигонах. А ведь так хотеться хотя бы разок пухнуть в самого настоящего живого врага. За

столетия мирной жизни в военных скопилось столько спеси и самоуверенности, что даже провал Первого крейсерского не отрезвил их.

Рекоу, понутив голову и опустив плечи, вышел из Каминной гостиной вслед за помощником президента. Остаётся надеется, что жители Свалки и в самом деле в ужасе разбегутся по хатам, когда над их головой зависнет армада Первого ударного.

Глава 3. Учебный поход

Поверхность Дайзен 2 представляет из себя одну огромную тёмно-красную пустыню из нагромождения древних метеоритных кратеров, изъеденных эрозией гор, камней и песка. По дну одного из бесчисленных оврагов пробирается партизанский отряд. Небеса разразились проливным дождём. Под завывание ветра ручейки жидкой грязи стекают в овраг. Два десятка солдат в тёмно-красных боргах с закинутыми за спину автоматами бредут по колено в мутной воде.

Третье и четвёртое отделения первого взвода первого полка Народной армии самообороны Дайзен 2 возвращаются с учебно-боевого рейда на базу. Рядовой Чаг Ратаг по прозвищу Непоседа шагает за Шныком, командиром отделения и закадычным другом.

Вообще-то на марше от каждого солдата требуется не терять бдительность и быть готовым в любой момент вступить в бой. Но сейчас, после пяти десятков километров по пересечённой местности, солдат Народной армии можно взять голыми руками.

Стемнело почти. Чаг устало огляделся по сторонам. Вверху, на фоне чуть более светлого неба, угадываются неровные края оврага. Тяжёлые шлепки по мутной воде тонут в шуме дождя и завывании ветра. Даже здесь, на дне оврага, сильный ветер крутится юлой и норовит опрокинуть в жидкую грязь. Каждый шаг даётся с трудом. Ремень автомата и лямки разгрузки давят на плечи. В такие моменты нехотя начинаешь проклинать и непогоду, и тяжеленное снаряжение и сделанный когда-то выбор в пользу карьеры профессионального солдата.

Само по себе учебно-боевое задание не шиш сложное: скрытым маршем пройти по восточной окраине Северного плоскогорья с заходом на вершину 36/8 и вернуться обратно на Партизанскую базу №4. Единственная сложность – пройти пешком с полной выкладкой пятьдесят с лишним километров.

По началу было легко и приятно, не рейд, а прогулка. Начало лета, снег давно сошёл, земля просохла и стала твёрдой, как бетон. Но! Когда до вожделенного отдыха осталось каких-то десять километров, через горный хребет кратера Финдос перевалила огромная туча и разродилась проливным дождём. За десять минут земля напиталась влагой, размякла и превратилась в тягучую грязь. А ещё через полчаса овраг наполнился мутной жижей. Если дождь не стихнет, то придётся выбираться на поверхность, а это снижение общей оценки за выполнение учебно-боевого задания. Хотя... Чаг с тоской посмотрел на стекающую по склонам оврага воду, в такой ливень условный противник всё равно не сможет обнаружить партизанский отряд хоть из космоса, хоть с беспилотника.

Последние километры растянулись до бесконечности. Вода всё прибывает и прибывает. В тёмных сумерках спина Шныка едва видна. В самую пору обвязываться верёвкой, чтобы не потерять друг друга в темноте.

Господи! Чаг едва не поскользнулся на скользком камне. Уж поскорей бы война началась! Как гласит народная мудрость: тяжело в учении, легко в бою. А так хочется отдохнуть. Учения, стрельбища, учебно-боевые рейды, теоретические и практические занятия следуют друг за другом бесконечной чередой. Заколдованный круг и только. За четыре местных года подготовки довелось

обойти Северное плоскогорье и примыкающие к нему горы вдоль и поперёк. Осталось ещё только глаза завязать, чтобы запомнить на ощупь каждый камешек, каждый овраг и каждую расщелину.

По колонне солдат пробежало оживление. Идущий впереди Шнык распрямил спину и прибавил шаг. Чаг едва не задохнулся от радости. Наконец-то! С плеч будто свалился тяжёлый груз, а ноги сами понесли вперёд. Дошли! Не иначе!

Резкий поворот влево в неприметную пещерку. Чаг нащупал над головой каменный свод. Шум дождя и завывание ветра быстро стихли. Под ногами, вместо противных шлепков, зашуршали мелкие камешки. Впереди из темноты выступил силуэт Шныка. Чаг улыбнулся. Перед входом на базу приветливо горит фонарь.

– Непоседа! – Шнык на ходу обернулся. – Ты не поверишь: Великий Создатель существует!

Возбуждённый голос друга едва пробивается через герметичный шлем борга, но и по внешнему виду Шныка легко понять, насколько он рад скорейшему завершению утомительного рейда.

– Без базара, Шнык! – во всё горло выкрикнул Чаг. – Великий Создатель только что подарил нам крупицу своего божественного внимания!

От безумной радости хочется петь и танцевать. Не важно что, не важно как, лишь бы дать выход прущему изнутри веселью. Но, Чаг торопливо переступил через высокий порог герметичной двери, сзади напирают идущие следом товарищи. Время повеселиться ещё будет.

Яркий свет внутри шлюза после темноты ночи и мрака входной пещеры режет глаза. Зато... Чаг с превеликим удовольствием поднял забрало и вдохнул свежий наполненный живыми запахами воздух базы... Точно дошли.

В раздевалки царит весёлая суета. Солдаты, молодые парни от девяти до ста двадцати лет, бойко скидывают борги и прочую амуницию. Повсюду звучат смех и солёные шутки. В воздухе витает запах пота и мыла.

Отставать от товарищей совершенно ни к чему. Чаг убрал в шкафчик «Надежду», рядышком положил разгрузку с боеприпасами и с превеликим удовольствием снял борга. Натруженные плечи тут же почувствовали невероятную лёгкость. Кажется, подпрыгни слегка, и тут же ударишься головой о потолок.

Очень хочется как можно быстрее вымыться, поесть и завалиться спать. Пусть «похлёбка», синтетическая пища, на вкус ещё та гадость, но, после полусотни километров по каменной пустыне, она кажется вкуснее телячьей отбивной с горошком и листьями зелёного салата. Но прежде нужно привести в порядок борг и оружие. Солдат в любой момент должен быть готов запрыгнуть в боевое облачение, схватить автомат и встретить врага во все оружие. Наконец Чаг добрался до душевой кабинки и крутанул краны с холодной и горячей водой.

Длинные тёплые струи падают на голову и стекают по плечам и спине. От удовольствия Чаг закрыл глаза. Вместе с водой стекает усталость.

– Ты надолго? – за спиной раздался голос Шныка.

– Навсегда, – не открывая глаза, ответил Чаг.

Шнык недовольно засопел и отошёл. Ничего. Пусть поищет другую кабинку. В бане, как говорится, нет генералов.

Тёплая вода тянет в сон. Чаг, слегка склонив голову, блаженно улыбается. Нет большего наслаждения, чем после тяжёлого рейда забраться под душ и стоять, стоять, стоять... А впереди ещё большее наслаждение: ужин и долгожданный сон. Нет ничего лучше и приятней, чем армейская кровать с серым шерстяным одеялом и тонкой подушкой в белоснежной наволочке. А потом... А потом опять учёба: теоретические и практические занятия, стрельбища и учебно-боевые рейды. Чаг недовольно поморщился. Уж поскорей бы война началась.

– Внимание!

Чаг встрепенулся и открыл глаза. Приятная нега улетучилась. Из раздевалки, через открытую дверь, долетел голос из громкоговорителя. Лейтенанта Брадана, командира первой роты и начальника Партизанской базы №4 легко узнать по глубокому басу. Ему бы песни петь, а не отрядом командовать.

– Сегодня, в семь часов утра, с очень важным сообщением выступит глава Независимого правительства витус Тонк. Личному составу, свободному от нарядов и несения караульной службы, собраться на плацу ровно в 6:55 утра. Внимание! – лейтенант Брандан завёрнул сообщение по второму кругу.

Накаркал! Идиот! Чаг прижался лбом к прохладной стенке душевой кабинки. Из груди вырвался тяжкий вздох. Горячая вода по-прежнему льётся на голову и стекает по спине, но от бывшего удовольствия нет и следа.

Очень важное сообщение главы Независимого правительства может означать только одно – война. На этот раз на орбите Дайзен 2 появится Первый ударный флот, самый большой и самый могучий кулак Федерации Мирема.

Самое главное и самое трудное в предстоящей войне – выжить. Ну и победить, конечно же. Чаг взял с маленькой полочки мочалку и мыло. В недалёком прошлом уже приходилось сталкиваться с космическими пехотинцами. Пусть каждый из них по самую макову набит спесью, но великолепно обучен и ещё лучше вооружен.

Чаг заводил скользким куском мыла по мочалке. Отличная боевая подготовка наипервейший залог успешного выживания, ну и победы, конечно же. Когда страх туманит разум, тело делает то, чему его учили, гоняли, дрессировали на бесконечных учениях и прочих тренировках. Если потребуется, то хоть сейчас готов сорваться по тревоге и убежать в очередной учебно-боевой рейд хоть на сто, хоть на тысячу километров. Пока оценки ставят офицеры. На войне первый и последний неуд поставит пуля.

Чаг быстро вымылся и вышел из душевой. Остаётся надеется, что до подхода Первого ударного осталось недели две. Хотя... Чаг накинул на плечи гимнастёрку, может уже через пару дней космические пехотинцы высадутся возле Щитовой горы. Что поделаешь: у маленькой колонии нет развитой системы дальнего обнаружения. В прошлый раз удалось заранее засечь Первый крейсерский только потому, что он сам вышел на связь.

А пока, Чаг захлопнул шкафчик, нужно подкрепиться. Пустой желудок перестал намекать на пустоту, а вцепился голодными зубами в позвоночник. Если отпуск накрылся, то остаётся надежда хотя бы отоспаться перед войной.

Глава 4. Переговоры

Тридцать шесть дней Первый ударный флот Федерации Мирема добирался с места выхода из последние пульсации до орбиты Дайзен 2, более известной как Свалка.

Из всей системы наблюдения за внешним космосом у аборигенов только орбитальная станция «Снежинка», но и она в первую очередь космический порт, а не передовой форпост. Впрочем, надеется на то, что до самого последнего момента аборигены так и не смогут заметить огромный флот, глупо. Факелы, исполинские облака плазменного выхлопа девяти больших кораблей, летят впереди флота на сотни и тысячи километров. Любой манёвр, разгон или торможение, требует запуска главных двигателей.

Не смотря на все доводы, командующий флотом адмирал Крилл всё равно запретил выходить на связь. Свалка ответила гордым молчанием. Даже когда Первый ударный завис над планетой, а космические пехотинцы захватили «Снежинку», даже тогда из кратера Финдос не пришло ни одного вызова. Нужно отдать должное: в игре в молчанку аборигены одержали моральную победу.

Местных жителей совершенно не испугал огромный флот в составе красы и гордости Федерации линкора «Ингар», фрегатов «Вемис» и «Ноуссан», носителя такшипов «Юрланд» и авианосца «Амал». На борту четырёх десантных транспортов «Нутан», «Аттау», «Годван» и «Нивран» прибыла Первая десантная дивизия Федерации Мирема, а это пять тысяч космических пехотинцев, танки, боевые машины пехоты, самоходная артиллерия.

Но даже захватив господство в космосе, адмирал Крилл не стал спешить с переговорами. Линкор и фрегаты выпустили из своих недр множество разведывательных спутников и беспилотных летательных аппаратов. Космические истребители, оглашая окрестности воем реактивных двигателей, проутюжили кратер Финдос вдоль и поперёк.

Разведка поработала на славу. Каждый без исключения бугорок, камень, военный объект был обнаружен, исследован и нанесён на карту. Только... Маленькая колония в буквальном смысле закопана под землю. Если аборигены и подготовились к войне, то большая часть их решимости скрыта под пустынями и горами кратера Финдос.

Лирон Рекоу, правительственный консультант при командовании флота, изо всех сил спешит в штаб, но не получается – невесомость, будь она неладна. Это только во вращающемся кольце жилого модуля можно нормально передвигаться на двух ногах по самому обычному полу, а на остальной части исполинского корабля царит невесомость. Не смотря на все усилия физиков изобрести генератор искусственной гравитации не удалось до сих пор.

Рекоу дважды за свою жизнь приходилось преодолевать расстояние в 19 световых лет, но оба раза в качестве ледяного груза в анабиозной капсуле в зелёном контейнере с синими полосками. Оба раза, если разобраться, космоса по-настоящему он не видел. Зато сейчас, на борту линкора «Ингар», прелести космического полёта чувствуются во всей красе. Слово муха на стекле с мёдом, Рекоу торопливо ковыляет по проходу в ботинках-липучках.

– Берегись!

Рекоу замер на месте и втянул голову. Мимо, обдав воздухом в опасной близости, пролетел техник в светло-серой униформе. Ну да, Рекоу боязливо обернулся, настоящие космонавты липучками не пользуются, а летают по проходам и колодцам с ловкостью обезьян. Здесь, в глубине линкора, довольно многолюдно. Рассчитывал добраться до штаба флота за десять минут. Но, Рекоу тяжело вздохнул и заковырял дальше, куда там! Тренироваться нужно было, а не отсиживаться в собственной каюте целую неделю. Наконец, всего за две минуты до 17 часов по местному времени, Рекоу переступил порог штаба.

Как и полагается, штаб Первого ударного находится в самом защищённом месте линкора «Ингар», в его середине. Посреди просторного помещения стоит тактический стол с голографическим проектором. Вдоль стен пульта управления. Штабные офицеры склонились над тактическими экранами. Ещё два широких экрана висят у них над головами.

– Добрый вечер, – ковыляя к тактическому столу, вежливо поздоровался Рекоу. – Надеюсь, вы ещё не лишили аборигенов последней возможности сдаться.

– Добрый вечер, уважаемый, – от слов адмирала Крилла веет холодом. – Вы опоздали. На ваше счастье аборигены до сих пор не вышли на связь.

Рекоу не ответил, извиняться не имеет смысла. Адмирал отвёл глаза в сторону, словно тут же забыл о присутствии правительственного консультанта. Рекоу молча остановился возле тактического стола.

Во плоти в штабе флота присутствует только адмирал Крилл, а фактически за переговорами будут наблюдать все высшие командиры Первого ударного. Рекоу посмотрел по сторонам. На тактических экранах перед штабными офицерами загадочные графики, цифры, бегущий текст и прочие данные. На двух больших

экранах над их головами изображения контр-адмирала Нинчана, капитана линкора «Ингар», генерал-лейтенанта Солмара, командующего Первой десантной дивизией, а так же капитаны фрегатов и транспортников флота. Оно и правильно, Рекоу выпрямился и попытался принять вертикальное положение, предосторожности лишними не бывают. Не стоит класть все яйца в одну корзину.

Связи со Свалкой всё нет и нет. От нечего делать Рекоу принялся украдкой разглядывать командующего флотом.

Адмирал Крилл, сидя в широком кресле, пристёгнутый ремнями крест на крест, похож на императора седой древности. Ростом командующий флотом не вышел, худощавый, вытянутый, но отнюдь не хилый. Как и любой космический офицер, адмирал Крилл может похвастаться накаченной мускулатурой. В условиях невесомости регулярные физические упражнения не блажь, а суровая необходимость. Пусть фигуре адмирала недостаёт габаритов, зато грозного достоинства на лице хватает с избытком. Такое впечатление, будто не ты смотришь на него сверху вниз, а он взирает на тебя с высоты царственного трона.

За семь дней с момента пробуждения из ледяного сна Рекоу успел несколько познакомиться с офицерами линкора. Пусть по началу контакт не клеился, зато потом они рассказали много интересных подробностей об адмирале Крилле. Самое неприятное заключается в том, что адмирал Крилл законченный карьерист.

Ровно за неделю до отправления Первого ударного в поход специальным указом министра обороны адмирал Шнобир, прежний командующий флотом, был отправлен в почётную отставку по причине достижения пенсионного возраста. Тем же указом на должность командующего флотом был назначен адмирал Крилл. Как в секунду откровенности выразился контр-адмирал Нинчан: «Штабная крыса и великий интриган с чрезмерными амбициями». Как втихомолку поговаривают в офицерской кают-компании, адмирал Крилл пробрался на должность командующего флотом исключительно по карьерным соображениям. Он уже достиг потолка в Министерстве обороны. Для финального рывка в обойму больших политиков ему позарез нужна победа над бунтующей Свалкой. Не к добру такое рвение, не к добру.

– Где связь? Дайте мне связь со Свалкой! – громко потребовал адмирал Крилл.

– Мы вызываем аборигенов по всем каналам, но они не отвечают, – отозвался штабной офицер.

Адмирал Крилл недовольно нахмурился. Рекоу невольно улыбнулся. Не любит адмирал, когда кто-то откровенно забивает на его приказы. Впрочем, как бы то ни было в своё время адмирал Крилл закончил Лирдское военно-космическое училище с отличием и прошёл по всем без исключения ступенькам административной лестницы. Если его таланты как полководца ещё можно оспорить, то как администратора и тяжелоатлета подковёрной борьбы ему нет равных. Может и в самом деле, лет через десять, он переедет в Правительственный дворец.

Что-то не похоже, что грозный вид Первого ударного произвёл на аборигенов впечатление. Рекоу приуныл. Только в десять минут шестого над тактическим столом возник голографический экран, виртуальный аналог телевизора. От далёкой колонии глупо ожидать полноценного объёмного изображения. Наконец рябь чёрно-белых полос сменилась изображением витуса Тонка, так называемого главы Независимого правительства. Рекоу сощурился, трудно не узнать бывшего помощника начальника Управления по энергетике.

– Добрый вечер, адмирал, – главарь мятежников заговорил первым. – Простите, не имею чести вас знать.

– Добрый вечер, витус. Разрешите представиться: командующий Первым ударным флотом Федерации Мирема адмирал Блар Винжич Крилл, – с хорошо скрытым вызовом ответил адмирал.

Точно тяжеловес подковёрный! Рекоу стрельнул глазами в сторону адмирала. Командующий флотом сумел соблюсти правила вежливости и при этом мастерски выделить фразу «Первый ударный флот».

– Адмирал, – быстро заговорил витус Тонк, – Ваш флот вторгся в пределы независимого государства Дайзен 2. Если в течении ближайших двух часов вы покинете орбиту Дайзен 2 и направитесь за пределы нашей системы, то мы готовы расценить ваш поступок как досадное недоразумение. Дайзен 2 мирная планета. Мы не желаем войны с Федерацией Миреме. Более того! Мы выступаем за установление дипломатических и торговых отношений.

Вот так, Рекоу едва не захопал в ладоши, не сложным словесным трюком глава мятежников переложил вину за предстоящую войну на Федерацию Мирема, Первый ударный флот и на адмирала Крилла лично. Не исключено, что в данный момент вся планета следит за переговорами. Впрочем, Рекоу опять приуныл, витус Тонк не похож на человека, которого страшит предстоящая бойня.

– Систем Дайзен и планета Дайзен 2 являются неотъемлемой частью Федерации Мирема, – чеканя каждый слог, заговорил адмирал Крилл. – Первый ударный флот прибыл в систему Дайзен для восстановления конституционного порядка в колонии Дайзен 2. Ваше так называемое Независимое правительство является незаконным и я не обязан его признавать.

Адмирал Крилл выдержал эффектную паузу и продолжил:

– Витус Тонк, я уполномочен правительством Федерации Мирема предложить вам прекратить бессмысленное сопротивление и сложить оружие. В случае добровольной капитуляции всех участников вооружённого мятежа ожидает амнистия. Вы лично и члены вашего так называемого Независимого правительства уйдёте в почётную отставку с сохранением всех причитающихся выплат и пособий. В противном случае мне приказано подавить вооружённый мятеж с применением всех имеющихся в моём распоряжении сил и средств.

Рекоу опять с трудом сдержался, чтобы не захопал, но на этот раз от бессилия. Пусть адмирал Крилл говорит о мире, но добровольная капитуляция Свалки его совершенно не устраивает.

– Вам нас не запугать, – выражение лица витуса Тонка не изменилось. – Мы готовы с оружием в руках отстаивать нашу свободу и независимость. Вам никогда не поставит Дайзен 2 на колени, адмирал.

– Это ваше окончательное решение? – тут же спросил адмирал.

Адмирал Крилл с трудом сдерживает торжество. Ещё немного и командующий флотом откровенно пошлёт витуса Тонка на три весёлых буквы.

– Да.

Рекоу едва не взвыл от отчаянья. Витус Тонк и адмирал Крилл ведут себя как два бойцовых петуха на арене. Один делает вид, будто поражения Первого крейсерского флота никогда не было, второй тактично молчит, но всем своим видом напоминает об этом. Они что, не понимают, что в конечном итоге оба попадут в суп, причём в одну и ту же кастрюлю?

– Адмирал? – Рекоу выразительно посмотрел на командующего флотом.

Адмирал Крилл недовольно поморщился и нехотя произнёс:

– Да. С вами желает поговорить утус Рекоу, правительственный консультант.

Рекоу молча порадовался: ещё на Миреме заранее удалось настоять на личном разговоре с главарём мятежников. Мирный исход не укладывается в личные амбиции адмирала. Не для этого он разводил интриги, не для этого пролез на должность командующего Первым ударным флотом. Наоборот: ему нужен упёртый противник, который будет упрямо сопротивляться и сложит

оружие не раньше, чем пара тысяч аборигенов отправится на встречу с Великим Создателем раньше времени. Будь его воля, адмирал тут же свернул бы переговоры.

– Добрый вечер, витус Тонк, – голографический экран повернулся в сторону Рекоу.

– Добрый вечер, витус Рекоу, – вежливо ответил главарь мятежников. – Как я вижу, отставка благотворно повлияла на вас. Вы загорели.

Для своих пятидесяти шести лет витус Тонк выглядит великолепно. Широкое открытое лицо с крупными чертами. Глубоко посаженные глаза всё так же излучают властность. Вот, только, некогда густые чёрные волосы тронула седина. В молодости главарь мятежников занимался тяжёлой атлетикой, благодаря чему до сих пор может похвастаться фигурой штангиста. Но... Власть над целой планетой не прошла даром. В выражении лица витуса Тонка, в его манере держаться и вести разговор, чувствуется превосходство над простыми смертными, даже спесь.

– Витус Тонк, – решительно заговорил Рекоу. – Сейчас, в данный момент, вы творите историю, но не понимаете, какую именно.

Да, я с вами полностью согласен: существующая ныне система управления колониями прогнила, как поражённая фитофторой картофелина. Не мне вам рассказывать, какими бедствиями и страданиями оборачивается эта гниль для жителей далёких миров. Ну и пусть бы себе гнила дальше! Глядишь, лет через сто сгнила бы окончательно. И тогда правительство Федерации пошло бы по пути мирных реформ и было бы вынуждено предоставить внешним мирам некое подобие автономии. Но нет! Благодаря вам этому не суждено сбыться.

Вы понятия не имеете о тех бурных дебатах, что всколыхнули сенат и нижнюю палату, когда вернулся морально опущенный Первый крейсерский флот. Благодаря вашей победе вверх взяли ястребы. Правительство пошло на принцип и решило отправить Первый ударный флот. Вы, вы лично, витус Тонк, подтолкнули центральную власть к силовому решению проблемы любой ценой, вплоть до ядерной бомбардировки.

Рекоу перевёл дух. Простой разговор, а чувствуешь себя так, словно выступаешь перед огромной толпой.

– Витус Тонк, остановитесь. Конфликт ещё можно разрешить миром. Ещё можно вернуться к прежней системе управления, к мирной эволюции. Пусть не сейчас, пусть через сто или двести лет, но Дайзен 2 обязательно получить некую автономию без разрушений и напрасного кровопролития. Войну за независимость вам не выиграть. Зато своим поражением вы окончательно повернёте Федерацию Мирема на путь создания полноценной колониальной империи.

Почитайте историю старичка Мирема, витус Тонк. Освежите память. Узнайте, какими бедствиями и страданиями оборачивались подобные империи для покорённых народов не в таком уж далёком прошлом. Оно вам надо? Или вы хотите, чтобы именно под таким соусом бунт на Свалке и ваше имя вошли в историю?

Рекоу умолк. Такое впечатление, будто в штабе флота температура воздуха поднялась градусов на десять, а то и на все двадцать. Ещё никогда не приходилось говорить с таким вдохновением и под гнётом такой ответственности. Остаётся надеется, что горячие слова достигли цели. По крайней мере, заставят главаря бунтовщиков призадуматься.

– Я выражаю волю народа Дайзен 2, – высокопарно ответил витус Тонк. – Который...

– Ой не надо громких слов о революции! – Рекоу перебил главу Независимого правительства. – Вы и ваше Движение никогда не были волеизъявлением жителей Дайзен 2. То, что вы провернули, называется

классическим военным переворотом. Пользуясь бездарностью и халатностью колониальной администрации, вы захватили власть, и теперь ради неё готовы принести в жертву собственный народ.

Не то, совсем не то. Рекоу с тревогой взглянул на адмирала Крилла. Командующий флотом откровенно улыбается. Проклятье! С облечёнными властью людьми нужно общаться, как с детьми неразумными. Меньше всего они хотят услышать голую правду о себе любимых.

– Одумайтесь, витус Тонк! – от отчаянья Рекоу едва не сорвался на крик. – Пока ботинок космического пехотинца не коснулся поверхности Дайзен 2, вы вполне можете избежать войны.

Если бы не полное отсутствие гравитации, Рекоу рухнул бы на пол от возбуждения. Вместо этого он заколыхался на месте, словно одинокая травинка на ветру.

– Наша позиция остаётся прежней, – сухо ответил главарь мятежников. – Если понадобится, мы готовы с оружием в руках защищать нашу свободу и независимость.

Слова витуса Тонка словно острые камни бьют по голове. Ну почему всемогущим мира сего плевать на жизни своих подданных?

– Конец связи, – не прощаясь, произнёс витус Тонк, голографический экран тут же погас.

– Конец, конец, – радостно закивал адмирал Крилл.

Всё впустую. Рекоу отвёл глаза. От вида довольного адмирала тошнит. Так и хочется запустить в его довольную рожу кирпичом или тяжёлым ботинком, чтобы кровь и осколки зубов во все стороны. Последняя надежда на мирный исход растворилась. Да и как оно могло быть иначе, если и главарю бунтовщиков и командующему Первым ударным нужна война.

– Внимание!

От громогласного возгласа адмирала Рекоу вздрогнул. Командующий флотом распрямил спину и гордо расправил плечи. Ни дать, ни взять – император седой древности на божественном троне.

– Приказывают начать боевую операцию по восстановлению мира и конституционного порядка на Дайзен 2.

Грома аплодисментов и приветственных возгласов не последовало. Но и без бурных оваций подданных адмирал Крилл чувствует себя на белом коне с мечом наперевес.

– Разведка! Доклад.

Возле тактического стола ловко приземлился капитан третьего ранга Дишан. Держа в руках электронный блокнот, главный разведчик флота заговорил хорошо поставленным голосом:

– На этот раз аборигены хорошо подготовились к обороне. Аэрокосмическая разведка выявила комплекс объектов, которые однозначно определены как наземные форты.

На тактическом столе появилась детальная карта кратера Финдос. Рекоу слегка наклонился. Такое впечатление, будто смотришь с большой высоты. Кружочки с названиями указывают на населённые пункты. Пусть колония на Дайзен 2 существует четвертую сотню лет, но исполинский кратер Финдос до сих пор является единственной освоенной территорией.

– Все без исключения наземные форты находятся на Северном плоскогорье.

Изображение кратера Финдос увеличилось в размерах и плавно сдвинулось в сторону. Хорошо знакомое Северное плоскогорье, участок пустыни, окружённый с трёх сторон горами кратера Финдос, а с юга Большим изломом, тектоническим разломом, который в далёком геологическом прошлом опустил южную часть кратера примерно на сотню метров.

– Самый большим наземным фортом является Щитовая гора, что прикрывает столицу Финдос с юга. Пять малых фортов прикрывают её с восточного, южного и западного направлений. Кроме того, в горах, возле поселений, обнаружены ещё форты разных размеров.

Словно заправский лектор капитан третьего ранга Дишан докладывает о результатах разведки. Вторя его словам, на карте Северного плоскогорья вспыхивают значки наземных фортов. Не то, чтобы их слишком много, но и не мало. Рекоу задумчиво переводит взгляд с одной точки на другую. Пожалуй, всё же слишком много. У аборигенов был всего год и десять месяцев по стандартному летоисчислению, чтобы подготовиться ко встрече с Первым ударным.

– Каких-либо признаков восстановления разрушенной тюрьмы Глот не наблюдается. На прочей части кратера Финдос каких-либо объектов военного назначения не замечено. Главный вывод: Северное плоскогорье – единственная подготовленная к обороне территория. На ней же следует ожидать самое упорное сопротивление аборигенов, – главный разведчик флота умолк.

Да... Нужно признать: разведка поработала отлично. Рекоу мысленно похлопал капитану третьего ранга. Между тем адмирал Крилл с самым серьёзным видом изучает карту Северного плоскогорья.

– Адмирал, – не удержался Рекоу, – Я не военный, но... что-то с этими фортами не так. Слишком глупо подставлять их под удары такшипов и АКИ. Поверьте мне: аборигены далеко не дураки.

Но осторожное замечание пропало зря, адмирал даже не соизволил оторвать глаза от карты.

– Где рекомендуете развернуть Главный базовый лагерь? – адмирал Крилл посмотрел на главного разведчика.

– По согласованию с генерал-лейтенантом Солмаром, наиболее оптимальной позицией для развёртывания космического десанта является Изумрудная долина, – ответил капитан третьего ранга Дишан.

Карта Северного плоскогорья с красными отметками целей сдвинулась в сторону. Горы кратера Финдос сместились к самому краю тактического стола.

– Изумрудная долина представляет из себя очень древний метеоритный кратер с сильно разрушенными краями – пояснил капитан третьего ранга Дишан. – Долина находится в 40 километрах севернее кратера Финдос в пустыне Верхняя чисть. Таким образом, расстояние до главного театра военных действий относительно небольшое. С другой стороны, аборигенам будет гораздо сложнее добраться до Главного базового лагеря и нанести ему какой-либо ущерб. В этой части пустыни какие-либо поселения и подземные туннели отсутствуют полностью.

– Отлично, – губы адмирала Крилла растянулись в холодной улыбке. – Капитан третьего ранга Ниртан!

На тактическом столе появилось изображение командующего авиацией флота. Сам капитан третьего ранга находится на носителе такшипов «Юрлан».

– План нанесения ракетно-бомбового удара по обнаруженным объектам готов, – бойко отрапортовал капитан третьего ранга Ниртан. – Трёх стандартных суток вполне достаточно для гарантированного уничтожения обороны противника. Такшипы и АКИ находятся в полной боевой готовности.

Рекоу печально улыбнулся. Для полного счастья главному лётчику не хватает возможности бодро отдать под козырёк и щёлкнуть каблуками. Связь на расстоянии имеет свои минусы.

– Отлично, отлично, – адмирал Крилл благодушно усмехнулся. – Боевую операцию приказываю начать завтра с рассветом в 5 часов утра по местному времени. Космическому десанту приступить к высадке в Изумрудной долине. Авиации флота приступить к уничтожению обороны противника. Сделайте так,

капитан, чтобы в Северном плоскогорье камня на камне не осталось, – в завершении пожелал адмирал.

Вот так, Рекоу без сил рухнул бы на пол, будь такая возможность. Бравые вояки рвутся в бой и упорно не желают прислушаться к голосу разума. Неужели они все такие?

– Вопросы будут? – адмирал Крилл положил ладонь на застёжку ремней, что удерживают его в кресле.

– Да, адмирал.

На тактическом столе, вместо командующего авиацией флота, появился генерал-лейтенант Солмар.

– Согласно данным разведки, на крыше ангаров Космопорта имени Пилага аборигены оставили ровно тридцать один ящик прямоугольной формы, – произнёс командующий космическим десантом.

Карта пустыни Верхняя чисть исчезла. Вместо неё на тактическом столе появилась фотография со спутника. Рекоу едва не лёг на голографическую столешницу: очень хорошо знакомый силуэт Щитовой горы и встроенного в неё Космопорта имени Пилага. Взлётно-посадочная полоса проходит рядом с тремя ангарами. Орбитальные челноки останавливались на небольшой площади перед космопортом, разгружались, загружались, заправлялись и вновь уходили на взлётно-посадочную полосу. А это не иначе как те самые сложенные аккуратно рядами серые ящики. Причём не просто длинные коробки, а.. Господи!

– Ну и что? – раздражённо бросил адмирал Крилл.

Лицо генерал-лейтенанта Солмара окаменело.

– Адмирал! – кажется, ещё немного и генерал-лейтенант перейдёт на самую грязную ругань. – Пятая отдельная рота космического десанта была вынуждена оставить на Свалке тридцать одного погибшего пехотинца! Аборигены не стали восстанавливать тюрьму Глот, однако полностью разобрали её руины. Остатки РСПП и бронескафандры космических пехотинцев представляют для них большую ценность. Логично предположить, что на крыше ангаров сложены тела погибших.

Гробы! Ну конечно! Рекоу легонько хлопнул ладонью по тактическому столу. Пятая отдельная рота как раз базировалась на одном из транспортников Первого крейсерского флота. Именно её космические пехотинцы пытались образумить аборигенов силой. Но! Последний штурм тюрьмы Глот закончился катастрофой: аборигены подорвали Глотку вместе с десантниками. На чём, собственно говоря, и закончилась первая попытка подавить бунт на Дайзен 2. Тогда никто и подумать не мог, что аборигены взбунтовались всерьёз и надолго.

– Ну и что? – в раздражении адмирал Крилл нахмурил брови.

– Адмирал, – щёки генерал-лейтенанта Солмара покраснели, – я прошу разрешения организовать экспедицию, чтобы забрать тела погибших.

– Вы что, сдурели? – адмирал Крилл рассердился не на шутку. – Это же ловушка. Аборигены тут же собьют десантный челнок. А если не собьют, то обязательно заминируют каждый ящик.

– Мы обязаны попытаться! – генерал-лейтенант Солмар упорно настаивает на своём. – Это жест доброй воли со стороны аборигенов. Они ведь то же люди! К тому же в недалёком прошлом законопослушные граждане Федерации Мирема. Уже завтра такшипы и АКИ разнесут космопорт к чёртовой матери. Великий грех убивать павших товарищей во второй раз. Я лично готов возглавить экспедицию.

В штабе повисла напряжённая тишина. Офицеры за пультами управления на время забыли о тактических экранах и настороженно уставились на адмирала Крилла. Даже командующие космических кораблей нахмурили брови и тревожно ждут. Рекоу замер на месте. С подобными выражениями на лицах разгневанная толпа обычно собирается линчевать преступника.

Адмирал Крилл плотно сжал губы. Принимать жесты доброй воли от бунтующих аборигенов явно не входит в его планы.

– Нет, генерал, – адмирал Крилл стукнул кулаком по подлокотнику. – Это ловушка. Пока оборона противника не подавлена, не может быть и речи о какой-либо экспедиции

– Это ваше окончательное решение? – с вызовом спросил генерал-лейтенант Солмар.

– Да! Чёрт побери.

– Нельзя так, – изображение генерал-лейтенанта тут же пропало.

– Больше вопросов нет? – требовательно произнёс адмирал Крилл.

Командиры космических кораблей молча отключились. Штабные офицеры уставились в тактические экраны. Со стороны кажется, будто они поглощены работой, но на деле не желают видеть командующего флотом.

– Тогда завтра в пять начинаем.

Адмирал Крилл откинулся на спинку кресла. Командующий флотом буквально светится самодовольством. словно маленький мальчик, которому строгая мама всё же купила набор оловянных солдатиков. Такое впечатление, будто стычки с командующим десантом и молчаливого осуждения прочих офицеров не было и в помине.

Не дожидаясь разрешения, Рекоу развернулся и заковылял к выходу. Как истинный житель метрополии адмирал Крилл ни во что не ставит аборигенов, смотрит на них свысока и держит за идиотов. Ему нужна маленькая победоносная война. Дай бог, чтобы так оно и было.

Возле выходного люка Рекоу оглянулся. Адмирал Крилл, наслаждаясь собственным величием, восседает в кресле. Точно император седой древности. Ещё, только короны из чистого золота на голове не хватает, а в правой руке длинного скипетра. Но! Неужели он не понимает, что только что между ним и подчинёнными возникла глубокая трещина. Если так пойдёт дальше, она превратится в бездонную пропасть. Карьерист хренов. Рекоу, перешагнув высокий порог, неловко вывалился в коридор.

Глава 5. Изумрудная долина

Восходящий над горизонтом Дайзен осветил стены древнего кратера с романтическим названием Изумрудная долина. Миллионы лет ни что не нарушало покой изъеденных дождём и ветром гор. Но, едва наступил новый день, как серые небеса разразились оглушительным грохотом. Звено аэрокосмических истребителей прошло на бреющем полёте над древним кратером. От воя реактивных двигателей красный песок пошёл волнами, а со склонов гор градом посыпались мелкие камешки.

Только аэрокосмическим истребителям совершенно некого пугать. Ближайшее поселение аборигенов находится далеко на юге. Люди не заглядывают в Изумрудную долину десятилетиями. Командование Первого ударного прекрасно знает об этом, но предосторожности лишними не бывают.

Ещё через пару минут девять десантных челноков «Торнадо» приземлились в центре Изумрудной долины. Огромные тучи поднятой пыли не успели осесть, как по упавшим пандусам из спускаемых модулей лихо выскочили БМП. Респы, роботизированные системы поддержки пехоты, на ходу сиганули с боевых машин и разбежались широким полукругом. Выбросив десант, «Торнадо» тут же взмыли в небо.

Боевые машины разъехались в разные стороны и сбросили скорость. Из десантных люков на красный песок Свалки выскочили космические пехотинцы. словно на учениях, первый взвод первого полка занял круговую оборону. Но и тогда никто не отреагировал на вторжение. Как бы то ни было, космические

пехотинцы захватили самый первый плацдарм на бунтующей Свалке. Боевая операция по восстановлению мира и конституционного порядка началась.

Через час Изумрудная долина наполнилась войсками. Десантные челноки без усталости опускают на поверхность Свалки всё новые и новые отряды космических пехотинцев, танки, самоходную артиллерию, универсальные модули. К исходу второго часа в южной части Изумрудной долины под прикрытием покато́й горы вырос Главный базовый лагерь.

Очередной «Торнадо» с воем вошёл в атмосферу. Как обычно мелкая тряска плавно перерастает в зубодробительную вибрацию. Ну а незадолго до выхода вообще начнётся дикая болтанка. Биал Ришат, рядовой космический пехотинец по прозвищу Ящер, молча стиснул зубы. Ещё только язык прикусить не хватало.

Такое впечатление, будто пилот загрузил спускаемый модуль молоком и очень старается спустить на планету масло высшей пробы. Впрочем, Биал по удобней ухватился за поручни, его можно понять: пусть в Изумрудной долине уже высадился целый полк, но строгий устав требует неукоснительно соблюдать меры безопасности.

Из «Шельмы», боевой машины пехоты, ни черта не видно. Но Биал и так прекрасно представляет, что происходит снаружи. Зубодробительная вибрация переросла в дикую болтанку, значит «Торнадо» уже вышел на бреющий полёт. Пилот дёргает челнок из стороны в сторону. Не дай бог там, внизу, в какой-нибудь расщелине, засел дурной абориген с зенитной ракетой. Биал поёжился, по спине пробежали холодные мурашки.

Рывок в сторону.

Биал припечатался головой о стойку, шлем гулко звякнул. Аж душа в пятки. Противно осознавать, что от тебя сейчас ничегошеньки не зависит. Это же не учения. Дурной абориген и в самом деле может пальнуть зенитной ракетой. Каким бы юрким и прочным не был бы «Торнадо», какой бы великолепной ИПРО не обладал бы, всегда остаётся крошечный шанс, что его собьют к чёртовой матери. Тогда запертым в двойном гробу космическим пехотинцам не поможет даже сам Великий Создатель.

Резкое торможение. Пол под ногами заходил ходуном. Удар снизу. Биал аж подпрыгнул. Приехали.

Пронзительный скрип и треск упавшего пандуса. Биал нервно сглотнул. Сейчас, или никогда. Под ногами взревел движок. «Шельма» рывком рванула вперёд. С потолка упал вой реактивных двигателей.

– Приготовиться к высадке!

Напряжение разом отпустило, Биал нервно улыбнулся. Раз Зил, командир отделения сержант Зилуч, командует высадку, значит пронесло. По броне заскребли «муравьиные» лапы, значит респы уже соскочили. Приятно, чёрт побери, держать собственную судьбу в собственных руках. А сейчас точно будет высадка, Биал заранее вытащил из зажима на стене электромагнитный автомат «Эмма». «Шельма» в последний раз дёрнулась и остановилась.

– Отделение... На выход!

Биал вскочил с места. Сердце бешено заколотилось. Первая самая настоящая боевая высадка. Судорожно сжимая автомат, Биал выскочил вслед за товарищами наружу... Ах, вот ты какая, Свалка.

Дожив до двадцать лет, Биал ни разу не бывал за пределами Геполы, даже выбраться с Мирема ни разу не довелось. Чужая планета удивляет, завораживает и настораживает.

Да... Биал завертел головой. Это не Мирем, далеко не Мирем. Ничего, абсолютно ничего похожего на родной мир. БМП остановилась возле так называемых Восточных ворот, широкого прохода между невысокими холмами. Направо и налево насколько хватает глаз раскинулась каменистая пустыня.

Верхняя чисть, кажется, унылый пейзаж. Пески и камни всех оттенков красного тянутся на тысячи километров. На юге, в дрожащей дымке, угадываются горы того самого кратера Финдос. Ни клочка зелени, ну или хотя бы сухой веточки. Ни малейшего признака жизни, вообще ничего. Хотя, Биал напряг память, на Свалке всё же есть жизнь. Правда, как выразился на инструктаже лейтенант Божл, искать её нужно долго и упорно.

В спину ударил дикий вой, Биал резко обернулся. В Изумрудную долину, поднимая огромные тучи красной пыли, опускается очередной десантный челнок.

За миллионы лет дожди и ветра сильно разрушили некогда почти круглый кратер. Песок и глина переполнили каменную чашу и, пробив на стенах пару проходов, сползли во внешнюю пустыню огромными языками. Как будто кто-то специально насыпал подъездные пути.

– Налюбовались? – по связи загрохотал голос Зила. – А теперь за работу. Чтобы через час закопались в землю по самые уши. У кого будут торчать – оторву к чёртовой матери.

Биал убрал автомат в зажим на спине. Сержант не шутит, он и в самом деле уши оторвать может. Пусть в ближайшее время появление противника не предвидеться, но отделение всё равно обязано окопаться по всем параграфам боевого устава.

– Ящер, пошли, – Шалфей, напарник, уже вооружился сапёрной лопаткой. – Как гласит солдатская мудрость: больше земли, меньше крови.

– Пошли, – Биал отцепил от пояса сапёрную лопатку.

Двадцать первому взводу выпала честь перекрыть Восточные ворота. Как ни как, они оказались на возможной передовой. Биал повертел головой. На забрале шлема синими линиями отображаются будущие окопы и огневые позиции. И то радость: не придётся бегать с рулеткой и колышками. А то на учениях господ офицеры очень любят усложнять жизнь простых солдат всякими нелепыми вводными. Биал с размаху вогнал лопатку в красный песок.

Копать траншею в осадочной породе одно сплошное удовольствие. Песок и тонкие пласты глины легко и быстро отлетают в сторону вероятного противника. Никаких заморочек с дёрном и маскировкой. Руки легко делают привычную работу, а в голову лезут дурные мысли.

Всё же интересно, Биал подправил край бруствера, разбегутся аборигены по хатам или нет? Одно дело всего лишь рота космических пехотинцев, и совершенно другое целая дивизия с танками, пушками и боевыми вертолётами. Над головой назойливо режут «Торнадо». К вечеру на Свалку высадится более пяти тысяч человек с тяжёлой техникой. С такой силой не то что маленькую колонию, Мирем в дымящую пустыню превратить можно.

Привычный рёв «Торнадо» перебил вселенский грохот. Биал ничком рухнул в не докопанный окоп. Руки сами выдержали из-за спины автомат.

Что? Что случилось? Биал осторожно высунул «Эмму» наружу. Встроенная в автомат видеочамера вывела на внутреннюю поверхность забрала вид каменистой пустыни... Ничего.

– Что, бойцы, в штаны наложили?

Голос командира отделения как всегда полон сарказма, но... Биал готов биться об заклад, сержант и сам только что поднялся со дна окопа.

– Не бзди, Ящер, – из-за кучи песка показалась голова Шалфея. – Это всего лишь такшипы.

– Где? – Биал завертел головой.

– Да вон, на север ушли, – пальцем показал напарник.

Точно такшипы. Высоко, высоко в небе, вслед за утихающим грохотом, летят три чёрных треугольника.

Да-а-а... Такшипы, пусть маленькие, но самые настоящие космические корабли, появились со стороны кратера Финдос. Всё правильно: авиация уже взялась за аборигенов. Ну а раз к делу подключили такшипы, значит на головы бунтовщиков падают ну очень серьёзные штучки. Как бы походя кратер Финдос с землёй не сравняли. Они могут. Между тем такшипы, стремительно набрав высоту, исчезли в зеленоватом небе.

Биал закинул автомат обратно за спину и подобрал сапёрную лопатку. Чтобы не творилось на юге, но второе отделение обязано перекрыть Восточные ворота и точка. Биал сориентировался по синей линии и снова вонзил лопатку в красный песок. Но... Что за чёрт? Шалфей по-прежнему сидит в недоделанном окопе в крайне расстроенных чувствах. Лица напарника не видно, но, судя по расслабленной позе, повисшим рукам и голове, ошибиться невозможно. От удивления Биал чуть не поскользнулся на рыхлом песке.

Если сам Биал только-только закончил пехотное училище, то более опытный и зрелый Шалфей прослужил в десанте не один десяток лет. За его спиной несколько боевых вылетов, которые, правда, закончились как учебные. Не так давно бунтующие аборигены тут же бросали вилы и топоры, если над их планетой зависал Первый ударный флот.

– Не бойсь, Шалфей, такшипы нас в обиду не дадут, – Биал не удержался от грубой шутки.

– Да ну тебя! – огрызнулся напарник.

Шалфей закинул автомат за спину и взялся за сапёрную лопатку. Красный песок нервными толчками снова полетел из недоделанного окопа.

Что с ним? Биал молча подивился. Обычно на подобные колкости Шалфей не обращает внимания. Обычно буркнет под нос что-нибудь добродушное и всё. Биал снова взялся за окоп. Но, не прошло и пяти минут, как голова напарника вновь показалась из-за кучи песка.

– Ладно, Ящер, раз такое дело, то лучше сразу..., – Шалфей воткнул лопатку в песок, а сам присел на край почти доделанного окопа. – Может статья и не будет другого случая на чистоту поговорить.

От удивления Биал едва не воткнул сапёрную лопатку в собственный ботинок. Ранее от более опытного напарника ничего подобного слышать не доводилось. Сапёрная лопатка сама выскользнула из рук. Дисциплина и страх перед грозным сержантом отступили под натиском любопытства.

– Вот ты мне много раз жаловался на рутину нашу, армейскую, – после секундного раздумья заговорил Шалфей. – Дескать, каждый день одно и то же. Ещё в училище тебя дисциплина извела, а в дивизии то же самое, только ещё хуже. А знаешь ли ты, недоросль, что лет через двадцать ты эту самую рутину боготворить будешь?

– Как это? – от удивления Биал вытянул шею.

– А так, – Шалфей печально кивнул. – Я когда полноправным пехотинцем стал то же, вот, в бой рвался. Очень повоевать хотелось, по-настоящему. Чтобы и противник реальный был, и чтобы посредники за спиной не маячили. Но... – Шалфей выразительно развёл руками. – Не срослось, не случилось. А с годами привык, пообтёрся, стерпелся, значит. Это вы, молодёжь, от радости описались, когда Свалка независимость объявила и Первому крейсерскому по шее накостыляла. А по мне так уж лучше десяток учений и ещё сверху пару десятков учебно-боевых вылетов, чем взаправду на этой проклятой Свалке землю ковырять! – Шалфей рубанул ребром ладони по свеженасыпанному песку.

– Так ты, это, того... – Биал замялся, – Боишься?

– Да, боюсь! – с вызовом признался Шалфей. – Угораздило аборигенов именно сейчас объявить о своей треклятой независимости. Не могли годика три подождать.

– И что же было бы через три года? – машинально спросил Биал.

– Через три года у меня истёк бы двадцатипятилетний срок службы, – Шалфей поднял голову. – Я бы имел полное право уйти в отставку, или в службу перевестись, ну или в Адаун сержантом-инструктором устроиться. Да мало ли чего ещё мог. А тут, угораздило: аборигены взаправду воевать собираются.

Шалфей прыгнул в окоп. Жаль, из-за тёмного забрала невозможно разглядеть лицо напарника, но, судя по интонации, он не шутит. Да и какие тут могут быть шутки. Биал подобрал сапёрную лопатку.

Окоп быстро обретает прописанные в боевом уставе очертания. Хлопая лопаткой, Биал уплотняет песок на бруствере. Ещё, наверно, придётся пенобетоном заливать. А то, ведь, до ближайшего дождя... Господи! Ну и дела!

Неужели и он сам лет через двадцать превратится в заводного солдата, в дорогую игрушку для генералов? Как бы не лютовало командование, как бы не гоняло солдат на бесконечных учениях, но долгий, через чур долгий, мир портит армию. Среди тех, кто выбрал судьбу профессионального солдата, хватает карьеристов и желающих хорошо устроиться. Об этом не принято вспомнить, но, едва в систему Геполы с побитой мордой вернулся Первый крейсерский, около сотни рядовых и сержантов тут же уволились из десанта. А когда объявили о походе Первого ударного, ещё с десяток подали в отставку. Как говорится, крысы удрали с корабля. Неужели Шалфей жалеет, что не последовал позорному примеру самых трусливых. Или, Биал изо все сил хлопнул сапёрной лопаткой по рыхлому песку, самых умных? Остаётся надеется, что тревога была напрасной.

Над Изумрудной долиной со вселенским грохотом вновь прошло звено такшипов, но Биал даже не стал поднимать голову. Признание напарника породило ещё больше сомнений. Сапёрной лопаткой Биал подрезал неровность на стенке окопа. А ведь Шалфей прав: когда за спиной маячит офицер-посредник, а в поле рвутся учебные взрывпакеты, «воевать» и в самом деле легко и приятно. Остаётся надеется, что аборигены не доведут дело до греха, а послушно разбегутся по родным хатам.

Глава 6. Неизвестность

В забое, где-то в глубинах Свалки, маленькие лампочки едва разгоняют пыльную темноту. Заключённые с носилками и лопатами передвигаются молча, понурив головы, словно приведения. Каменная пыль кружится в воздухе над подорванной породой и оседает чёрной маской на потных лицах подневольных работников. Да и не нужно слов: за полгода каторжных работ Ланал с напарником довели одни и те же движения до полного автоматизма.

Прокладка туннелей ведётся дедовским способом. Местный инженер по кличке Прораб указывает куда копать. Двое заключённых пробивают пневматическими бурами в забое кучу дырок, аборигены наполняют их взрывчаткой и подрывают. После, когда пыль худо-бедно осядет, заключённым остаётся самая «квалифицированная» работа – с помощью лопат, кирок и носилок перетаскать извлечённый грунт в широкий туннель и высыпать его в длинные металлические тележки.

Ланал с напарником остановились в конце забоя возле кучи вывернутого взрывом грунта. Пластиковые носилки плавно коснулись земли. Не шиш ценность, но бить их ни к чему, только хуже будет. Заключённый по кличке Шлак, орудуя совковой лопатой, принялся нагружать носилки подорванной породой.

Точно четырнадцать с половиной секунд и носилки вновь полные. От рывка колотый камешек скатился с наваленной горочки. Ланал равнодушно проводил его глазами. Ну и чёрт с ним. На этот раз очередь Пылесоса идти впереди.

Стараясь не задевать товарищей по несчастью, Ланал с напарником двинулись к выходу. Бесконечный цикл пошёл на очередной круг.

Сразу же после подъёма из анабиоза заключённых отправили на самую тяжёлую и тупую работу – копать туннели. По десять часов в день Ланал с напарником таскают носилки из забоя в широкий туннель и обратно. А где они находится, зачем копают – ни малейшего представления. Несколько раз их перебрасывали с места на место, но каждый раз повторялась одна и та же картина: от одного широкого туннеля прокопать несколько мелких.

Полгода Ланал таскает носилки на пару с Пылесосом, но как звучит его настоящее имя только Создатель ведаёт. Да и ни к чему знать. Ещё на Миреме Пылесос пытался закосить под психа, чтобы хоть так остаться в благодатных объятиях метрополии. Выл на Итагу, бросался на прутья решётки и лизал пыль под кроватью. Не помогло: его всё равно признали вменяемым и отправили на Свалку. Только дурную кличку заработал.

Пылесос фатально молчалив. Раз в месяц слово скажет и то, если ему на ногу кувалда уронить. Впрочем, оно и к лучшему: от безысходности и полного отсутствия хоть каких-то перспектив Ланал и сам почти разучился говорить. Не о чем.

Обращение так себе. Аборигены могли бы быть и по внимательней, но спасибо и на этом. На отдых дают ровно столько, чтобы не падать от усталости. Кормят хорошо, если «похлёбку» можно назвать хорошей едой. Раз в неделю предоставляют возможность ополоснуться водой. Индюк, местный тюремщик по фамилии Индан, сволочь порядочная. Власть проявлять очень любит. Ходит, смотрит, орёт почему зря. Впрочем, ко всему можно привыкнуть. Главное, не давать Индюку повода, ну а если дал, то стоять со смиренным видом и ничего не говорить, пока тюремщик не спустит пар.

Широкий туннель освещён не в пример лучше маленького забоя. У противоположной стены, на длинной скамейки, расселись охранники. Всего четверо аборигенов с пороховыми автоматами стерегут пятьдесят шесть заключённых. Но и этих мающихся бездельем лбов более чем достаточно – бежать всё равно некуда. Ланал с напарником, подойдя к длинной стальной тележке, опрокинули в неё носилки. Ланал зажмурил глаза. Проклятье! Как ни старался, но всё же зацепил взглядом стенку на лево от входа в забой.

Бунт на Свалке обрушил мечты о будущем. Вместо надежд на освобождение и какого ни какого обустройства на воле пришла пустота, абсолютная бессмысленная пустота. Словно робот с топорной программой Ланал не живёт, а существует в промежутке между спальным вагоном и забоем. Но!

Недели две назад бог знает каким образом просочилась невероятная новость. Если верить слухам, над Свалкой завис Первый ударный флот. А значит бунту скоро конец.

Невероятное известие, щедро замешенное на самых причудливых домыслах, словно разбудило подневольных работников. Дошло до того, что заключённые отказались работать и потребовали разрешения создать профсоюз. Индюк, на удивление, сразу же пошёл на попятную. На первом же собрании официально избрали председателя профсоюза, двух заместителей и даже казначея. Но! В тот же день четверых активистов поставили к стенке и публично расстреляли из пороховых автоматов.

Ланала аж передёрнуло от свежих воспоминаний. Длинные очереди дважды перечеркнули тела активистов. На красных полинявших робах большими яркими пятнами выступила кровь. Активисты рухнули на пол и ещё какое время тихо стонали и слабо шевелились. Однако аборигены цинично дали тяжело раненым истечь кровью и умереть. После этого страшного события на стене на лево от

входа в забой остались маленькие воронки от пуль, а на полу большие бурые пятна.

После расправы над активистами пришёл страх перед будущим. Пусть аборигены обращаются с заключёнными относительно неплохо, но упорно отказываются отвечать на какие-либо вопросы. Индюк либо орёт, либо смотрит на подневольных работников как на пустое место, либо сразу тычет дубинкой в живот. Плакаты по ТБ и то больше внимания получают. Пятьдесят шесть заключённых зависли между небом и землёй. Мирем отказался от них, а Свалка так и не приняла.

Последние мелкие камешки нехотя высыпались в наполовину полную тележку. Ланал с напарником двинулись в обратный путь. Между забоем и тележкой, между работой и пустым, без сновидений, сном. Бесконечность, это движение по кругу. Никто и ничто не в силах разрушить существующий порядок.

– Внимание!!! – в глубине забоя заорал Индюк. – Работу прекратить! Инструменты сложить! Всем выйти в большой туннель строиться!

А вот и сам Индюк, как обычно безукоризненно выглажен, постиран, побрит и воняет дешёвым одеколоном. На фоне красных полинявших роб наряд тюремщика выделяется, словно золотая ложка среди алюминиевых товарок. Ох и любит же Индюк орать почём зря. Ланал, шагая впереди напарника, обогнул местного надзирателя. Главное не задеть его, не толкнуть ненароком, тогда вонять не будет.

– Вы что?! Охренели!!! – истошный вопль тюремщика словно хлыст ударил в спину. – Я сказал, работу прекратить! Инструменты сложить! В туннель, большой, строиться!!!

Ланал так и замер по среди дороги. Заключённые, кто где был, остановились и с удивлением уставились друг на друга и на тюремщика. Приказ Индюка свернуть работу раньше времени из ряда вон. Ланал обернулся. До конца рабочего дня ещё далеко. Никто и никогда не получал от Индюка ни малейшей поправки. А тут...

– Чего уставились? – пухлые щёчки Индюка покраснели от ярости. – Живо, говорю, на выход!

Ланал испуганно разжал руки, носилки гулко брякнулись на землю. Он... Он не шутит? Заключённые, побросав лопаты и кирки, молча потянулись к выходу. Неужели Первый ударный и в самом деле завис над Свалкой? Ланал, едва сдерживая нетерпение, торопливо вышел из забоя. Других причин свернуть работу нет и быть не может. Вот, только, Ланал едва не споткнулся о рельсы, радоваться или бояться? Разум тревожно бьёт в набат и упорно кричит – бойся! Ничего хорошего не будет. А душа тихо шепчет – надейся.

В большом туннеле, вопреки заведённому порядку, целых десять аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами на изготовку. Но на этом чудеса не закончились. Едва заключённые выстроились в кривой прямоугольник, как Индюк приказал начать приём пищи.

Действительно пищи, не еды. Да и трудно назвать «похлёбку» хотя бы пищей: противная на вкус синтетика, но, правда, весьма питательная. Ланал, подчиняясь внутреннему импульсу, через силу влил в себя больше двух литров противной маслянистой жижи. Под конец заключённых загнали в большой спальный вагон. Гулко брякнула стальная дверь, а толстый засов с наружной стороны со скрежетом встал на место.

– Что это было? – не обращая ни к кому конкретно, произнёс Пылесос.

От удивления Ланал аж отшатнулся от напарника. Пылесос заговорил! Не иначе Великий Создатель обратил внимание на эту грешную планету.

– Понятия не имею, – честно признался Ланал.

Что произошло неизвестно, спрашивать аборигенов бесполезно. Да никто и не стал барабанить кулаками в дверь и требовать ответа. Ланал с любопытством оглянулся. Товарищи по несчастью словно очнулись от долгого сна. Привычные унылость и полное безразличие разом спали.

– Так, это, может быть... Того? – тощий зек с глазами на выкат выразительно ткнул пальцем в потолок.

– Ты, это, поаккуратней, – предупредил чей-то голос.

– Да что они сделают? – разгорячился тощий зек. – Хана аборигенам! Наши прилетели!

Заключённые разом заговорили. Ланал протиснулся на своё место и улёгся на тонкий матрас. Долго гонимая надежда разом выплеснулась наружу, словно бурный поток прорвала железобетонную дамбу. Подневольные работники принялись городить одно невероятное предположение за другим. Дошло до того, что какой-то мутный тип с безумными глазами принялся уверять, будто не сегодня, завтра Свалку разбомбят ядерными бомбами, а их, ровно пятьдесят шесть избранных, спасут и вернут домой на Мирем.

Версий много, версий разных, но все они так или иначе сходятся к одному: очень скоро brave космические пехотинцы накостыляют аборигенам по шее, а подневольных работников освободят. А как там на самом деле, что их ждёт в ближайшем будущем, никто не в курсе.

Постепенно возбуждённая говорильня сошла на нет. Запертый вагон по-прежнему стоит в большом туннеле без малейшего движения. С наружи не доносится ни звука. Разговоры окончательно стихли. Ланал незаметно задремал.

Грубый толчок едва не сбросил на пол. Ланал инстинктивно схватился за край узкой лежанки. Вагон ещё раз сильно качнулся и успокоился.

– Сейчас поедем, – пояснил Пылесос.

Напарник сидит на соседней лежанке и напряжённо слушает тишину.

– Они, это, тепловоз прицепили.

– Понятно, – Ланал спустил ноги на пол. – А куда едем?

– Индюка спроси, – без малейшего признака злобы ответил Пылесос.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец вагон дёрнулся ещё раз и путешествие в неизвестность началось.

Куда, в каком направлении и зачем – ни малейшего представления. Часов пять – шесть вагон стучал колёсами по стальным рельсам и качался на поворотах, чтобы в конце концов снова остановиться бог знает где. Наконец грохнул толстый засов, а входная дверь широко распахнулась.

– Живо на выход! – гаркнул Индюк. – Можете прихватить свои матрасы.

Ланал послушно скрутил тонкий матрас и поспешил на выход. Заключённые высыпали наружу. Опять туннель, какие-то проходы, переходы и снова туннели. Индюк в сопровождении двух вооружённых аборигенов в красных боргах шагает впереди и нервно поглядывает через плечо. Ещё шесть вооружённых аборигенов подпирают заключённых сзади.

За очередными воротами относительно неширокий проход неожиданно разошёлся в просторный туннель. Но удивляет другое, Ланал едва не споткнулся о высокий порог. Просторный туннель разделён многочисленными стальными решётками на некое подобие камер. Возле самой дальней из них Индюк остановился.

– Живо! По одному! – тюремщик открыл сваренную из стальных прутьев дверь.

На миг Ланал поймал взгляд Индюка. Господи! Тюремщик, всегда такой самоуверенный и напыщенный, едва держится. А если и орёт, то по глубоко въевшейся привычке. Если бы не парочка аборигенов с пороховыми автоматами за его спиной, то непременно наложил бы от страха в штаны.

Наспех сваренная дверь захлопнулась за последним заключённым. Вместо замка или засова один из аборигенов с помощью портативного сварочного аппарата намертво заварил её. Зато Индюк разом повеселел. Тюремщика распирает дикое желание сказать что-то очень гадкое, противное, как в первый день злосчастливого знакомства. Но... Индюк просто развернулся на каблуках и ушёл вдаль по проходу между импровизированными камерами.

Да-а-а... Похоже они здесь надолго. Ланал пробился в дальний угол и возле внешней решётки прямо на каменном полу расстелил тонкий матрас. Вот зачем разрешили их взять.

– Это что за хрень? – какой-то заключённый, словно не веря собственным глазам, осторожно дотронулся до горячих прутьев решётки.

– Нас заперли, дубина, – ответил кто-то.

– А зачем?

– Чтобы ты не сбежал.

На риторический вопрос последовал риторический ответ. Ланал прилёг на матрас. А действительно, зачем?

Озадаченные заключённые разбрелись по импровизированной камере. Что задумали аборигены? Зачем загнали бог знает куда и заперли бог знает где? Что им помешало просто поставить подневольных работников к стенке и перестрелять, раз уж на то пошло? Одно радует – убивать не собираются. Пока. По крайней мере.

Ланал, повернув голову на бок, выглянул наружу. Напротив, через проход, точно такая же импровизированная камера. Толстые прутья вставлены в каменный пол и потолок небрежно, криво, без какой-либо предварительной разметки, но на совесть. Всё указывает на то, что аборигены соорудили эту тюрьму на скорую руку, причём совсем недавно. Ланал пощупал сварочный шов. Корочка шлака, прикрывающая сварочный шов, до сих пор покрыта серой пылью. Стальные прутья слегка влажные и пачкают подушечки пальцев.

А это что-то особенное? Ланал запрокинул голову и вытянул шею. Сразу не обратил внимания: просторный туннель перегорожен сплошной стеной. Точнее, не совсем сплошной. По середине малозаметная дверца с высоким порогом, закруглёнными углами и штурвалом запорной системы. Не иначе герметичная.

Туннель наполнился топотом многочисленных ног. Ланал присел на матрасе. В центральном проходе показались ещё двое аборигенов в красных боргах с пороховыми автоматами. За ними ещё один в таком же как у Индюка зелёном кителе с кучей карманов, в заправленных в ботинки штанах и широким ремнем на талии. И, от удивления Ланал даже привстал, целая толпа заключённых в знакомых красных комбинезонах полинявших от времени и тяжёлой работы, с уничительными штрих-кодами на спинах.

– По одному. Живо! – скомандовал тип в зелёной форме.

Да это же, Ланал прижался лицом к решётке, двойник Индюка! Точнее, его коллега. Такой же тюремщик при группе заключённых.

Группу подневольных работников точно так же загнали в импровизированную камеру напротив. Тот же абориген со сварочным аппаратом старательно заварил дверь. Дальше – больше.

Вдали показалась третья группа заключённых в сопровождении очередного Индюка в зелёной форме и вооруженных аборигенов. А потом четвёртая, пятая, ещё и ещё. Импровизированные камеры быстро наполняются подневольными работниками в красных комбинезонах.

– Эй! – крикнул Ланал коротышке с коротко стриженными рыжими волосам.
– Вы кто?

– Эмигранты третьей категории, – ответил стриженный.

– С Мирема, – удивлённо выдохнул Ланал.

Эмигранты третьей категории – именно так называют тех, кого высылают с Мирема по приговору суда на Свалку или подобные ей дыры. Те, кто иммигрирует добровольно, предпочитают более дружелюбные миры типа Акатуны.

– А вы кем будете? – спросил стриженный.

– Да как и вы – работяги подневольные, – ответил Ланал. – Вас, того, тоже туннели копать заставили?

– Ага, по десять часов в день без продыха, – стриженный тяжело вздохнул.

Стриженный представился Молотком. Как его настоящее имя Ланал спрашивать не стал. Хватило пяти минут, чтобы обменяться схожей до мелочей судьбой товарищей по несчастью. Их так же подняли из анабиоза где-то полгода назад и так же отправили копать туннели чёрт знает где и чёрт знает зачем. Свой Индюк по кличке Додо так же гонял их на работу и так же усердно отказывался отвечать на вопросы. Ланал, глядя на заполняющиеся камеры, только подивился. Как-то не думал, что на Свалке таких же бедолаг может быть очень и очень много.

Ланал прикинул в уме. Если в каждой камере человек по шестьдесят, то... Учитывая, сколько в просторном туннеле камер... Ланал, насколько позволили прутья решётки, скосил глаза вдоль центрального прохода. То... Будет где-то от полутора до двух с половиной тысяч заключённых. Ну дела!

Разговор с Молотком быстро наскучил. Как и товарищи по отряду, рыжий знает ни чуть не больше. В его отряде так же циркулируют самые разные слухи и домыслы. Самый главный вопрос: зачем, с какой целью, аборигены согноли их в этот туннель, так и остался без ответа.

Ланал снова прилёг на тонкий матрас. Товарищи по несчастью продолжают делиться слухами и домыслами. Туннель гудит, словно растревоженный улей. Толку-то. Жаль, дальний конец туннеля не просматривается, но, очевидно, аборигены загнали последнюю партию заключённых и ушли. Просто так взяли и ушли. За последний час мимо камеры не прошёл ни один абориген хоть в красном борге, хоть в зелёной форме, хоть с пороховым автоматом, хоть с чёрной дубинкой. Вообще никого. Ланал с тоской посмотрел на живот. Прошло много часов с последней кормёжки, а новой никак не намечается. Как хорошо, что вовремя сообразил влить в себя аж целых два литра жидкой гадости. Кто его знает, что там у аборигенов на уме?

За полгода каторжных работ выработалась привычка: если в вертикальном положении – значит работать, если в горизонтальном – значит спать. Ланал задремал. Как ни как, а впервые время жизни на Свалке появился выходной.

Пол под тонким матрасом ощутимо дрогнул. Ланал тут же открыл глаза. Сна как не бывало. Вроде тихо. Или показалось? Со стороны стены с герметичной дверью долетел тихий, приглушённый толстым металлом, но совершенно отчётливый гул.

Минута... Другая... И снова пол под матрасом ощутимо дрогнул. С небольшим запозданием просторный туннель вновь наполнился приглушённым гулом. Заключённые тревожно притихли. Что за хрень?

– Братцы! – во всеобщей тишине незнакомый взволнованный голос рванул, словно бомба. – Да это же – бомбёжка! Наши лупят по Свалке!

Секундное замешательство сменилось всеобщим ликованием.

– Да-а-а-а!!! Ура-а-а-а!!!

Просторный туннель взорвался от оглушительных воплей. Вне себя от радости Ланал вскочил на ноги, схватился за решётку и заорал ещё громче:

– Да-а-а-а!!! Вмажьте им! Вмажьте! Да-а-а-а!!!

Толчки и приглушённый гул пошли чередой. Не иначе на поверхность Свалки падают ну очень хорошие бомбочки. А значит Первый ударный действительно

прилетел. А значит аборигенов очень скоро поставят раком и заставят освободить заключённых.

– Да здравствует свобода!!! – Ланал что есть сил затряс стальную решётку.

Всё новые и новые толчки под ногами и гул со стороны сплошной стены с герметичной дверью вселяют надежду. В диком возбуждении заключённые орут, скачут. Кажется, ещё немного и стальные решётки падут. Но нет, аборигены сварили их грубо, второпях, но на совесть.

Глава 7. Разгром Щитовой горы

Дежурить на наблюдательном пункте Чагу нравится больше всего. Это тебе не караул, когда словно зомби неприкаянный бродишь глубокой ночью перед наглухо запечатанными воротами партизанской базы. От такого бесполезного занятия противно вдвойне: ну неужели найдётся хотя бы один идиот, что попытается проникнуть на базу, когда снаружи рвёт и мечет шторм? В такую непогоду даже самые вредные проверяющие в кабинетах сидят, чаи гоняют. То ли дело наблюдательный пункт.

«Тридцать восьмёрка», или строго по-военному НП – 38, находится в каких-то пяти километрах южнее Щитовой горы. Относительно просторная яма накрыта сверху широкой каменной плитой. Для наблюдения за окрестностями оставлено несколько щелей, но через них мало что видно. Главные глаза «тридцать восьмёрки» десять видеокамер. Обзор на все 360 градусов. Чаг сидит перед повешенным на стену плоским экраном на ровном камне. Пульт управления так себе, всего одна большая кнопка, зато не нужно ломать глаза и пялиться на окрестности через бинокль.

С утра было скучно. Что поделаешь, разнообразием «телевиденье НП» не отличается. Одни и те же картинки Щитовой горы и каменистой пустыни Северного плоскогорья быстро надоели. Но, когда рассвело, авиация метрополии устроила грандиозное шоу.

Аэрокосмические истребители Первого ударного основательно взялись за кратер Финдос. Вот уже несколько часов, как в разных частях Северного плоскогорья то и дело взвиваются в высь огромные столбы красной пыли, под ногами дрожит земля, а через щели во внутрь НП вливается грохот мощных взрывов.

Впрочем, Чаг зевнул, за два часа даже грандиозное шоу авиации метрополии успело наскучить. Хотя... минут двадцать назад противник взялся за Щитовую гору, причём взялся основательно. Чаг бросил взгляд влево, молодой напарник по кличке Хан прилип к смотровой щели и не спускает с горы глаз.

Самое главное представление притягивает своей грандиозностью. Время от времени треугольная гора целиком скрывается под султанами взрывов и клубами пыли. Ангары и административное здание разнесли на куски в первую очередь. Космопорт имени Пилага, главные и единственные ворота Дайзен 2, расколошматили к чёртовой матери.

Стыдно признавать, но противник пуляет отменно, даже красиво. Многочисленные ракеты и планирующие бомбы в прямом смысле залетают в многочисленные амбразуры и орудийные башни Щитовой горы. Свежий пример.

Очередной взрыв сорвал маскировочную сетку на восточном склоне горы. И тут же в тёмную щель амбразуры залетел дымовой след. Ещё миг. Наружу выплеснулись сноп пламени и клубы чёрного дыма. Бетонная громада артиллерийского ДОТа развалилась на куски. Толстый ствол крупнокалиберной пушки скатился к подножью горы, словно недоваренная макаронина. Красиво, чёрт побери.

Чаг глянул на часы в правом нижнем углу экрана. Пора меняться, а иначе можно отупеть от чрезмерного разглядывания одних и тех же картинок.

– Хан! – бросил Чаг через плечо. – Твоя очередь.

Но рядовой Хандор никак не отреагировал.

– Хан!!! – ещё громче позвал Чаг. – Нечего там глядеть. Давай. Садись. Твоя смена. Дай мне посмотреть.

Хан с трудом, словно намагниченный, оторвался от щели.

– Да неужели ты не понимаешь? Они же... Они... – Хан, подбирая слова по выразительней, защёлкал пальцами. – Разносят в пух и перья наш самый главный, самый мощный форт! А он ведь не успел сделать ни одного выстрела!

От волнения армейская субординация начисто вылетела из головы рядового Хандора. В ответ Чаг улыбнулся. Через затемнённое забрало лиц не видно, но постоянное ношение борга научило угадывать эмоциональное состояние собеседника без мимики, по одним только словам и жестам.

– Да как же мы от врага отбиваться будем? – разошёлся Хан. – Ещё немного, и от Щитовой горы камня на камне не останется! В прямом смысле не останется! А ведь у них БМП, танки, артиллерия, вертолеты, наконец.

Чаг держался до последнего, но, в конце концов, дико расхохотался.

– Как?! Да как ты смеешь смеяться?!

Хан кипит от благородного гнева и размахивает кулаками. Чего доброго в драку полезет.

– Да подожди ты! – Чаг выбросил вперёд растопыренную ладонь. – Ты что? И в самом деле не догоняешь?

Такой поворот заставил Хана остановиться.

– А что я должен, как ты говоришь, догонять? – осторожно поинтересовался напарник.

– Ну даёшь! – Чаг перевёл дух.

Хан, или рядовой Жилк Хандор, перевели в первый полк Народной армии из Стратегического резерва. Пусть в своё время ему не довелось громить космических пехотинцев, но он всё таки профессиональный солдат, а не национальный гвардеец от сохи. Парень выносливый, толковый, но местами и впрямь немного не догоняет.

– Прежде всего, Хан, – Чаг поднялся с камня и с удовольствием, до хруста в суставах, потянулся, – Научись различать достоверную информацию и пропаганду. То, что ты видел собственными глазами, щупал собственными руками, то есть достоверная информация. А то, что в последние годы крутили по ТВ – чистой воды пропаганда.

Чаг прошёлся по наблюдательному пункту. Затёкшие от долгого сидения на одном месте ноги начали отходить.

– Да, на экране телевизора цепочка фортов на Северном плоскогорье выглядит очень даже внушительно, особенно нашпигованная орудийными башнями Щитовая гора, – Чаг небрежно махнул рукой в сторону смотровой щели.

– Но дело в том...

Мощный толчок опрокинул Чага на пол. Через мгновение НП накрыл оглушительный взрыв. Во внутрь через смотровые щели ворвались густые языки красной пыли.

Чаг перевернулся на живот и глянул на монитор. Пронесло! Не по ним. Щитовая гора в очередной раз не просто окуталась, а буквально утонула в целой серии необычайно мощных взрывов. Отлично видно, как из огромного куста красного облака вылетают куски скал и ломанного бетона.

Чаг быстро подполз к пульту управления и приподнял объектив видеокамеры. Точно! В сером небе над горами кратера Финдос стремительно уходят на север три треугольных силуэта. Такшипы. Неприятель пустил в ход тяжёлые кувалды. Щитовой горе точно хана. Очень хорошо.

Глава 8. Захват Бацела

Дороги на Свалке оторви и выброси. Боевую машину пехоты нещадно трясёт на рытвинах и ухабах. Сержант Отгар Чолнар по прозвищу Бес, поднялся с командирского кресла рядом с водителем и, держась за поручни, перешёл в десантный отсек. Колени дрожат, во рту сухо, на лбу временами выступает испарина. Всё нервы проклятые! На очередной колдобине БМП сильно трянуло. Чолнар едва не выпустил поручень.

Десантный отсек залит белым светом. У обоих бортов перед экранами и пультами управления расположились операторы РСПП. Сами «Муравьи» до поры до времени сидят на броне, но в любой момент готовы соскочить на землю и вступить в бой. По сторонам узкого прохода сидят космические пехотинцы. Каждый пристёгнут к креслу широкими ремнями крест на крест. Лица скрыты затемнёнными забралами. Оно и к лучшему.

Чолнар тихо вздохнул. Впервые в жизни ему и его отделению предстоит выполнить самое настоящее боевое задание. Бацел, самое южное поселение в кратере Финдос, является важным административным и транспортным центром. Там же единственный на планете фосфорный рудник и завод по переработке руды. Двадцать пятому взводу первого полка приказано захватить его. «Торнадо» высадили взвод в семи километрах от города. По разбитой вдребезги дороге три боевые машины почти добрались до входа. Дрын, командир взвода, вот-вот объявит высадку.

– Взвод! Внимание! Приготовиться к высадке, – пришёл по связи долгожданный приказ старшего сержанта.

– Отделение! Внимание! – словно эхо скомандовал Чолнар. – Приготовиться к высадке!

Солдаты синхронно вытащили из зажимов на стенах электромагнитные автоматы. Чолнар нервно сглотнул. Сейчас будет самый опасный момент.

– Взвод! Выходим!

– Отделение! Выходим!

«Шельма» сбавила скорость, по инерции Чолнар качнулся на месте. Скрежет по внешней броне, «Муравьи» первыми соскочили на землю. Десантный люк распахнулся. Пехотинцы слажено и быстро выскочили наружу. Чолнар, как и полагается командиру отделения, выбрался последним.

Держа «Эмму» в правой руке, Чолнар впервые вступил на красный щебень Свалки. Ну сейчас! Зелёный квадратик прицела тревожно запрыгал по окрестностям. Видеокамера с автомата передаёт изображение прямо на забрало бронескафандра.

Чолнар быстро осмотрелся по сторонам. Отделение, действуя строго по уставу, рассыпалось позади БМП широким полукругом. Пехотинцы, сидя на одном колене, обозревают окрестности. «Муравьи» выстроились перед боевой машиной по фронту, а сама «Шельма» грозно водит 30-мм стволом из стороны в сторону. Противника не видно, ну и слава богу!

Бацел, как и прочие города Свалки, находится в глубине гор кратера Финдос. Неширокая дорога к входным воротам проходит между высокими холмами. Только перед самым въездом в город некое подобие широкой вытянутой площадки. Чолнар сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила вершину правого холма. Слава Великому Создателю, никого. Чолнар перевёл взгляд на левый холм, и там пусто.

Зажатая между холмами дорога отличное место для засады. Первое и второе отделения выстроились на площади перед входом, а вот для третьего места не хватило, пришлось встать на подъезде. Чолнар зябко поёжился. Не дай бог аборигены откроют миномётный огонь. Миномёты, о ужас, у них точно есть.

– Не стрелять! Без моей команды не стрелять! – долетел по связи приказ командира взвода.

Чолнар нервно переступил с ноги на ногу. На душе тревожно. Неужели старший сержант не понимает, в какой западне находится взвод? Так называемый въезд в Бацел не более, чем дыра в горе, всего лишь бетонный туннель с герметичными воротами. Одна «Шельма» еле-еле пройдёт, да и то развернуться не сумеет.

– Не стрелять! Без приказа не стрелять! – Чолнар едва не забыл продублировать приказ взводного.

– Как это не стрелять? – тихо возмутился Кабан.

У ефрейтора Хрунова, похоже, сдают нервы. Кабан вцепился в «Эмму» словно утопающий в соломинку.

– Ты хоть одного аборигены видишь? – командным тоном спросил Чолнар, не хватало, чтобы ещё и подчинённым передались его тревога и неуверенность.

– Нет, – нехотя признал Кабан.

– Тогда стой и смотри в оба! – отрезал Чолнар.

Кажется, минула вечность. Двадцать пятый взвод, словно скопище идиотов на выгуле, стоит перед запертыми воротами. Господи! Неопределённость хуже всего. До сих пор не ясно: будут аборигены воевать, или уже в ужасе разбежались?

Чолнар сфокусировал взгляд на воротах. Показалось? Да нет, между стальными створками и в самом деле появилась чёрная полоса. Ворота открываются. Вот он момент истины! Может быть как раз в следующую секунду из-под горы повалит толпа бешенных аборигенов. На инструктаже показывали оружие местных. Порох ещё тот анахронизм. Но ведь... И поцарапать может. До крови.

– Взвод. Внимание! Не стрелять! Это парламентёры, – предупредил Дрын.

Точно парламентёры. Чолнар расслабил пальцы, сам не заметил, как вцепился в автомат мёртвой хваткой. Так и приклад оторвать недолго.

Наружу, сквозь широкую щель между створками, выбрались двое местных в ярко-синих боргах. Тот, что впереди, держит длинную палку с куском белой ткани. Второй абориген ниже и толще. Парламентёры отошли от ворот на пару десятков метров и остановились. Тот, что повыше с флагом, опустил древко на землю. Тот, что ниже и толще, вышел ещё на два шага вперёд. Переговоры будут, только о чём?

Третьему отделению полагается прикрывать тыл взвода, бдеть, чтобы враг коварно не пнул по заднице. Но... Любопытство сильнее устава. Чолнар вытянул шею. Парламентёров отлично видно, жаль лиц не разглядеть. Кажется, будто низкий и тонкий просто стоит на месте и пугливо вертит головой. Чолнар тихо выругался: простым солдатам не полагается присутствовать на переговорах. Только и остаётся стоять, смотреть и быть в полной боевой готовности ко всем возможным неожиданностям.

– Бес, слышишь меня?

– Да, командир, – Чолнар переключился на приватный канал связи со старшим сержантом.

– Аборигены капитулируют.

– То есть как это капитулируют? – Чолнар затаил дыхание.

– Не надейся, только этот город.

Чолнар разочарованно засопел.

– Бес, – продолжил командир взвода, – твоя задач войти в Бацел и взять мэрию. Этот толстый унижено молит не открывать огонь и не портить их бесценное имущество. Так что не стреляй понапрасну.

Сердце тревожно сжалось, Чолнар едва сдержался, чтобы не разругаться по чёрному.

– Сам понимаешь: темнят аборигены. Действуй. Если что, мы отомстим.

Чолнар едва не поперхнулся: Дрын шутит редко, но метко.

– Есть действовать, – ответил Чолнар.

Тревожная неизвестность продолжается. Сначала снаружи, а теперь ещё и внутри. А вдруг ловушка? Как-то не хочется совать голову в пасть льва. Хотя... Чолнар ещё раз глянул на парламентаров. У того, что ниже и толще, от страха подгибаются колени. Какие из них львы? Шакалы, не более. Тяпнуть за пятку и смотаться в кусты. Хотя...

– Отделение, – Чолнар перешёл на общий канал связи. – Наша задача войти в Бацел и захватить мэрию. Аборигены объявили о капитуляции. Без прямой угрозы не стрелять.

В ответ донеслось невнятное мычание. Оно и понятно: приказ взводного не кило конфет.

– «Муравьи» и «Шельма» вперёд. Остальные за мной, – приказал Чолнар.

Респы проворно засеменили вперёд. «Шельма», взревев мощным движком, тронулась с места. Пехотинцы выстроились за боевой машиной в две колонны. Аборигены испугано отскочили в сторону, когда мимо них пробежали «Муравьи».

– Шнурок, Суслик!

– Да, командир, – разом отозвались рядовые Шилан и Суран.

– Хватайте аборигенов и тащите следом. Если там, – Чолнар кивнул в сторону широко распахнутых ворот, – ловушка, то пусть эти двое сдохнут первыми.

– Сделаем! – радостно ответили подчинённые.

Рядовые подскочили к аборигенам. Высокий Шнурок грубо развернул знаменосца в сторону ворот и выразительно ткнул в спину дулом автомата. Местный сразу всё понял и покорно пристроился к концу колонны. А его более низкий и толстый напарник от страха едва не рухнул на колени. Суслику пришлось подхватить аборигена под руку и тащить чуть ли не на себе.

Над головой сомкнулся бетонный свод. Яркий день и оперативный простор остались за спиной, третье отделение углубилось в тёмный туннель. Чолнар с тревогой вглядывается вперёд. Как-то не думал, что придётся воевать под землей. Из всех видов учений отработка боевых действий в условиях ограниченного пространства и видимости – самый сложный и поганый вид. Когда находишься под землёй, то нехотя возникает чувство, что тебя уже похоронили. Живое. То ли дело в чистом поле!

– Бес! Впереди запертые ворота, – доложил Ключ, рядовой Кемар, штатный водитель «Шельмы».

Чолнар выглянул из-за БМП.

– Командир! – воскликнул Шнурок. – Ворота закрываются. Это ловушка!

Чолнар резко обернулся. Только не паниковать. Шнурок прижал аборигена к стене и буквально насадил его на дуло автомата.

– Отставить панику! – резко выкрикнул Чолнар. – Это шлюз. На Свалке нет кислорода.

Второй парламентар упал на колени и обхватил голову руками. Ещё мгновение и натянутый, словно гитарная струна, Суслик разнёс бы его череп вдребезги.

– Всё нормально. Сейчас наружные ворота закроются, а внутренние откроются, – Чолнар попытался успокоить подчинённых, да и себя заодно. – Огонь открывать только при наличии непосредственной опасности.

Дисциплина великая вещь. Солдаты жутко нервничают, но не настолько, чтобы палить во все стороны и сносить головы кому попало.

Так и есть. Чолнар облегчённо выдохнул. Едва створки наружных ворот плотно сошлись, как передние ворота начали открываться. В шлюзе горит два ряда тусклых лампочек, но, после яркого дня снаружи, да ещё и с перепугу, кажется, будто внутри наступила крошечная тьма. Наконец внутренние ворота открылись полностью.

– Вперёд! Пошли! – скомандовал Чолнар.

Третье отделение, соблюдая прежний порядок, двинулось вперёд. Рёв «Шельмы» в узком пространстве забивает все звуки. Туннель, слегка изгибаясь вправо, уходит в глубь горы. Чолнар настороженно посмотрел по сторонам, глубоко закопались, ничего не скажешь.

Впереди сияет выход их туннеля. Чолнар включил приближение. Метров через сорок бетонные стены расходятся в стороны. Если аборигены всё же решили устроить подлянку, то сейчас самое время. Отделение сжато в туннеле. Нужно очень большое везение, чтобы пуля, или тем паче снаряд, пролетели мимо.

Передовые респы выскочили на площадь за туннелем. Чолнар невольно бросил взгляд на боекомплект «Эммы»: ровно 100 пуль, полный магазин. Да ещё граната в подствольнике. Господи! Какие только мысли не лезут в голову от нервного перенапряжения.

Ну всё: либо сейчас, либо никогда! Шум мотора несколько стих, когда «Шельма» высунула нос из туннеля. Ну же! Чолнар, прячась за боевую машину, подогнул колени. БМП самая важная мишень. Бронетехнику вообще не дело пускать под землю. Толку от неё. В пространстве. Ограниченном.

Ничего. Чолнар выпрямил согнутые колени и убрал палец со спускового крючка. «Шельма» без проблем выкатилась на Центральную площадь Бацела. Пехотинцы и респы рассредоточились в разные стороны. Если аборигены упустили самый удобный момент для атаки, значит нападать точно не будут. По крайней мере, пока не будут.

Чолнар перешёл на шаг. Немного обидно, даже. Многолетняя подготовка, стремительное наступление и запредельное нервное напряжение обернулись пшиком. На полигоне дают возможность выпустить пар и злость, расстрелять мишени. Отличная нервная разрядка. А здесь... Не на ком, совершенно не на ком сорвать злость.

Как хорошо, что затемнённое забрало скрывает лицо, всё меньше позора. А то, ведь, плакать хочется. Чолнар огляделся по сторонам. Центральная площадь Бацела пуста и заброшена. Мусор не убирали недели две. БМП остановилась возле самого большого здания на площади. На стене, возле распахнутой двери, висит перекошенная табличка с надписью «Мэрия». Объект наступления достигнут.

Если приглядеться, мэрия никакого не здание. Бацел город подземный. Центральная площадь, по сути, огромный зал, в который вливаются четыре туннеля. Фасады зданий вырезаны на стенах большого зала, а внутренние помещения выдолблены прямо в скале. В высшей точке свода сияет огромный светильник, некое жалкое подобие Геполы, родной звезды Мирема.

– Ключ! Возьми под прицел центральный выход с площади, – приказал Чолнар.

– Сделано, – отозвался водитель БМП.

– Тайфун! Одного «Муравья» поставь на левый туннель, другого на правый.

– Принято, – ответил оператор РСПП.

– Шатун! – Чолнар повернулся к младшему сержанту Штуну. – Бери Шнурка и Суслика. Стерегите площадь, заодно доложи взводному обстановку. Остальные за мной. Зачистить мэрию.

Раздавать приказы нужно быстро, лаконично, но понятно. Впрочем, пусть в мэрию первым войдёт «Муравей», предосторожности лишними не бывают. Чолнар отошёл в сторонку. Респ, перебирая стальными лапами по асфальту, вошёл в распахнутую дверь.

Внутри мэрии бардак и запустение. Дорожки скомканы, стулья опрокинуты, все двери настежь, пол завален бумагами и опилками, по углам серыми кучками скопилась пыль. Чолнар, осторожно заглядывая в кабинеты, прошёлся по пустым коридорам. Аборигены вынесли из мэрии всё, что только посчитали ценным. Канцелярские столы зияют пустыми столешницами и вывернутыми ящиками. Шкафы распахнуты, мусорные корзины опрокинуты. Местные попытались утащить стопку пластиковых подносов, но, почему-то, так и бросили их по среди коридора.

На очередной двери сияет лакированная табличка «Аппаратная». Наверно это здесь. Чолнар приоткрыл дверь... Никого. Хороший знак. Теперь осторожно просунуть во внутрь автомат. Установленный на «Эмме» фонарик высветил ряд стальных шкафов: дверцы нараспашку, пыльные провода свисают с пустых полок серыми нитями. У дальней стены простой письменный стол и кривобокий стул. Действительно никого нет.

Чолнар, пошарив рукой по стене, нашёл выключатель. Под потолком в разбитом плафоне загорелась тусклая лампочка. Проклятье! Чолнар пнул стальную дверку. Аборигены унесли самое ценное. В этом помещении должен находиться главный компьютер Бацела с архивными файлами. Записи о количестве жителей города, прописке, составе, управлении и даже расходов электроэнергии пропали начисто. Теперь ни налоги собрать, ни общественные работы организовать. Чего, собственно, аборигены и добивались.

Чолнар вернулся на Центральную площадь. Пусть активного сопротивления не было и в помине, зато мэрия нашпигована доказательствами сопротивления пассивного. Аборигены сделали всё, чтобы сорвать нормальное управление городом. Наверняка подобный разгром царит в дирекции фосфорного рудника и завода по переработке руды. То-то новое руководство намучается.

Космические пехотинцы расположились у входа в мэрию. В центре площади несокрушимым памятником могущества Федерации возвышается БМП, а вот двух местных жителей в ярко-синих боргах что-то не видно.

- Шнурок, Суслик! – спохватился Чолнар. – Где парламентёры?
- Так, это, – Шнурок смутился. – Сбежали они.
- Как это сбежали? – удивился Чолнар.
- Мы, это, – замялся Суслик, – Центральную площадь контролировали. А они, того, боком, боком и в мэрию. Мы за ними, а они шасть в подвал.
- Ну! – надавил Чолнар.
- Так в подвале труб всяких полно, кабелей.

Мямлящий Суслик похож на малолетнего шалопаю, которого пожилая уборщица застучала в школьном туалете с куском мела рядом с пошлым рисунком на стене.

– Они, падлюки, затерялись. Там, мы проверили, проходов разных, то есть туннелей, полно, – закончил наконец рядовой Суран.

Нет слов. Чолнар растерялся, но вида не подал. Суслика и Шнурка долго и основательно учили уничтожать врага, а не караулить трусливых гражданских.

– Ладно, потом разберёмся, – Чолнар махнул рукой. – Младший сержант Штун, доложите обстановку.

– Первое и второе отделения под командование старшего сержанта Ганова зачищают Бацел, – Шатун вытянулся по стойке смирно. – БМП первого и второго отделения оставлены снаружи для прикрытия.

– Принято.

Чолнар призадумался. Население Бацела около шести тысяч человек. Это сколько же улиц, домов и ферм? А еще рудник и завод. Значит надолго. Раз третье отделение по факту в резерве, следует превратить мэрию в опорный пункт.

– Отделение! Готовим мэрию к обороне, – произнёс Чолнар на общем канале связи. – Рядовые Шилан и Суран, ваша задача – подвал. Обследовать, перекрыть входы, выходы, заминировать.

– Есть подвал! – отозвались Шнурок и Суслик.

Работа привычная, хорошо знакомая, сколько раз на учениях приходилось отрабатывать. И, поди ж ты, даже не верится, что на этот раз на самом деле. Чолнар прошёлся по Центральной площади Бацела. Да-а-а... Если этот убогий город считается на Свалке центром, тогда что же творится на окраинах?

Чолнар не просто житель метрополии. Он родился и вырос в Инзаре, в древнем городе с населением в несколько миллионов человек. Есть с чем сравнить. Бацел не просто дыра, а дыра в дыре, дыра в квадрате. Но, с другой стороны, он действительно важный стратегический пункт. Бацел не только самый большой город на юге кратера Финдос, а ещё и административный центр. Здесь же находится единственное на планете освоенное месторождение фосфора и завод по переработке руды.

Не прошло и часа, как мэрия Бацела превратилась в укреплённый пункт. Чолнар оценил работу подчинённых. Окна на первом этаже заложены пустыми столами и ящиками, а на втором космические пехотинцы оборудовали огневые точки. Если аборигены вздумают пойти в атаку, то Центральная площадь станет филиалом скотобойни.

Так-то оно так, а на душе всё равно противно. На командирской волне тишина. Старший сержант Ганов, командир взвода, где-то в глубинах подземного города ищет вооружённых аборигенов. А водятся ли такие? Чолнар печально вздохнул. Захватить город полдела, даже треть. Гораздо важнее удержать его. Как бы третье отделение не оставили бы в этой дыре в качестве гарнизона, а его самого в качестве коменданта. Это было бы очень печально.

Только через шесть долгих часов на Центральную площадь маленькими группами в сопровождении «Муравьёв» начали подтягиваться космические пехотинцы из отделений зачистки. За всё это время на главной площади Бацела не показался ни один местный житель. Город как будто вымер. Ещё свет выключить, и тогда иллюзия заброшенного подземелья будет абсолютно полной. Последним на площади появился старший сержант Ганов.

– Витус старший сержант, – Чолнар подскочил к командиру взвода, – Разрешите обратиться!

– Оставь, Бес, – Дрын устало махнул рукой. – Не нашли никого. Аборигены сидят по домам, размахивают руками и клянутся в вечной любви. Но это ещё не самая плохая новость.

Чолнар внутренне напрягся. Неужели? То. Самое.

– Лейтенант Митрас приказал оставить третье отделение в Бацеле в качестве гарнизона, а тебя назначить комендантом, – Дрын стыдливо отвёл глаза. – Так сказать, для контроля над важным стратегическим объектом.

– Есть остаться! – Чолнар вытянулся по стойке «смирно» и ответит согласно уставу.

– Вольно, – разрешил Дрын. – Не злись на меня, это не моя блажь. Прости, но нам приказано уходить.

Первое и второе отделения выстроились в походную колонну и покинули Центральную площадь. Как обычно, когда операция закончена, то войска тут же уходят.

– Бес! Как же так?

– Надолго?

– Какого чёрта мы тут застряли?

Едва последний респ скрылся в выходном туннеле, как подчинённые засыпали недовольными вопросами.

– Отставить! – рявкнул Чолнар. – Мне это нравится не больше вашего! Но приказ есть приказ: обустройтесь.

Недовольные голоса тут же смолкли. Остаётся надеется, что подчинённые на самом деле замолчали, а не отключили связь и не чистят командование последними словами. Чолнар вновь направился в глубь мэрии, это должно быть где-то здесь.

А! Вот она. Чолнар подошёл к двери с табличкой «Аппаратная». Конечно, это грубейшее нарушение устава, но... Чолнар вытащил из-за спины «Эмму» и аккуратно прислонил автомат к стене. Рядом положил разгрузку с боеприпасами. Так оно надёжней будет. От греха подальше.

В аппаратной пыль и запустение. Распотрошённые шкафы напоминают ограбленных пилигримов. Чолнар взял кривобокий стул и от души долбанул им по письменному столу.

Хилый на вид стульчик на удивление достойно выдержал удар, только ножки чуть помялись. Тем лучше! Чолнар медленно, растягивая удовольствие, поднял стул над головой и с ещё больше силой долбанул по столешнице. А потом ещё и ещё раз! С упоением, выпуская жгучее раздражение, Чолнар принялся колотить по столу импровизированной дубиной.

На восьмом ударе задние ножки с визгом отлетели в разные стороны, а на пятнадцатом стул окончательно развалился. Чолнар запустил спинку стула в шкаф. Изогнутая пластина, пробив тонкую стальную стенку, застряла намертво. Но злость и гнев по-прежнему требуют выхода. Чолнар поднял отвалившуюся ножку и принялся гнуть её изо всех сил.

Обычная стальная ножка без какого-либо изящества легко свернулась в дугу. Чолнар аж крикнул от натуги! На лбу выступил пот, а руки взывали от напряжения. Наконец, отбросив покорёженную ножку в дальний угол, Чолнар взгромоздился прямо на стол.

В висках стучит, дыхание как у загнанной лошади, зато сразу полегчало. Не зря психологи советуют не держать гнев в себе. Чолнар попытался утереть пот, но рука в броневом рукавице только скользнула по шлему. То, чего больше всего боялся, чего больше всего не хотел допустить, всё же произошло – его оставили в этом чёртовом Бацеле! В этой дыре! В дыре в квадрате!

Остаётся надеется, Чолнар перевёл дыхание, что весь этот бунт очередная фикция. Дай бог, чтобы аборигены благополучно разбежались по хатам, как это бывало ни раз на других мирах. Хотя... Чолнар с тоской глянул на пустой шкаф и пыльные провода, боевая операция запросто может затянуться на неопределённое время. Хочешь, не хочешь, а обустраиваться в этом городе всё равно придётся и следить, чтобы аборигены не писали гадости на стенах и не гадили по углам. Чолнар встал на ноги. Древний письменный стол, который героически перенёс побои, с треском осел на пол. А кто сказал, что будет легко?

Глава 9. Ярдуш

Эх! Лиха беды начало.

«Торнадо» высадили двадцать первый взвод на восточной окраине Северного плоскогорья. Вопреки тревожному ожиданию, сопротивления никакого. Ей богу, как на учениях: спускаемые модули стукнулись о землю, БМП лихо выскочили наружу. Ещё только наблюдателей для полного счастья не хватает.

Узкая дорога из щебня и красного песка вьётся между холмами. Взвод вытянулся в походную колонну. Рядовой Биал Ришат сосредоточенно и

напряжённо шагает за рычащей на ухабах «Шельмой». Второму отделению выпала то ли честь, то ли грязная работа идти в авангарде. Через пару километров в глубине гор кратера Финдос находится небольшое поселение Ярдуш. Картошка, свиньи и туповатые фермеры с чёрными от навоза руками. Никакой промышленности или рудников. Командование приказало двадцать первому взводу захватить этот фермерский посёлок. Прогноз разведки: ожидаемое противодействие противника от слабого до полного отсутствия. Можно было бы с комфортом доехать на БМП прямо до круглых ворот поселения, но всё не так просто.

Биал сощурил глаза, автоматика броника тут же приблизила убегающую вдаль дорогу. Вот он! Тот самый поворот: огромный обломок скалы, угол каменной стены. Дорога круто заворачивает под ним влево на девяносто градусов.

Дорога на Ярдуш примерно на середине пути изгибается ступенькой. Участок длиной метров сто зажат между скалами. Неудивительно, что именно на этом изгибе аборигены построили форт. Авиация, конечно же, долбанул по нему парой-тройкой высокоточных ракет, но... всегда остаётся вероятность очень неприятных сюрпризов. По спине пробежал неприятный холодок. Кто его знает? Может аборигены до сих пор сидят в бетонных развалинах и заряжают свои допотопные пушки.

– Внимание! Взвод, стой!

Биал едва не ткнулся носом в зад БМП. Картинка перед глазами на миг смазалась и вновь вернулась к нормальным размерам, автоматика отключила приближение. Лис, командир взвода старший сержант Якал Лигас, приказал остановиться.

– Второму отделению проверить форт. Выполнять!

– Есть выполнять! – отозвался сержант Зилуч.

Биал внутренне напрягся. Началось!

– БМП и пехотинцам оставаться на месте. «Муравьям» выдвинуться вперёд. Проверить наличие противника! – распорядился Зил.

«Муравьи» тут же сорвались с места, только пыль из-под стальных лап. Биал крепче сжал автомат. «Ступенька» на дороге – очень удобное для обороны место. Любой, кто высунется из-за поворота, тут же получит пулю в лоб, а то пушечный снаряд. Обойти форт, Биал с сомнением посмотрел на подступающие к дороге скалы, если и можно, то очень долго. Да и какой смысл?

Респы завернули за угол.

Ну-у-у!!! Сердце бешено заколотилось.

Тишина... Ни выстрелов. Ни взрывов. Биал ослабил хватку, так ведь и автомат сломать можно.

– БМП вперёд! Пехотинцам не отставать!

«Шельма» рявкнула мощным движком, качнулась и двинулась вперёд. Биал тревожно считает метры. Двадцать, десять, пять... Второе отделение обогнуло огромный обломок скалы.

Либо сейчас, либо никогда! Биал вскинул автомат. Палец упёрся в спусковой крючок. Только миг!

Ничего. В узком проходе между скалами только эхо от урчащего двигателя БМП.

Кажется, будто насыпная дорога упирается прямо в скалу. Но нет, Биал плавно повернул автомат. Полоса из щебня сворачивает вправо. На повороте, словно охотничьи собаки, замерли респы. Металлические головы с пулемётными стволами задраны вверх. А! Ну правильно. Биал проследил взглядом. На сером фоне только при увеличении можно заметить куполообразный бетонный выступ.

Из чёрного провала бойницы торчит свёрнутый в сторону толстый ствол. Наверно это и есть форт.

– Не стрелять!

Приказ сержанта Зилуча словно ведро студеной воды на голову. Биал нехотя убрал палец со спускового крючка. Пусть бойница всего одна, зато наступающие пехотинцы как на ладони. Достаточно одного пулемёта... Да и не факт, что «Шельма» успеет заткнуть аборигенов. Второе отделение торопливомедленно продвигается вперёд.

Мёртвая зона! БМП остановилась прямо под бетонным выступом. Биал прижался к скале. Ух-х-х! Зачёт по высшей математике и то легче сдавать было. Рядом остановились товарищи по отделению. Теперь из бойницы их не достать. Разве что, Биал глянул вверх, гранату кинут.

– Ящер, Шалфей. Вперёд! Остальные за ними, – приказал Зил.

Небольшая насыпь из крупных камней и щебня доходит почти до бетонного выступа. Биал быстро взобрался наверх. До чёрного провала амбразуры рукой подать. Странно? Биал пощупал серый бетон. Могли бы и по выше сделать.

Скала в мелких выбоинах. Крупных воронок нет, да и не должно быть. Высокоточные ракеты в прямом смысле в амбразуры залетают. Рядом остановился напарник.

– Ну что, Ящер, повоюем? – Шалфей вытащил из кармана разгрузки гранату и выдернул чеку.

Биал молча кивнул. А на душе погано: это же... война, настоящая. У Шалфея в руках настоящая граната, а не учебная хлопущка. Там, внутри, настоящие злые аборигены с пороховыми автоматами, а не подвижные манекены с дешёвой пиротехникой.

– Пошёл! – Шалфей закинул в амбразуру гранату.

Три секунды. Взрыв. Изнутри вылетел снап пламени. Биал тут же ухватился за край амбразуры и рывком забросил себя во внутрь.

Главное, как можно быстрее попасть во внутрь форта. Биал изо всех сил перебирает руками и ногами. Следом заскочили Шалфей и ещё двое пехотинцев. Да где же спуск?

В ответ глухой удар. В ушах звон. Биал выбросил левую руку вперёд, ладонь упёрлась в каменную стену.

Что за чёрт? Биал поводит рукой туда и суда. Впереди по-прежнему каменная преграда. Это надо же было со всего размаху врезаться головой в стену.

– Не стой! Вперёд! Вперёд! – сзади толкнул Шалфей.

– Некуда вперёд, – Биал обернулся.

К чёрту маскировку, Биал включил на автомате фонарь. Яркий луч прорезал пыльную тьму и упёрся в каменную стену. Биал поводит стволом вправо, влево. Тупик. Ещё три луча прорезали темноту. Внутри сразу стало светло.

– Ну дела! – Биал осветил ствол пушки.

– Что у вас? Доложите обстановку! – потребовал командир отделения.

– Зил, ты не поверишь, – удивлённо воскликнул Биал. – Это фальшивка.

Секундная пауза.

– Подробности.

– Это, это... Фальшивый форт, – Биал не сразу совладал с удивлением. – Внутри ничего нет. Просто выемка в скале и всё. И это не пушка вовсе, – Биал ткнул кулаком в чёрный ствол. – Всего лишь труба. Она даже не закреплена.

Трудно поверить, но этот так. Двигая автоматом, Биал в деталях разглядел внутренности так называемого форта. Выемка в скале шириной в метр и глубиной около трёх. На передней стене воронка от взрыва. В стороне валяется кусок хвостового оперения. Высокоточная ракета залетела в амбразуру и взорвалась.

Толку то! Взрывной волной тяжёлую трубу отбросило к левой стене. Биал провёл ладонью. На полу, под тонким слоем пыли и мелкий камешков, отчетливо видно, где кончается бетон и начинается скала. Точно фальшивка.

– Выбирайтесь, – приказал Зил.

Биал самым последним выбрался наружу.

– Хорошо-то как! – восторженно произнёс Биал.

После страха и замкнутого пространства липового форта внешний мир кажется бесконечным. Как бы там ни было, а наступление продолжается.

– Строиться! – приказал Зил.

Пехотинцы спустились обратно на дорогу.

– Проклятье, – тихо, почти про себя, ругнулся Биал.

Второе отделение как было в авангарде, так и продолжает идти впереди взвода. Лис, приличия ради, мог бы и в арьергард отправить. Нет в жизни справедливости.

– Не понимаю, зачем это пугало? – Биал бросил взгляд через плечо.

Бетонный выступ липового форта вот-вот скроется за поворотом дороги.

– Если он и задержал нас, то на полчаса максимум. Ну, разве что, понервничать заставил, – закончил Биал.

– Молод ты ещё, Ящер, – отозвался Шалфей. – Вот сколько, по-твоему, стоит одна граната?

– Ну... – Биал глянул на правый край разгрузки, вдоль которого протянулся ряд кармашком под ручные гранаты. – Как-то не думал об этом.

– А зря, – Шалфей огляделся по сторонам. – Подробные цифры не принято публиковать, но, по моим прикидкам, простому работяге, не слишком умному, впрочем, полмесяца вкалывать надо.

– Ну и что? – не понял Биал.

– А чтобы купить одну высокоточную ракету, которая углубила этот липовый форт на полметра, этому самому работяге придётся вкалывать три жизни подряд, – ответил Шалфей.

– Отставить разговоры! – рявкнул Зил.

Но и без командирского окрика совершенно расхотелось чесать языком. Из-за рычащей «Шельмы» всё ближе и ближе проглядывает вершина «семь пять дробь восемь», под которой находится Ярдуш. Это уже не холм, а самая настоящая гора.

Хитрость аборигенов настораживает. Они и не собирались цепляться за ту самую «ступеньку» на дороге. Зато ловко, и с не малой выгодой, сократили арсенал Первого ударного и второго отделения двадцать первого взвода в том числе. Это значит, что на их буйную голову упадёт одной высокоточной ракетой и одной ручной гранатой меньше. Ведь новую ракету и гранату придётся везти аж за девятнадцать световых лет. Есть от чего призадуматься и насторожиться.

– Взвод... стой!

Биал замер на месте. Дошли? Биал украдкой выглянул из-за «Шельмы». Нет, не дошли. Дорога расширяется в некое подобие площадки и уходит в широкий туннель. Стальные ворота заперты наглухо. Насыпь из красного песка подпирает створки. Ясно дело, ворота очень давно не открывали да и не собираются открывать.

– Взвод... Рассредоточиться. Залечь.

Биал отбежал в сторону и залёг возле небольшого камня. Защита чисто символическая, но выбирать не приходится. Товарищи по отделению разбежались кто куда, а респы, поджав лапы, легли прямо на дорогу. Негде здесь прятаться, да и зачем?

– Приготовиться к наступлению!

Биал взглянул на запертые ворота. Лис прикалывается так, или...

С небес упал рёв реактивных двигателей, Биал резко обернулся. С востока заходит звено АКИ. Космические истребители похожи на мелкие чёрточки, зато шуму! Ну понятно...

Первая ракета ударила точно в створки ворот. Мощный взрыв буквально вдавил их во внутрь. В тёмный провал тут же протянулся дымный след. Второй взрыв выплеснул наружу чёрный дым и множество железных осколков. И тут в туннель влетела третья ракета. Последний взрыв раздался глубоко внутри горы. АКИ с рёвом ушли на запад.

– Третье отделение... В атаку! Вперёд! Вперёд!

Руки сами оттолкнули тело от земли, Биал резво вскочил на ноги. Быстро вперёд! Респы уже скрылись в темноте туннеля. Рёв «Шельмы» заглушает шаги и тяжёлое дыхание.

Всё правильно: первые две ракеты снесли шлюз, а третья разорвалась внутри поселения. Пока аборигены не очухались, нужно рвать когти.

Куда? Какого чёрта? Биал едва не споткнулся на ровном месте. Если респы уже заскочили в темноту туннеля, то «Шельма» резво свернула в сторону и едва не ткнулась носом в скалу.

А! Ну да. Биал, не снижая скорости, пробежал мимо боевой машины. Бронетехнике под землей делать совершенно нечего.

Проворные респы убежали вперёд метров на сто. В темноте туннеля отлично видно, как из под их металлических лап вылетают жёлтые искры. Под ногами шуршат обломки ворот и камешки. Биал перепрыгнул через покорёженный лист железа. Не упасть бы.

Стены туннеля резко разошлись в стороны. Тусклый свет ламп высветил круглый зал большого размера. Вдоль стен двери и окна в два ряда. В центре голые кусты и скамейки. А! Ну да! Биал повернул вправо. Центральная площадь Ярдуша. Три туннеля отходят от неё в разные стороны.

Под ногами захлюпала чёрная жижа, Биал едва не поскользнулся. Что за дрянь? Но тут их тёмных туннелей вылетели огненные шары. Ближайший респ окутался импульсами ИПРО и исчез под взрывом.

Биал упал на землю. Взрывная волна толкнула в плечо и чуть не развернула. Рефлексы вперёд мыслей. Биал открыл бешенный огонь по ближайшему туннелю. Рядом загрохотали автоматы товарищей.

Но продолжения не последовало. Биал поднялся на ноги и подбежал к правому туннелю.

– Чёрт! – на последнем метре левая нога сама уехала вперёд, Биал с разгону стукнулся в стену. – Да что это за дрянь такая?

– Горючий состав термобарического заряда, – рядом притормозил Шалфей. – В этом поганом Ярдуше нет кислорода. Вот и не сработало.

Броник напарника перепачкан всё той же чёрной маслянистой дрянью. Да, Биал выставил из-за угла автомат, лопухнулись отцы-командиры.

Тусклые светильники аварийного освещения едва разгоняют тьму. Впрочем, Биал прибавил увеличение, четыре фигуры торопливо убегают вдаль. Биал вышел из-за угла и опустил на колено. Зелёный квадратик прицела накрыл ближайшую фигурку, Биал вдавил курок.

Электромагнитный импульс большой мощности разгоняет пулю быстрее скорости звука. Грохот выстрелов эхом отразился от стен. Но, чёрт побери, поздно. Аборигены благополучно свернули за угол.

– Вперёд! – Биал рванул вдаль по туннелю.

Успеть! Успеть! Во что бы то ни стало успеть добежать до конца туннеля. Успеть, пока противник не закрепился на новом рубеже. За спиной грохочут ботинки товарищей по отделению. Поздно. На том конце туннеля запульсировал огненный круг. Биал инстинктивно рванул в сторону и сходу вломился в дверь.

Что это? Биал быстро перевернулся на одно колено и поднял автомат. Света нет, автоматика броника перешла на ночной режим. В чёрно-белом свете показался маленький зал, несколько дверей и отброшенный в сторону половичок. Слева на вешалке висит одинокий ремень. Ну да, Биал опустил автомат, жилище аборигенов. Тем лучше. Биал повернулся к входной двери.

В туннеле царит адский грохот. От бетонных стен отлетают фонтанчики огненных брызг. Биал осторожно выставил автомат наружу. Ни хрена себе! Пулемёт. Крупнокалиберный. Очередная пуля высекала из пола кучу искр, от бронированного рукава отлетели бетонные крошки.

Так. Биал на глаз прикинул расстояние. Крупнокалиберный пулемёт рядом совсем, в сполохах огня можно различить размытые фигуры пулемётчиков. Биал поднял прицел чуть выше пульсирующего круга и нажал на курок. Граната вылетела из подствольника.

Секунда. Две.

Яркая вспышка. Биал открыл огонь.

Крупнокалиберный пулемёт на той стороне туннеля заткнулся. Биал выскочил в туннель. От напряжения дрожат колени, лицо горит. Только бы успеть!

– Ети!!! – Биал добежал до конца туннеля, но тут же с грохотом поскользнулся на куче дымящихся гильз.

Так и шею свернуть недолго. Биал перевернулся на колени. Вот ещё один неучтённый поражающий фактор порохового оружия – круглые гильзы.

– Ты цел? – рядом, сдвинув гремящие гильзы в сторону, присел Шалфей.

– Ерунда! – отозвался Биал. – Задницу чуть не отбил, на гильзах прокатился.

– Ну даёшь! – Шалфей поднялся на ноги. – Аккуратней на поворотах. И не отрывайся от коллектива.

Россыпь стрелянных гильз на месте, а самого пулемёта нет и в помине. Хотя... Биал посмотрел по внимательней, по бетонному полу тянется кровавая полоска. Значит как минимум одного аборигена граната достала.

К Биалу с напарником подтянулись товарищи по отделению. Уступами, взаимно прикрывая друг друга, маленький отряд космических пехотинцев двинулся дальше.

Поворот. Ещё поворот. Едва освещённые аварийными лампочками туннели, двери, двери и снова туннели. Аборигены выкопали Ярдуш без какого-либо плана, как будто специально хотели запутать космических пехотинцев. Если бы не кровавый след на полу, то и заблудиться недолго.

После скоротечной стычки недалеко от входа в поселение, тишина давит на уши. Осторожные шаги и лязг «Эммок» словно раскаты грома. Опять поворот. Биал выставил из-за угла автомат.

Грохнули выстрелы. Биал отдёргнулся назад. Стена рядом скрылась под кустиками взрывов, осколки щедро осыпали броник.

От ярких вспышек перед глазами заскакали цветные зайчики. Биал потрянул головой. Это, это не пулемёт. Это что-то другое. В голову стрельнула шальная мысль – неужели гранатомёт, автоматический?

Снова короткая серия выстрелов, но взрывов нет.

– Гранаты! – Биал судорожно отпрыгнул назад.

Чёрные цилиндрики рикошетом от стен завернули за угол. Яркие взрывы. Биала протащило по полу. словно кувалдой по ногам долбанули.

Ну дела! Биал поднялся с пола. В туннеле тишина, но повезло далеко не всем. Над упавшим пехотинцем склонились товарищи по отделению.

– Фазу зацепило!

– Убит?

– Ранен!

Возбужденные голоса гудят все разом, кто есть кто не разобрать.

– Раненного оставить! – приказ Зила, командира отделения, разом закрыл дискуссию. – Вы ему ничем не поможете. Продолжайте преследование.

– Есть продолжать, – машинально ответил Биал.

Такова суровая реальность войны, Биал снова выставил автомат из-за угла. В Ярдуше, внутри поселения людей, царит атмосфера Свалки. При всём желании товарищи по отделению ничем не могут помочь раненому. Остаётся уповать на медблок. С Фазы даже шлем не снять.

Очередной проход вливается в огромный туннель, даже больше, чем входной. На полу железнодорожные рельсы. Справа стальные ворота. Калитка с закруглёнными углами полуоткрыта.

– А-а-а! Сволочи! – Биал злорадно усмехнулся.

Через высокий порог перетекает несколько кровавых следов. Отличное место для засады. Биал разрядил подствольный гранатомет.

Граната сорвала стальную дверь с петель. Грохот взрыва дополнил лязг металла о металл. Времени нет. Биал подскочил к воротам.

– Шалфей! Давай сюда! – крикнул Биал.

А! Сволочи. Молчат! Биал вытащил из разгрузки гранату. С тихим щелчком чека упала на пол. Биал бросил гранату в сорванную калитку. Ухнул взрыв. Ворота дёрнулись, но устояли. Кто бы там ни был, ему точно не поздоровится.

Биал рывком перепрыгнул через высокий порок во тьму. Кувырок в сторону, перевернуться на одно колено и длинной очередью вдоль туннеля.

Никого. Огромный туннель уходит в темноту. Вперёд! Пока аборигены не успели опомниться.

– Второе отделение! Прекратить наступление!

Биал так и замер сидя на одном колене с «Эммой» наперевес. Как же Зил не вовремя.

– Почему, Зил? – выкрикнул Биал. – Мы надерём им задницу!

– Рядовой Ришат! Оставайтесь на месте! – приказал, как отрезал, сержант. – Вы достигли крайней точки наступления и вышли за пределы Ярдуша. Конец связи.

Как обидно! От злости Биал пнул стальной рельс. Сами же учили: если враг драпает, то его нужно догнать и добить. Туннель наполнился грохотом. Из темноты вынырнул огненный шар. Биал упал ничком.

Взрыв. Прямо над головой яркая вспышка. И всё? Биал пошевелил плечами. Не... Жив.

Осторожно, словно боясь нарушить гудящую тишину, Биал глянул вверх. Ничего не видно. Как будто утонул в густом тумане. В полной темноте автоматика броника сама включает активный ночной режим. Но... Всё равно не видно ничего. Должна быть картинка! Хоть какая-нибудь, но должна.

В груди холодным комком запульсировала паника. Так и хочется вскочить на ноги и с громким воплем «Ой мамочка!» броситься наутёк. Но куда? Биал приподнялся на четвереньки и пополз в сторону стальных ворот. Выход должен быть где-то здесь. Обязательно должен быть!

Мало того, что не видно ничего, так ещё и тихо, как в гробу. Эфир как будто вымер. Это уже слишком!

Руки судорожно щупают стальную плиту. Выход! Где-то здесь должен быть выход. Калитка, сорванная.

– О-о-ойй!!!

Руки провалились в пустоту. Высокий порог подло «подставил» ножку. Биал кубарем вывалился из калитки. Бетонная шпала звучно щёлкнула по забралу.

– Ну, Ящер, ну даёшь!

Это Шалфей. Любимый, дорогой напарник.

Эфир наполнен переговорами товарищей по отделению, точнее, всеобщим гоготом. Биал откатился в сторону. Мир снова виден, слышен и осязаем.

– Вы чего? – Биал поднялся на ноги.

– На себя посмотри! – давясь смехом, ответил Шалфей.

– О господи! – воскликнул Биал.

Руки, ноги, броник и даже автомат стали ярко-фиолетовыми. Биал в недоумении потер ладонью ствол. На стволе выступила тёмно-красная полоска. Последний «подарок» от аборигенов убить не убил, зато с ног до головы обсыпал непонятной ярко-фиолетовой дрянью.

– Что за хрень? – словно собака после купания, Биал попытался отряхнуться, ярко-фиолетовая дрянь нехотя полетела мелкими хлопьями.

– А бог его знает, – философски заметил Шалфей. – Радуйся, что живой.

Биал печально посмотрел на ярко-фиолетовый автомат. Что поделаешь: чистку броника и «Эммы» придётся отложить до возвращения в базовый лагерь. Интересно, Биал поднёс фиолетовый палец к забралу, что это?

Возле ворот заметное оживление. Два респа перебрались через высокий порог снесённой калитки и замерли на часах в уходящем в темноту туннеле. Недалеко рычит и скребёт колёсами по рельсам «Шельма». Вот как нужно: пехота очистила дорогу, теперь можно и бронетехнику под землю загнать. К двум респам с четырьмя крупнокалиберными пулеметами добавилась 30-мм автоматическая пушка. Ну а коль выход из Ярдуша взят под надёжный контроль, значит пехотинцев ждёт новая работенка.

– Взвод, внимание! – общий канал связи донес голос старшего сержанта Лигаса. – Приступить к зачистке поселения!

Началось. Биал приуныл.

– Шалфей, Ящер, – это уже Зил, командир второго отделения, – Ваша задача: зачистить самую южную улицу Ярдуша. После чего спускайте на уровень ниже и проверьте фермы. Выполнять!

– Есть зачистить фермы, – без малейшего энтузиазма отозвался Биал.

Вряд ли в Ярдуше остался хотя бы один абориген. Разбежались, заразы. Нагадали, нервы попортили, броник перекрасили, но всё равно разбежались.

– Пошли, Ящер, – Шалфей то же не в восторге от предстоящего задания.

Зачистка помещений отработана до боли, до слёз, до полного автоматизма. Биал с напарником быстро дошли до самой южной улицы Ярдуша и принялись обходить все без исключения помещения. Ноги сами несут тело от двери к двери, а, между тем, наступает мандраж.

Уже при осмотре второго жилища Биал заметил, что его собственные руки дрожат, а ноги предательски подкашиваются. Упорно хочется сесть прямо на пол, наклонить голову и заплакать. Куда уж там – разрыдаться в полный голос.

Если липовый форт оказался не более, чем злой и глупой шуткой, то здесь, в Ярдуше, аборигены не шутили. Отнюдь не шутили. Биал встал возле очередной двери и невольно привалился к косяку спиной. На лбу выступил холодный пот, а дыхание без каких-либо физических нагрузок стало вдруг тяжёлым и глубоким, будто только что двадцать километров с полной выкладкой пробежал.

Господи! А ведь каких-то десять минут назад он ведь и в самом деле находился на волосок от гибели. Если бы та реактивная граната, что разорвалась о стальные ворота над головой, не была бы начинена ярко-фиолетовой дрянью... Биал покосился на грязный автомат, то...

А те гильзы, целая россыпь дымящихся гильз, на которых так позорно прокатился. Это же... Биал напряг память, это же «Защитник»! Двенадцать миллиметров убойного калибра. Такая пуля прошивает броник насквозь. Только мозги по стенкам стекают. Биал нервно сглотнул, язык чуть не прилип к небу.

А граната. Та самая, похожая на чёрный цилиндрик, граната, что рванула под ногами рядового Фазурова. Она же, дура проклятая, вполне могла рвануть и под его ногами. Превеликий Создатель! Биал попытался смахнуть со лба пот, но рука только скользнула по шлему. Это же... на самом деле...

– Что, Ящер, мандраж? – рядом с поднятой «Эммой» остановился Шалфей.

– Типа, того, – Биал натужно кивнул.

– Не у тебя одного, – заверил Шалфей. – Мне до сих пор кажется, что мы на очередных ученья. Верись, нет, Ящер: больше всего меня волнует грязный броник. Типа, грязное прохождение огневой полосы.

Черные пятна маслянистой жидкости по-прежнему покрывают броник напарника. Биал кисло улыбнулся. И в самом деле грязное прохождение.

– Пошли, Ящер, – Шалфей двинулся дальше. – Работа – лучшее лекарство. Если мы сейчас зависнем здесь, то окончательно скиснем. А там и до БПТ недалеко.

Монотонный обход жилищ аборигенов и в самом деле помог совладать с расшатанными нервами. Как бы не был мал шанс наткнуться на десяток вооруженных бунтовщиков, но расслабляться всё равно не стоит. Это даже интересно. В одиннадцатом или пятнадцатом жилище Биал впервые обратил внимание на обстановку. На Миреме полно подземелий, одно метро чего стоит, но люди всё равно предпочитают жить на поверхности, на зелёном просторе, под яркой Геполой. Здесь же, на Свалке, всё иначе.

Бедно живут аборигены, бедно и примитивно. Жители покинули Ярдуш задолго до прихода солдат метрополии, но мебели и прочей домашней утвари осталось немало. В жилищах по проще не сыскать ни одной деревянной табуретки или хотя бы досочки. Сплошь металл и пластик. Мебель неказистая и грубая, аборигены пользуются ею поколениями. Платяные шкафы намертво застыли у стен, толстые дверцы скрипят при малейшем движении. Столы и стулья все как один прямоугольные и квадратные. Ни одной изящно изогнутой ножки. Но больше всего нервирует полное отсутствие окон.

Обычно люди хоть как-то пытаются расширить пространство. Если нет настоящих окон, то устраивают их имитацию. В Ярдуше нет ничего подобного. Только стены, потолки и двери. Невольно чувствуешь себя как в карцере. Пусть и в благоустроенном, с туалетом и гостиной, но всё равно в карцере.

В очередной спальне ничего интересного: широкая кровать и традиционный шифоньер. Но, Биал ещё раз окинул взглядом небольшую комнату, что-то здесь не так.

Вот оно что – фотографии. Над кроватью с голой решёткой висит несколько фотографий в простых серых рамках. На самой большой женщина с двумя детьми и мужчина в военной форме. Биал потрогал пальцем цветную фотографию. На главе семейства действительно военная форма, не спутать. Китель особого покроя и погоны с зелёными полосками на плечах. Точно форма. Но... Это не парадный мундир армии Федерации.

– Под красными боргами те же люди, – задумчиво произнёс Шалфей. – У них ведь то же есть дети, жёны.

Напарник подошёл совершенно незаметно и то же принялся рассматривать фотографии.

– Лучше не думать об этом, – Биал отвернулся. – Пошли дальше.

Семейные фотографии оставили в душе неприятный осадок. Уж лучше бы не видеть их совсем. Ещё жилища, ещё комнаты, ещё убогая рассчитанная на века мебель. Биал осторожно просунул автомат в очередную дверь. Фонарик на «Эмме» высветил очередную прихожую с пустой вешалкой на противоположной стене. С момента высадки и до сих пор мучает один и тот же вопрос: а не

разбегутся ли аборигены в страхе при первых же выстрелах? То, что произошло сегодня, Биал открыл тонкую дверь, так и не дало на него однозначного ответа.

Аборигены сбежали, вроде как, но... Биал прошёл на кухню. Язык не поворачивается назвать это бегством. Если честно, то аборигены на пять с плюсом выполнили тактический манёвр под названием отступление. Да, именно так: тактический манёвр. Они сумели унести не только раненых, но и всех убитых.

Наконец осмотр самой южной улицы Ярдуша закончен. По крутой винтовой лестнице Биал с напарником спустились на уровень ниже. Действительно фермы. От главного широкого прохода тянутся туннели по меньше с грядками, стойлами и складами. На полу и по углам валяются лопаты, вилы, пустые вёдра с пробитыми днищами. В одном туннеле, прямо по среди прохода, лежит мёртвый телёнок. Рёбра выпирают через натянутую кожу, а пустые глазницы светят чёрными провалами. Аборигены ушли от сюда и, наверно, не думают когда-либо возвращаться.

По площади фермы намного превышают жилую улицу, но зачищать их не в пример легче и быстрее. Биал, отворив скрипучую дверь, осветил очередной туннель с чёрными грядками и сухими останками растений. Дальняя стена теряется во мраке, опять придётся идти до самого конца.

– Шалфей, карауль, – обречённо произнёс Биал.

– Иди, – устало ответил напарник.

В следующем туннеле настанет очередь Шалфея переться до противоположной стены. А пока... Биал, поглядывая под ноги, шагает между грядками. Самое глупое занятие напороться на примитивную растяжку. Такое впечатление, Биал поднял фонарик на стволе «Эммы» и осветил потолок с длинными лампами, будто находишься в метро многомиллионного города. Это сколько же на Свалке туннелей, переходов, путей сообщения и прочих подземных нор. Ужас! Одно дело услышать сухие цифры от ротного лейтенанта Божла, и совсем другое лично измерять ногами эти квадратные метры площади и километры длины.

Усталость от бесконечного созерцания пустых туннелей вытеснила из души нервное потрясение после недавнего боя. Как бы бдительность не потерять. Биал подошёл к очередной двери.

Шлёп. Пауза. И снова шлёп.

Биал встrepенулcя. Если бы не гробовая тишина в покинутых туннелях, то можно было запросто ничего не заметить. Биал вытянулся в струнку и крепче сжал автомат.

– Что там? – сзади подошёл Шалфей.

– Там кто-то есть, – Биал показал стволом на закрытую дверь. – Слышишь?

Шлёп. Пауза. Шлёп.

– Ходит кто-то? – предположил Шалфей.

– А бог его знает, – раздражённо ответил Биал.

– Тогда входим по всем правилам, – предложил Шалфей.

– Давай, – охотно согласился Биал.

После монотонной зачистки и мёртвой тишины душа требует активных действий и грохота. Биал вытащил из разгрузки гранату и осторожно, стараясь шуметь как можно меньше, выдернул чеку.

– Готов, – тихо произнёс Биал.

Шалфей дёрнул дверь на себя. В раскрытую щель Биал тут же закинул гранату.

Взрыв сорвал хилую дверцу с петель. Биал первым заскочил во внутрь. Прыжок в правый угол и широким веером. «Эмма» радостно загрохотала. Следом

заскочил Шалфей, отпрыгнул влево, и вот уже два автомата заливают внутреннее пространство пулями.

Что это? Чёрная жижа словно цунами накрыла Биала с головой. Сильный толчок сбил с ног. Шлем гулко брякнулся о стену. Биале едва не выпустил автомат. Невидно ни черта. Где пол? Где стены? Нужно выбирать. Но чёрная жижа сама вынесла в туннель, протащила по полу и напоследок ещё раз гулко стукнула шлемом о стену.

Рядом барахтается Шалфей. Биал стер с забрала грязь. Напарник сидит рядом по пояс в чёрной жиже и трясётся от смеха.

– Ты чего? – Биал стряхнул с автомата чёрные сгустки.

– Не боись! – Шалфей с трудом подавил очередной приступ дикого хохота. – Это навоз!

– Какой навоз? – Биал постарался встать на ноги.

– Обычный. Конский или говяжий, то есть коровий, – охотно пояснил Шалфей. – Мы с тобой бункер-отстойник подорвали. Он и так подтекал. А мы его гранатой. Да ещё очередями из двух стволов. Да вон! Сам посмотри.

Шалфей кивнул в сторону дверного проёма. Биал направил в темноту луч фонаря. Так оно и есть: внутри высокого помещения стоит стальной бак. В передней стенке зияет огромная дыра с рваными краями.

– Шалфей, Ящер, что у вас? Докладывайте!

Ожила связь. Стрельба не на шутку встревожила Зила, командира отделения.

– Всё в порядке, командир, – Шалфей поднялся на ноги. – Мы тут в навозе искупались. Бак-отстойник подорвали, капал подозрительно.

В ответ раздался смех. Правда, нервный немного. Первый самый настоящий бой не прошёл бесследно и для сержанта Зилуча. А ведь ему ещё тяжелей. Он отвечает не только за собственную жизнь, а ещё и за жизни и здоровье одиннадцати подчинённых.

– Продолжайте зачистку, – Зил отключился.

Не было счастья, так несчастье помогло. Биал посмотрел на собственные руки. Жидкий навоз заляпал броник, зато полностью смыл ярко-фиолетовую дрянь.

– Пошли, – Шалфей повернулся в сторону выхода. – В одном из туннелей я стойло видел. Там в поилке вода осталось. Много.

– Пошли, – Биал заковылял следом.

Бронированные ботинки то и дело скользят по жидкому навозу, зато боевой скафандр не пропускает запахи, и слава богу. Биал блаженно улыбнулся. Наверняка сейчас от них исходит умопомрачительное амбре.

Чистота воды в найденной Шалфеем поилке не внушает оптимизма. В пустом стойле с перепревшей соломой нашлось старое ржавое ведро с протекающим дном. Но выбирать не приходится. Биал и Шалфей едва успели вылить друг на друга несколько ведёр, как вновь ожил командирский канал связи.

– Взвод, внимание! – старший сержант Лигас взволнован до необычайности. – Операция по захвату Ярдуша отменяется. Личному составу срочно собраться на площади у выхода. Повторяю! Срочно собраться на площади у выхода.

– Контратака? – Биал отбросил ржавое ведро в сторону.

– Не думаю. Нас бы тогда на конкретные рубежи отправили бы, – ответил Шалфей. – Сердцем чую: случилось что-то похуже. Пошли давай!

Торопливо, но не забывая водить яркими фонариками из стороны в сторону, космические пехотинцы поспешили на точку сбора. Биал старается не отставать от широко шагающего напарника. Но... Что же случилось? Нападение извне? Экстренная эвакуация? Какой смысл гадать. Биал поднажал. Пусть Шалфею скоро на пятый десяток, однако бегает как конь.

Глава 10. Освободители

– Это было бы очень смешно, если бы это не было так грустно, – высокоумно произнёс Молоток.

Ланал лениво перевернулся на левый бок. Болтливый заключённый в соседней камере завёл очередную то ли байку, то ли реальную историю.

– Мы тогда только, только взорванный грунт вынули и приготовились новые шурфы бурить. Ну, в общем, только я первую дыру просверлил, а из нее вода ка-а-ак хлынет! Мало того, – Молоток многозначительно поднял указательный палец. – Забой трещинами пошёл. Весь! Сразу! Из каждой щели вода поёрла. Додо первым ноги сделал. Мы, яшень пень, следом рванули. В главном туннеле водолазы едва не перестреляли нас. Слава богу, Додо прямо на них бежал и орал во всё горло: «Вода! Вода! Там вода!» О господи.

Ланал отрешённо слушает Молотка. В большом туннеле всё так же равномерно горит свет и шуршит воздухопровод. С того момента, как аборигены загнали заключённых в наспех сваренные камеры, прошло три дня. Никакой кормёжки. Единственная отрада: в каждой камере нашёлся большой бак с водой. По крайней мере, смерть от жажды им не грозит. Каждый раз поднося ко рту кружку с водой, Ланал тихо радуется: далеко не все заключённые догадались на последней кормёжке влить в себя двойную порцию мерзкой «похлёбки».

Оживлённые разговоры стихли к исходу первых суток. От вынужденного поста и нервного возбуждения многие заключённые ослабли и слегли. Ещё только под себя не ходят, и то потому что нечем. Это только вон, Краун лениво покосился на камеру напротив, Молоток не унимается. Молотит языком и молотит. Словесный понос у него в крайне запущенном состоянии.

Понятно теперь с какого перепоя три дня назад Индюк приказал сложить инструменты в разгар рабочего дня. Не показалось: где-то на поверхности Свалки по-прежнему гремят взрывы. Иногда со стороны стальной стены, что перегораживает туннель, долетают глухие раскаты. Гораздо чаще даже через тонкий матрас можно почувствовать, как под могучими ударами космических пехотинцев трясётся пол. Но... Время идёт, а в положении заключённых ничего не меняется. Такое впечатление, будто в проходе между камерами сгущается грозная туча.

Впрочем, Ланал окинул взглядом лежащих на полу товарищей по заключению, никакой вспышки не будет. Дня через два бак с водой окончательно опустеет, а ещё через парочку жажда прикончит их. И зачем, спрашивается, аборигены исправно снабжают обречённых узников кислородом? Перекрыли бы кран, и мучения закончились бы максимум через день. А так, не смотря ни на что, душа упорно на что-то надеется. Знать бы ещё на что именно.

– Потом аборигены балки, ну чтоб подпирать, притащили. А то свод этот, того и гляди рухнет, – Молоток продолжает бубнить. – А то и трещины уже с кулак толщиной...

Треск раздираемого металла заглушил последние слова Молотка. От неожиданности Ланал вздрогнул. Что случилось? В туннеле, и без того тихом, повисла гробовая тишина.

Скрежет повторился. Ланал приподнялся на матрасе. Кажется... Это со стороны стальной стены. Точнее, небольшой герметичной двери. Точно!

Чёрный штурвал с душераздирающим скрипом провернулся в последний раз и герметичная дверь отворилась. В тёмном проёме показалась вытянутая стальная морда с выпуклыми глазами. Ни носа, ни рта. Кошмарный гротеск насекомого. Вместо зубов или усиков торчат две толстые трубки. Существо протиснулось в открытую дверь и с механической грацией спрыгнуло на

бетонный пол. Больше всего оно похоже на муравья. Если только бывают муравьи в метр высотой и в два длиной.

Это же... Ланал вскочил на ноги как ужаленный. «Муравей»! РСПП космической пехоты. По телеку кучу раз показывали. Между тем боевая машина неторопливо отошла от двери и деловито завертела башкой.

– Ура-а-а!!! – Краун в испуге принялся трясти решётку. – Мы здесь!!! Сюда!!! Ура-а-а!!!

Туннель наполнился восторженными воплями. «Муравей» испуганно дёрнулся назад и присел на лапы.

И где только силы нашлись? Умиравшие от голода и неизвестности заключённые бросились к прутьям решётки и в безумной угаде принялись восторженно орать. Под напором сотен рук стальные решётки мелко затряслись.

– Мы здесь!!! Здесь!!! Освободите нас!!! – в унисон со всеми кричит Ланал.

Словно в подтверждении самых радужных надежд, в туннель вошли шестеро космических пехотинцев. Ланал прослезился от счастья. Знакомые по многочисленным передачам бронескафандры выкрашены под цвет Свалки в многочисленные оттенки красного. Жаль, лица солдат скрыты под тёмными забралами.

Свои! Наконец-то! Ланал блаженно улыбнулся. Всё сбылось! Всё подтвердилось! Первый ударный действительно висит над Свалкой, а космические пехотинцы, самые лучшие, самые сильные, самые крутые во вселенной парни, успешно громят аборигенов.

– Ура!!! – едва переведя дух, Ланал заорал ещё громче.

Респ, смешно перебирая лапами, засеменил вдаль по проходу. Словно в зоопарке, космические пехотинцы прохаживаются между клетками и с интересом поглядывают на заключённых.

– Вы кто? – один из пехотинцев подошёл ближе.

– Порабощённые жители метрополии! – выкрикнул Ланал.

– Кто? – голос пехотинца с трудом пробивается сквозь восторженный вой заключённых.

– Эмигранты третьей категории! – от счастья Ланал опьянел. – Аборигены поработили нас! Заставили копать свои мерзкие туннели, а потом запретили здесь, словно собак бездомных, на голодную смерть!

– Понятно, – пехотинец резко развернулся и отошёл.

– Куда же вы?! – Ланал вытянул вперёд руки, прутья решётки упёрлись в лицо. – Не уходите!!! Освободите нас!!!

Но космический пехотинец уже потерял к нему интерес. Солдаты метрополии по-прежнему ходят по широкому проходу между клетками. Кажется, будто вопли, стоны и мольбы заключённых не производят на них ни малейшего впечатления. Через открытую в стальной стене дверь залез ещё один «Муравей». Боевая машина замерла по среди прохода словно изваяние.

Да сколько же можно орать? Ланал в изнеможении сполз на тонкий матрас. Бурный восторг при появлении солдат метрополии вытряхнул остатки сил, которые и без того изрядно подточены тремя днями без еды на одной лишь пахнущей металлом воде. «Похлёбка» ещё та гадость, но сейчас было бы здорово выпить за раз два, нет, три литра.

– Ну что же вы? – Ланал заплакал от обиды и огорчения. – Отпустите нас. Дайте поесть.

Однако космические пехотинцы уподобились «Муравьям» и будто не замечают страдания заключённых.

Глава 11. Явная ловушка

– Шнык! Они клюнули! Клюнули! – в возбуждении зашептал Чаг.

Эмоции распирают грудную клетку.

– Заткнись, – в ответ Шнык грубо пихнул локтём под рёбра. – Выгоню.

На наблюдательном пункте полагается быть всего двум операторам. Но... пропустить такое зрелище? В маленькую комнатку на секретном уровне Финдоса набилось человек десять. Ещё столько же толпится у распахнутой настежь двери. Солдаты Народной армии в красных боргах при полном вооружении сидят плотно, словно селёдки в банке. Ни протолкнуться, ни шевельнуться. Но никто не жалуется.

Совсем молоденький оператор с важным видом переключает видеокамеры. На большом плоском экране с трёхсекундной задержкой мелькают Площадь десяти столбов, въезд в Автоспуск №1, торговый зал бутика «Дошар» и ещё около полутора десятка видов. На улицах и площадях Финдоса спрятано много видеокамер.

Было бы здоров увидеть, что творится возле Главных ворот. Ну или хотя бы на Входной площади. Но, увы! Это «кино» показывают в другом «кинотеатре». Приходится довольствоваться тем, что есть.

Единственная отрада: одна из видеокамер смотрит вдоль Проспекта первопроходцев, главного проезда по первому городскому уровню Финдоса. Оператор наконец-то снова переключил на Проспект первопроходцев и даже увеличил изображение.

Ага! Не показалось. Вдали, под самым верхним краем экрана, в районе Входной площади сверкают огненные вспышки. Дневное освещение Проспекта отключено. На фоне аварийных ламп выстрелы из пороховых автоматов подобны вспышкам сверхновых. Как жаль, что звука нет. Пусть из-за большого расстояния невозможно разглядеть подробности, но так легко представить, что происходит возле Входной площади.

Отвлекающая группа шпарит по наступающим пехотинцам из всех стволов. То, что надо! Чаг улыбнулся. Сопротивление присутствует, но не слишком упорное, и не откровенно слабое.

Противник, нужно отдать ему должное, действует по всем правилам военной науки. «Муравьи» и космические пехотинцы уверенно продвигаются по Проспекту первопроходцев. Роботизированные системы бегут впереди, но на рожон не лезут. Пехотинцы идут позади и метким огнём поддерживают «Муравьёв».

На перекрёстке Проспекта с Ладицкой улицей возникло небольшое затруднение: несколько солдат Народной армии засело в угловых домах. Но противник успешно преодолел и этот рубеж. Левый респ ловко увернулся от ручной гранаты и буквально засыпал пулями огневую точку на втором этаже. Остаётся надеется, что солдат успел уйти. Следом подтянулись пехотинцы. Ещё пара взрывов и перекрёсток пройден.

Бой, если так можно выразиться, приближается. Вот последний перекрёсток Проспекта первопроходцев с Вислицкой улицей. Неожиданно с улицы выскочили два пикапа. Ого! Чаг слегка подался вперёд. У каждого в кузове крупнокалиберный пулемёт «Защитник». 12-мм пули прошивают броники пехотинцев и разносят на куски «Муравьёв». Солдаты Народной армии от души поливают Проспект первопроходцев потоками пуль. От стен, проезжей части и даже от свода туннеля сыплются искры и фонтанчики пыли. Дымящиеся гильзы ручьями падают на асфальт.

Только... Зря они так. Смело, но глупо. Космические пехотинцы ответили дружным огнём. Перед колёсами машин вспучился асфальт. Через борт левого пикапа протянулась полоска дырочек. Ещё пара секунд, и с безумной контратакой будет покончено. Но нет! Невероятный разворот на месте. Машины, выбрасывая из-под колёс белый дым, дёрнули с места. Быстро набирая скорость, пикапы проскочили через Площадь десяти столбов и скрылись в глубине туннеля

Автоспуска №1. Чаг облегчённо выдохнул. Да поможет Великий Создатель безумным смельчакам.

Между тем так называемая оборона первого городского уровня подходит к концу. Из окон серого здания рядом с площадью Десяти столбов вылетело несколько реактивных гранат. Ближайший респ окутался импульсами ИПРО. Взрыв. «Муравей» не пострадал. Респ словно стряхнул с себя пыль и открыл бешенный огонь по серому зданию. Только бесполезно: бойцы Народно армии уже ушли. Дай бог, им удастся без следа раствориться на улицах самого большого на планете города.

Первыми на Площадь десяти столбов вступили «Муравьи». Респы насторожено водят головами и, кажется, готовы сорваться с места при малейшем чихе. Но стрелять не в кого. Следом подтянулись космические пехотинцы. Противник занял площадь и сумел пройти по Проспекту первопроходцев до конца.

– Хорошо работают! – в восторге воскликнул кто-то на последнем ряду, но на него дружно зашипели.

Дорога на второй городской уровень открыта, но пехотинцы не спешат углубляться в Автоспуск №1. Тщательно, со знанием дела, солдаты противника принялись зачищать здания на площади.

Оператор в очередной раз переключил видеокамеру. На экране возникло хорошо знакомое убранство бутика «Дошар». В кулинарном магазине полумрак. Шикарные люстры владельцы сняли и унесли заранее. Бледный свет с площади вливается в просторный торговый зал через широкие окна. Но вот в дверном проёме показался космический пехотинец.

Бдит, зараза! Чаг улыбнулся. Кинет гранату, или не побоится так войти? Космический пехотинец зашёл в торговый зал, за его спиной показался ещё один. Нет, не кинул. Тем лучше. Солдаты противника основательно осмотрели «Дошар», но так ничего и не нашли. Да и не могли найти.

Ждать пришлось довольно долго. Чаг постарался устроиться по удобней на узкой скамейке. Однако сделать это очень проблематично. Недовольные соседи пихаются локтями и шикают в ответ. Одно не понятно: будут ли космические пехотинцы зачищать весь первый городской уровень, или нет? А то ведь командование Народной армии как обычно не спешит сообщить рядовым подробности и возможные варианты текущей операции. Но одно понятно точно: от того, как поведёт себя противник, зависит дальнейшее течение боевой операции.

Страсти накаляются. Заскучавшие было зрители перешли на драматический шёпот.

– Непоседа, как думаешь, – Шнык пихнул локтём под рёбра. – Сунутся или нет?

– Предлагаешь сделать ставку? – вопросом на вопрос ответил Чаг.

Шнык насупился и отвернулся. Чаг улыбнулся. Самое время тотализатор заводить и писать ставки под широким экраном. Но вот передовой отряд космических пехотинцев вошёл таки в темноту Автоспуска №1. Ещё через полчаса через Площадь десяти столбов протянулась колонна «Шельм». На некоторых боевых машинах, уцепившись всеми восемью лапами, сидят «Муравьи».

– Ну вообще! – Шнык вскочил на ноги. – Они что? За людей нас не считают?

– Бараны самоуверенные! Тупицы высокомерные! – Чаг поднялся следом.

– Идиоты! – охотно согласился сосед слева.

Всё присутствующие в наблюдательном пункте поднялись на ноги и загомонили. От эмоциональных возгласов сбилось дыхание, Чаг на миг умолк. Это же ловушка! Козе понятно. Даже полка космических пехотинцев со всеми

респами и обслугой не хватит, чтобы как следует зачистить хотя бы первый городской уровень. Не говоря уже о том, чтобы самым тщательным образом проверить и простукать все щели и закоулки.

– Кретины! – выдохнул Чаг.

– Молчать!!! – командный рык Шныка перебил возбуждённые голоса. – Пехотинцы полезли на второй городской уровень – тем лучше. Кино окончено. Разойтись!

Солдаты народной армии, скрипя отодвигаемыми стульями и скамейками, потянулись на выход.

– Всё равно кретины, – Чаг не удержался от последнего слова. – Но... Шнык! Почему мы уходим?

– Иди, иди, – Шнык мягко подтолкнул в спину. – Если пехотинцы полезли в глубь Финдоса, значит вторая фаза операции откладывается надолго. Здесь, – Шнык кивнул в сторону большого экрана, – ничего интересного мы больше не увидим.

– И то верно, – нехотя согласился Чаг.

Как и следовало ожидать, авиация метрополии старательно и самозабвенно громила объекты на Северном плоскогорье три дня подряд. АКИ, и даже такшипы, сравнивали с землёй кучу липовых фортов. Особенно досталось Щитовой горе. Её высота уменьшилась более чем на половину.

Первый и Второй полки Народной армии отправили на оборону столицы. Хотя, какая может быть оборона против закованного в броню последних научных достижений космического десанта и великолепно обученных пехотинцев? Остаётся одна единственная тактика, которая великолепно зарекомендовала себя во время первой стычки с войсками метрополии: стреляй и беги. Одно радует – командование Народной армии готовит какую-то гадость. Но какую именно? Чаг со Шныком перебрали кучу вариантов, но не смогли выбрать ни один из них.

У Главных ворот Финдоса космические пехотинцы появились рано утром седьмого числа. По донесениям разведчиков, у главного входа в город высадилось не меньше батальона. Это же... Огромная сила! В первый раз Народной армии пришлось воевать всего лишь с ротой.

Однако космические пехотинцы не стали лезть в глубину Лакмары. Вместо этого они окопались у подножья горы и построили базовый лагерь. Хотя странно, если честно. Обычно увешанные орденами и звёздами генералы с адмиралами до дрожи в коленках спешат захватить столицу врага. Типа, победа сразу будет.

Ожидание грозило затянуться на неопределённый срок, но, ближе к полудню, парочка высокоточных ракет вдребезги разнесла Главные ворота. Ещё несколько бомб проломили стену на Площади простора. В гарнизоне Финдоса сыграли боевую тревогу, когда космические пехотинцы наконец-то пошли в наступление.

***

– Тихо. Отставить грохот, – рассерженный Шнык прикрикнул на пулемётчиков. – Не сюда. Вон. Туда ставь.

Для усиления огневой мощи третьему отделению придали крупнокалиберный пулемёт «Защитник». Штука мощная, но громоздкая и громкая. Шнык показал на пустой прилавок напротив входа в торговый зал и пояснил:

– Если всё нормально пойдёт, выскакивайте вслед за нами на площадь. Если пехотинцы в контратаку пойдут, ставьте «Защитник» на прилавок. Он железный, выдержит.

Пулемётчики подтащили «Защитника» к широкому прилавку напротив выхода из магазина. Ещё двое следом поднесли ящики с патронами.

– Ну, Непоседа, пошли, – Шнык на полчетвереньках пополз в торговый зал.

– Пошли, – тихо ответил Чаг.

Контратаку отложили на четыре часа. Чаг извёлся от вынужденного безделья в полной боевой готовности. Наконец, поступил приказ выдвигаться на исходные позиции.

Третьему отделению первого взвода достался обувной магазин «Элегант» на Площади десяти столбов. Противник рядом совсем, буквально в нескольких десятках метров. Чаг изо всех сил старается ступать как можно тише.

Финдос подобен огромной головке сыра с дырками. В нём столько ходов, проходов, колодцев, сливов. Технические и коммуникационные туннели связывают между собой дома, улицы и все четыре городских уровня. Самый настоящий лабиринт, в котором сам чёрт ногу сломит. В нём можно запросто заблудиться и навсегда сгинуть. Со стороны десантников было бы очень большой глупостью надеяться, будто бойцы Народной армии не сумеют просочиться им в тыл. Причём не отдельные храбрецы, а целые роты и батальоны.

Чаг притаился возле широкого окна. Владельцы «Элеганта» сняли заранее стёкла, тем лучше. Чаг выставил наружу дамское зеркальце. В маленьком кружочке с трудом можно разглядеть главную достопримечательность площади – десять толстых поддерживающих свод столбов. В отличие от большинства площадей, Площадь десяти столбов не круглая, а похожа на ромб. Восемь столбом стоят вдоль дороги, ещё два в тупых углах ромба.

Толстые столбы загораживают вид, но, Чаг повертел зеркальце, всё же можно разглядеть у входа в Автоспуск боевую машину пехоты и пару респов. Чаг перевёл дух. Пехотинцев не видно. «Муравьи» противник серьёзный, но предсказуемый. «Шельма» это, конечно, что-то с чем-то, но... В данной тактической обстановке боевая машина тревожит меньше всего.

Скоро начнётся.

– Великий Создатель, помоги творению своему. Подари крупицу своего божественного внимания, – тихо зашептал Чаг.

Нервозное ожидание сменил страх. К чему лгать самому себе? Именно от страха дрожат руки и подгибаются колени. Чаг спрятал зеркальце в карман борга. Сейчас, с минуты на минуту, снова предстоит вступить в бой с космическими пехотинцами. Чаг искоса глянул на Хана. Молодому проще, вон как храбрится. Новичок понятия не имеет, какой сильный и опасный враг ему противостоит.

– Держись, Непоседа, – тихо прошептал Шнык. – У меня, того, тоже колени дрожат.

Чаг подтащил «Дюбель» и откинул прицельное приспособление.

Как жаль, что тяжёлых штурмовых гранат «Дюбель» и более лёгких «Шурупов» не было четыре года назад. Одноразовые штурмовые гранаты просты в обращении и очень удобны в переноске. Самое главное: после выстрела можно просто отбросить пустой контейнер и убежать налегке. По мощности «Шуруп» мало чем отличается от реактивного миномёта «Угроза», а «Дюбель» ещё мощнее. Если верить разработчикам, он не то что БМП, танк возьмёт.

– Отделение, внимание. Приготовиться, – скомандовал Шнык.

Чаг присел перед окном на корточки и закинул на плечо штурмовую гранату.

– Огонь! Огонь! – выкрикнул Шнык.

Чаг резко выглянул в окно. Красный силуэт «Шельмы» отлично виден на тёмном фоне Автоспуска. Рядом стальными изваяниями замерли «Муравьи». С четырёх концов площади к БМП протянулись дымные следы. Сработала ИПРО, «Шельма» окуталась плотным ярко-фиолетовым облаком. «Пыльца» напрочь забила электронику. Чаг нажала на спусковую кнопку.

Во втором залпе десятков дымовых следов ткнулись в ярко-фиолетовое облако. Десятки «Дюбелей», «Шурупов» и «Угроз» разорвали завесу «пыльцы». Но и «Шельма» осталась на месте. Чаг отбросил пустой контейнер в сторону.

«Муравьи» тут же открыли бешенный огонь. Респы затаивались перед «Шельмой», пытаясь разом перекрыть все сектора обстрела, но их слишком мало. Чаг закинул на плечо «Шуруп». Следующий залп накрыл роботизированные системы поддержки пехоты.

– Прекратить огонь! – приказал Шнык.

Чаг тут же убрал палец со спусковой кнопки и опустил «Шуруп». Воевать больше не с кем. После грохота взрывов и треска очередей, звенящая тишина давит на уши.

– Выходим, – скомандовал Шнык.

Чаг пристегнул неиспользованный «Шуруп» обратно к связке и вышел на площадь прямо через пустое окно. Атака на БМП и респов промелькнула так быстро, что «пыльца» не успела развеяться. Из оседающих остатков ярко-фиолетового облака выступает покорёженный корпус «Шельмы». Рядом кучками разбитого хлама валяются «Муравьи».

– Внимание! – громогласно произнёс Шнык. – Нам приказано выдвигаться на Проспект первопроходцев. На перекрёстке с Ладицкой улицей противник всё ещё держит оборону. Пулемётчики!

– Здесь!

Приданные третьему отделению пулемётчики уже вытащили тяжёлого «Защитника» из обувного магазина.

– Следуйте за нами как можно быстрее, – приказал Шнык.

На пустую площадь высыпала куча народу и машин. Группа сапёров торопливо минует Автоспуск №1. Декоративные панели сняты и отложены в сторону. В заранее подготовленные углубления подрывники закладывают чёрные ящики с цветными проводами. Через пять минут спуск на второй городской уровень будет целиком и полностью подготовлен к взрыву.

На засыпанную «пыльцой» «Шельму», словно стая голодных стервятников, накинулась трофейная команда. Люди в синих боргах торопливо выгружают из повреждённой машины всё, что только можно. Чаг недовольно поморщился: словно ненужный манекен, из боковой дверцы вылетел труп космического пехотинца. Без малейшего уважения к убитому, двое трофейщиков подхватили его и забросили в кузов подогнанного пикапа. Следом полетели цинки с боеприпасами, баллоны, ящики.

– Пошли!

Чаг отвернулся. В картине торопливого разграбления приятного мало. Что поделаешь – таков нелицеприятный лик войны. Любой трофей представляет огромную ценность, в том числе и бронескафандры космических пехотинцев.

На перекрёстке Ладицкой улицы и Проспекта первопроходцев все ещё гремят взрывы, а пули со свистом отлетают от стен. Но, едва первый взвод подтянулся к перекрёстку, как сопротивление было подавлено.

– Не останавливаемся. Вперёд! – Шнык махнул рукой в сторону Входной площади.

Внезапная атака увенчалась полным успехом. Самоуверенность грех, за что космические пехотинцы расплатились сполна. Ни взвод, ни рота – целый батальон залез в глубины Финдоса. Но противник скоро очухается. Третьему отделению приказано занять оборону в одном из домов на Проспекте первопроходцев недалеко от Входной площади.

Со стороны Главных ворот долетел натужный рёв двигателей.

– Ни хрена себе! – Чаг так и замер на месте.

На том конце Проспекта первопроходцев показался кошмар пехотинцев – основой боевой танк Федерации Мирема ТК – 12, более известный как «Тяпа». Трёхметровая бронированная громадина на широких гусеницах. Приплюснутая башня неторопливо поворачивается из стороны в сторону. Чёрный ствол 120

миллиметрового калибра смотрит прямо в душу. Чаг поёжился. Мощный корпус с полукруглыми выступами лазеров ИПРО с неотвратимостью судьбы рычит и прёт по широкому проспекту.

– За мной! Живо!

Голос командира вывел из ступора, Чаг развернулся и побежал вслед за другом. Третье отделение прямо через окна и двери гурьбой ввалились в ближайший дом. Чаг кувырком выкатился из прихожей на лестницу. Вовремя! За спиной грохнул выстрел. «Тяпа» открыл огонь. Фугасный снаряд разорвался где-то на Проспекте первопроходцев.

– По местам! Занять оборону! – Шнык уже на ногах и энергично размахивает автоматом.

Чаг вскочил на ноги и оглянулся. Ну дела! Это же тот самый дом, где им было приказано занять оборону. Добежали таки. Чаг поспешил за другом на второй этаж. Связка «Шурупов» хлопает по спине.

Дом №17 на Проспекте первопроходцев заранее подготовлен к обороне. Чаг лично с товарищами по отделению таскал из комнат мебель и снимал окна. Ещё бы лестницу на второй этаж разобрать и окна бетонными блоками заложить, но командование запретило через чур явно готовиться к обороне.

В комнату на втором этаже сквозь пустые окна залетает грозный рык мотора и лязг гусениц. Чаг остановился возле левого окна, Шнык рядом. У соседнего притаились двое солдат. Отделение рассредоточилось по всему дому.

«Тяпа» – крайне серьёзный противник. Чаг осторожно выглянул из окна. Танк в тёмно-красной камуфлированной окраске вырулил на Проспект первопроходцев. Да не один! За ним отчётливо виден силуэт ещё одного танка, а ещё дальше ещё один.

– Ни хрена себе! – от удивления Чаг едва не выпал из окна.

– Что там? Докладывай! – потребовал Шнык.

– Танки! – Чаг очумело глянул на командира.

– Ясен перец, танки.

– Да не! – сообразил Чаг. – Без пехоты. Там даже респов нет. Три «Тяпы» и всё.

– Ни хрена себе! – удивленно согласился Шнык.

Огненная вспышка. Из окна в доме напротив вылетела реактивная граната. Значит первое отделение то же успело занять оборону согласно плану. В ответ рывкнул выстрел. Звуковая волна едва не отбросила от окна, Чаг склонил голову. В широком туннеле Проспекта звук от мощного выстрела не рассеивается во все стороны, а летит по туннелю звуковым цунами.

Чаг тряхнул головой и открыл глаза. Части стены в доме напротив больше нет. Снаряд «Тяпы» разнёс кирпичную кладку вдребезги. В глубине комнаты виден засыпанный обломками силуэт.

– Сволочи, – Чаг закинул на плечо «Шуруп». – Берегись! Стреляю!

Сожалеть, разводить плач, некогда. Но смерть товарищей только добавляет злости. Чаг резко высунулся из окна.

Ну дела! Танки на всех парах прут по Проспекту. Ни одного пехотинца так и не видно. Головной танк попал в прицел, Чаг вдавил пусковую кнопку.

«Шуруп» дёрнулся в руках. Дымный след. Перед головным танком вспыхнуло ярко-фиолетовое облако. Чаг отбросил пустой контейнер и отпрыгнул в глубь комнаты.

Серые чешуйки засыпали подоконник и пол. При выстреле из казённой части контейнера вылетает противомасса. Пусть реактивная граната весит почти в два раза больше, а серое облако чешуек, бывает, демаскирует позицию, зато «Шурупами» и «Дюбелями» можно палить хоть из маленькой комнаты, хоть из

кладовки, хоть из узкой щели в земле. Реактивный выхлоп не крутанётся в замкнутом пространстве и не покалечит стрелка.

Сильный взрыв. Чага отбросило от окна, протащило по полу и долбануло спиной о стену. Сверху посыпались битые кирпичи.

– Чаг! Жив! – встревоженный Шнык толкнул в плечо.

– Жив, – Чаг поднял голову.

Когда-то в этой комнате была спальня хозяев, а теперь маленький армагедон. Пол просторной комнаты засыпан битым кирпичом, а в воздухе витает облако серой пыли. Наружной стены больше нет, и, Чаг повертел головой, двоих товарищей тоже.

– Бублику и Жоре хана, – Шнык ответил на незаданный вопрос.

Вид на Проспект первопроходцев стал и лучше и опасней. По битым кирпичам, потолку и полу щёлкают крупнокалиберные пули. «Тяпа» щедро поливает пролом из крупнокалиберного пулемёта.

– Берегись! – крикнул Шнык.

Танк рядом. В проломе показалась заляпанная «пыльцой» Башня. За круглым люком торчит изогнутая антенна.

Чаг вытащил из разгрузки несколько гранат. Ну держись! Пальцы сами нащупали предохранительную чеку первой гранаты. Но «Тяпа» резко дёрнул в сторону и на полном ходу врезался в дом на той стороне улицы. Чаг улыбнулся. «Пыльца» коварна. Пусть танк на полном ходу проскочил ярко-фиолетовое облако, но липкие частички «пыльцы» всё равно осели на электронных датчиках и оптике. «Тяпа» ослеп. Ну, на какое время точно.

Ситуация меняется. Чаг посмотрел на гранату в правой руке. На гладком боку ярко-фиолетовая полоса – то, что нужно. Щелчок. Чека упала на пол. Чаг бросил гранату в видимую в проломе башню.

Лазерные импульсы ИПРО окутали башню. Идиоты! Чаг упал плашмя. Ещё лучше – граната взорвалась в воздухе и накрыла «Тяпу» ярко-фиолетовым облаком. Хана танку! Чаг злобно улыбнулся.

В неподвижный и окутанный «пыльцой» танк тут же воткнулось несколько реактивных гранат. Для кучи Чаг бросил парочку ручных. Взрывы разнесли ярко-фиолетовое облако.

Чаг подполз к пролому. Точно хана! На красной броне чёрными пятнами выделяются места взрывов. Танк подбит и не подаёт признаков жизни. Но опасность ещё не миновала.

Рядом натужно ревет второй «Тяпа». Чтобы не врезаться в подбитого товарища, танк дернул в сторону. Правый борт въехал в стену, а левый всё равно зацепил гусеницу подбитого. Снопы искр в разные стороны.

Чаг вытащил из разгрузки ещё одну гранату с «пыльцой», но так и не успел ее кинуть. Над головой рывкнул «Шуруп», второй танк окутался ярко-фиолетовым облаком.

– Берегись! – Шнык отбросил пустой контейнер.

Чаг отшатнулся назад. Пулемёт «Тяпы» яростно разбрасывает пули во все стороны. Не поможет. Чаг убрал гранату с «пыльцой» обратно в кармашек.

Второй «Тяпа» разделил судьбу первого. В ярко-фиолетовое облако вонзились дымовые следы, «Дюбеля» и «Шурупы» растерзали боевую машину.

Главная задача первого и третьего отделений ослепить противника и, по возможности, задержать. Тогда как оставшееся на сотню метров в тылу второе отделение добивает его реактивными гранатами.

Визг тормозов и глухой удар. Чаг снова высунулся наружу. Третий «Тяпа» смачно врезался в заглохших товарищей. Приплюснутая башня величественно развернулась. Чаг и Шнык судорожно откатились в глубь развороченной спальни.

Выстрел.

Звуковое цунами подняло с пола пыль и мелкие камешки. Кажется, ещё немного и дом и туннель проспекта обвалятся.

– Чаг! Давай! Уйдёт! – сквозь звон в ушах пробился голос друга.

Чаг неловко перевернулся на левый бок. «Тяпа» неистово верещит и тычется в стены. Не иначе пытается развернуться. Руки привычно вытащили из разгрузки гранаты. В голове звон, как в пустой бочке. Вот, кажись, чека, предохранительная.

– Готов? – спросил Шнык.

– Да, – Чаг приподнялся на левом локте.

– Давай!

Друзья разом бросили гранаты в проём. Танка не видно, но где он находится ошибиться невозможно. Очередной толчок в стену потонул в грохоте взрывов.

– Ещё! Ещё! – торопливо командует Шнык.

Чаг выбросил последние гранаты. Под проломом прогрохотали взрывы. Чем теперь стрелять? Чаг оглянулся. Там, на полу, где вечность назад было окно, присыпанные кирпичной крошкой связка «Шурупов», Бублик и Жора так и не успели ими воспользоваться. Перебирая руками и ногами, Чаг пополз в сторону штурмовых гранат. Мелкие камешки скрипят и крошатся под прочной тканью борга, а пыль скрывает не хуже тумана. Ну сейчас он получит!левой рукой Чаг дотянулся до связки.

– Отставить огонь!

Чаг удивлённо уставился на Шныка. Командир отделения поднялся на ноги.

– Да, Непоседа, отставить, – Шнык кивнул. – Бой законен.

В это трудно поверить. Чаг осторожно, ожидая в любой момент смертельного подвоха, выглянул в пролом. На Проспекте первопроходцев царит тревожная тишина. Ни рёва моторов, ни стрекота пулемёта, ни треска раздираемого асфальта. Посла какофонии боя тишина кажется звенящей. Хотя нет, не совсем. Чаг приподнялся и осторожно выглянул наружу.

Да-а-а... Некогда грозные боевые машины являют жалкое зрелище. Динамическая защита местами содрана полностью, броня засыпана пылью и заляпана «пыльцой». У первого танка сорвана левая гусеница. Теперь понятно, почему его так резко занесло. Башня второго пробита в двух местах, из дырочек струится дым. Третий танк проткнул стволом стену дома напротив, да так и замер. Последний «Тяпа» пытался отступить, удрать, но не смог ни развернуться, ни повернуться вдоль Проспекта. То ли от глупости, то ли от страха водитель не догадался дать задний ход.

Самое приятное другое, Чаг расслабленно улыбнулся. Повезло. Великий Создатель подарил таки крупицу своего божественного внимания, смерть в очередной раз прошла стороной. Кончиками пальцев Чаг дотронулся до груди. Под прочной тканью боевого борга тонкие изогнутые лучики звезды Создателя приятно согрели кожу.

Тишина обманчива. На просторах первого городского уровня по-прежнему гремят взрывы и стрекочут крупнокалиберные пулемёты. Запертые в глубинах Финдоса десантники пытаются выбраться из западни, куда сами охотно залезли с головой и всеми конечностями.

– Внимание! Нам приказано убедиться, что с танками покончено, – объявил Шнык.

– Ну это просто, – ответил Чаг.

Пусть «Тяпы» не подают признаков жизни, но автоматика танков может ещё работать. Чаг выставил наружу ствол «Надежды» и нажал на курок. Короткая очередь чиркнула ближайший танк, пули со звоном отскочили от брони. Реакция нулевая – хороший признак.

– Голяк, – прокомментировал Чаг.

– Дай бог, – согласился Шнык. – А теперь выходим и убеждаемся лично.

Чаг недовольно поёжился. Отцам-командирам легко рисковать чужими жизнями. Хреново чувствовать себя расходным материалом. Чаг недоверчиво покосился на подбитые танки. Остаётся надеяться, что коварство и хитрость не заложены в компьютерные системы «Тяп».

Чаг забрался на башню ближайшего танка и пнул ногой лазерную сферу ИПРО. Пронесло! Грозная боевая машина ни дёрнулась, ни пискнула. Уцелевшие лазеры ИПРО так и не испепелили дерзкого пехотинца противника. Чаг попытался приоткрыть командирский люк. Куда там! Ни удары прикладом, ни ругань не помогают. Прочную броню возьмёт либо взрывчатка, либо плазменный резак. Второе надёжней.

– Выдвигается, – скомандовал Шнык.

– Куда, – Чаг спрыгнул на землю.

– Входная площадь. Нашему отделению приказано занять там оборону, – пояснил Шнык.

– Да они что, издеваются? – возмутился Чаг. – Там же нет ничего! Дай бог, подсобка найдётся. Да и мало нас осталось.

– В ней и засядем, – отрезал Шнык.

Из десяти человек уцелело четверо, меньше половины отделения. Остальные либо ранены, либо убиты.

– Есть и хорошая новость, – произнёс Шнык. – Нам подвезут боеприпасы и пополнение. Всё. Пошли.

Но прежде, чем перейти на новый рубеж обороны, Чаг присел рядом с погибшим бойцом Народной армии.

Бублик. Сердце тревожно сжалось. С кем ещё совсем недавно делил суровый армейский быт и с полной выкладкой топтал просторы Северного плоскогорья, теперь убит. Блок жизнеобеспечения в клочья, забрало разбито, глаза остекленели. Чаг тяжело вздохнул и прикрыл веки павшего товарища.

Не повезло Бублику, очень не повезло. Судя по всему, Чаг прикинул место положение и позу убитого, снаряд «Тяпы» не только разнёс стену дома, но и выбросил Бублика на улицу. Даже если в момент падения от был ещё жив, то всё равно умер от удушья. Насыщенная углекислотой атмосфера родного мир убивает всех без разбора. Как бы то ни было, а мёртвый ещё может помочь живым.

– Мародёрствуешь? – рядом остановился Шнык.

– Если это шутка, то очень глупая, – вяло огрызнулся Чаг.

Ничего личного, их так учили. Чаг стащил с убитого разгрузку. С павших товарищей необходимо снимать боеприпасы и кислородные патроны.

– Ибо ждёт тебя жизнь вечная, – Чаг поднялся на ноги.

Последние слова Отходной молитвы потонули в завывании двигателей. Из-за угла лихо выкатила парочка грузовиков. Но это не подмога, не подкрепление и даже не санчасть за ранеными.

– Трофейщики, – сквозь зубы, словно сплюнул, произнёс Шнык.

Трофейная команда, brave ребята в синих боргах и с плазменными резаками, первыми появляются на поле боя, чтобы подобрать любую, какую только возможно технику метрополии. Ведь она такая передовая и такая дорогая. А тут такой сюрприз – аж целых три танка.

– Они напоминают мне стервятников, – произнёс Шнык.

– Не только тебе, – признался Чаг.

Словно и в самом деле стая стервятников, трофейщики накинудись на подбитые танки. Самый ловкий с плазменным резаком наперевес уже забрался на башню «Тяпы». Снопы искр и капли расплавленной брони полетели из-под белого язычка горелки.

Остатки третьего отделения торопливым шагом направились в сторону Входной площади, но и на ней не пришлось закрепляться. Получив очередной приказ, Шнык увёл подчинённых дальше, к Главным воротам. Как ни сложно догадаться, третье отделение назначили в головной дозор, чтобы не дай бог не прошляпить новую атаку войск метрополии.

Маячить живой мишенью в полный рост глупо, Чаг прилёг на бетонный пол возле левой стены. На том конце туннеля виден кусочек звёздного неба. От Главных ворот осталось одно название. Высокоточные ракеты разнесли стальные створки на мелкие кусочки. Сильна метрополия, очень сильна, ничего не скажешь.

Сколько у Народной армии осталось времени на подготовку обороны? Танковая атака была жестом отчаянья. Батальон, что залез в глубины Финдоса, либо уже разбит, либо отряды Народной армии гасят последние очаги сопротивления. Противник бросил в бой всё, что у него было. Но и это не помогло. Космический десант своих не бросает. Значит, в самое ближайшее время следует ожидать новую ещё более мощную атаку. А, главное, она будет правильной, по всем законам военной науки.

Глава 12. Минная засада

На очередном ухабе движок «Шельмы» отчаянно взвыл. Даже сквозь броню слышно, как жидкая грязь и мелкие камешки из-под колёс хлещут по днищу. Но вот боевая машина выбралась из колдобины и продолжила путь.

Поспать при такой тряске всё равно не получится. Тогда нужно хотя бы расслабиться. Рядовой Биал, закрыв глаза, честно попытался превратиться в бесформенный кусок теста или мягкий воск. Получается неважно. Руки то и дело елозят по коленям, а голова болтается в шлеме, словно пробка в пустой бутылке.

Дело дрянь. Победоносное шествие космического десанта по Свалке споткнулось о крупный булыжник. Это надо же, Биал невольно сжал кулаки, целый батальон завяз в глубинах Финдоса, столицы колонии. Как проболтался лейтенант Божл, командир двадцать первого взвода, в отчаянной попытке выручить своих, полёг первый танковый взвод. Это же целых три танка! Неудивительно, что командование в пожарном порядке стягивает к Финдосу все наличные силы. Только вот, не открывая глаз Биал тяжело вздохнул, даже при самом оптимистическом раскладе двадцать первый взвод доберётся до Финдоса не раньше, чем через два часа. БМП опять закачало из стороны в сторону. А то, учитывает местные дороги, не раньше трёх.

Нервное потрясение до сих пор покалывает кончики пальцев. Неприятные воспоминания словно ночные кошмары проносятся перед закрытыми глазами. Вот она война какая на самом деле. После самого первого, самого настоящего боя как-то не очень хочется продолжать банкет. В БМП тишина. Товарищи по отделению не спешат поделиться впечатлениями, а молча сидят каждый на своём месте.

Человек ко всему привыкает. Биал незаметно задремал. Поток мыслей превратился в тихий ручеёк, а дёрганная болтанка потонула в его мутных водах.

«Шельма» резко свернула влево. Рёв двигателя пронзил визг тормозов. Биал распахнул глаза.

Удар!

Биал стукнулся шлемом о левую стойку. Снаружи ухнул взрыв. Инерция развернула БМП. Под задним колесом ухнул ещё один взрыв.

В ушах звон. Биал тряхнул головой. Будто кто-то очень сильный и очень злой долбанул по шлему кувалдой. Но, что случилось? Мина? «Шельма» напоролась на мину? Срочно на выход! Не дожидаясь приказа, пехотинцы рванули к выходному люку.

Перед глазами мельтешат чёрные круги, тело действует на автопилоте. Вот гдегодились годы изнуряющих до отупения тренировок. Голова ни черта не соображает, разум приходит в себя после звукового удара, а ноги сами несут тело на выход.

Снаружи темно, автоматика броника включила ночное зрение. Рассыпаться. Биал повернул вправо. С левой стороны ещё один взрыв. В воздух взметнулся столб пламени. Биал рухнул на землю и перекатился под защиту БМП. «Эмма» уже в руках. Где противник?

Зелёный квадратик прицела нервно скачет по серым холмам, что вплотную подступают к дороге. Рядом товарищи по отделению и сбившиеся в кучу БМП. Да где же противник?! Биал крутанулся на месте.

Вокруг по-прежнему никого нет. Ни одного пульсирующего в темноте огненного круга и треска очередей.

– Не стрелять!!! – грубый рык сержанта Зилуча словно небесная музыка. – Всем оставаться на местах. Дорога заминирована.

Не удивительно. Биал приподнялся на руках. Аборигенов по-прежнему не видно и не слышно, зато можно разобрать, что твориться на так называемой дороге.

– Ну дела, – тихо воскликнул Биал.

«Шельма» первого отделения улетела в кювет. Корма с распахнутой десантной дверцей торчит над дорогой. БМП второго отделения свернуло влево и с разгону ткнулось в отвесную стену. Бронированный нос выдержал удар, но краска сильно поцарапана и местами полностью отлетела. Только третья боевая машина сумела вовремя затормозить и остаться на дороге.

– Внимание, отбой, – это снова Зил. – Противник отсутствует.

Нехотя, пугливо поглядывая на темнеющие за дорогой холмы, Биал поднялся на ноги.

– Что это было? – Биал сам не заметил, как произнёс вопрос вслух.

– Классическая минная засада, – ответил Шалфей.

– Что за минная? – Биал повернулся к напарнику.

– Классическая, говорю, – Шалфей показал автоматом на дорогу. – Всё спешка проклятая. Головная «Шельма» мины засекала, да инерцию ещё никто не отменил. Вот и сыграла носом в кювет. Да и там на мину напоролась. Всё, что оставалось нашей машине – дёрнуть в другую сторону, то есть в скалу.

– А заднюю часть всё равно занесло и правое заднее колесо напоролось на мину, – закончил Биал.

– Правильно.

– А где противник? – Биал настороженно посмотрел на темнеющие за дорогой холмы.

– Нет его, на наше счастье, – ответил Шалфей.

Словно полицейские на карнавальной шествии, респы перегородили дорогу. Биал сощурил глаза, автоматика шлема тут же увеличила изображение. Так оно и есть: дальше по дороге валяются останки космического пехотинца.

– Проклятье, – тихо ругнулся Биал.

Как выяснилось чуть позже, погибло трое человек. Водитель, сержант и рядовой первого отделения, которого угораздило после выхода из БМП заскочить на мины. Подбитые «Шельмы» нуждаются в серьёзном ремонте. А главное – быстрая передислокация под Финдос сорвана.

С помощью пары кратерных зарядов дорогу быстро разминировали. Чтобы не случилось, а взвод обязан прибыть к месту назначения. Второму отделению пришлось залезть на броню последней целой БМП.

Сидеть на броне ещё неудобней, чем внутри. Последние пару десятков километров Биал просидел в обнимку с «Муравьём». Но всё равно непонятно:

почему аборигены заминировали дорогу, устроили, можно сказать, классическую засаду, но их самих на месте не оказалось? Взвод понёс большие потери, но обстрел из тяжёлых пулемётов и реактивных гранатомётов несомненно унёс бы ещё больше жизней. Действительно: «наше счастье».

Перегруженная людьми и респами «Шельма» преодолела очередной подъём. Впереди, на тёмном фоне Лакмары, засверкала россыпь электрических огней.

Прибыли. Почти. Биал приуныл. Впереди ещё один серьёзный бой и никаких надежд на отдых. Это война. Это учения проходят строго по плану и всегда точно знаешь, когда сможешь скинуть потный броник и залезть под душ. Но самое печальное даже не это.

После боя в селении Ярдуш как-то не верится, что удастся вытащить из глубин Свалки хотя бы одного космического пехотинца. Если их уже повязали, то наверняка уже оттащили... И только Великий Создатель ведаёт, в какие тёмные и мрачные глубины Свалки аборигены затащат пленных.

Глава 13. Судьба заключённых

В штабе Первого ударного флота висит напряжённая тишина. Даже приборы гудят пугливо и тихо, а вентиляцию, поток воздуха через решётки, и вовсе не слышно. Перед адмиралом Криллом над большим тактическим столом висит трёхмерное изображение улицы Финдоса. Даже без пояснительных надписей Рекоу сразу узнал Проспект первопроходцев ту его часть, что находится недалеко от Входной площади.

Плохо дело. Три синих треугольника пробкой столпились поперёк Проспекта. Совсем рядом, в зданиях напротив и чуть дальше по улице, мелькают красные столбики. Треугольники едва проглядывают под жёлтыми шариками огневого контакта, аборигены шпарят по танкам из всех стволов. Но вот один синий треугольник превратился в чёрный, следом потемнел ещё один и ещё.

Представление на голографическом столе закончилось. Жёлтые шарик огневого контакта погасили. Красные столбики пехотинцев противника замерли на месте и начали бледнеть. Бой окончен.

– Связь с первым танковым взводом потеряна. Взвод уничтожен, – словно диктор за кадром, объявил штабной офицер.

Рекоу печально понурил плечи. Ещё раньше пропала связь с первым батальоном. Пусть по заверениям разведки где-то на городских уровнях Финдоса всё ещё идут бои, но... Не нужно быть великим тактиком и умудрённым стратегом, чтобы понять очевидную истину: целый батальон космических пехотинцев вместе со всеми боевыми машинами и респами сгинул в глубинах Свалки.

– Проклятье, – сдержанно произнёс адмирал Крилл.

Рекоу с удивлением глянул на командующего флотом. Всё время, пока аборигены разносили в пух и в прах первый батальон, а потом ещё и танковый взвод в придачу, адмирал хладнокровно молчал. Не ёрзал от нетерпения в кресле, как можно было бы ожидать, не лез с приказами через голову генерал-лейтенанта Солмара, не орал, не плакал, не ругался, а молчал. Сосредоточенно следил за голографическим изображением и молчал. Чемпион мира по покеру и то эмоциональней.

– Они заплатят за это, – адмирал, ткнув пальцем в маленький экран перед собой, погасил голографическое изображение. – Вызовите генерал-лейтенанта Солмара! – приказал адмирал.

Через долгую минуту штабной офицер доложил:

– Генерал-лейтенант Солмар на связи.

Над тактическим столом возник голографический экран.

– Адмирал? – произнёс командующий космическим десантом.

– Генерал, когда вы сможете подтянуть дополнительные силы и выручить первый батальон? – как ни в чём не бывало спросил адмирал Крилл.

Генерал-лейтенант Солмар нахмурился, но ответил:

– Необходимые силы для новой атаки в количестве не менее одного батальона мы сможем подтянуть не раньше, чем через два часа. Но... – генерал замялся, – для организации полноценной контратаки потребуется не меньше пяти часов.

Глаза адмирала Крилла превратились в узкие щелки. Ещё немного... и... командующий флотом сорвётся на истеричный визг? Ничего подобного.

– Хорошо, действуйте, генерал, как сочтёте нужным. Держите меня в курсе, – произнёс адмирал Крилл. – Конец связи.

Если бы не полное отсутствие гравитации, Рекоу обязательно рухнул бы на пол от удивления. Адмирал Крилл не расстроен, не напуган, а... рассержен. Да! Да! Именно рассержен. С трудом сдерживаемый гнев кипит у него внутри, как вулкан, который вот-вот взорвётся и разнесёт всё к чёртовой матери на десятки километров вокруг. Ну а пока адмирал даже не дымит.

Ему бы в покер играть. Всех бы порвал. Командующий флотом ведёт себя так, словно аборигены не грохнули целый батальон, а спёрли пару незрелых яблок из сада. А ведь до этого трагического момента боевая операция развивалась как по нотам.

Авиация флота три дня старательно утюжила кратер Финдос. Авиокосмические истребители и такшипы сравнивали с землёй все найденные разведкой подозрительные объекты на Северном плоскогорье и в остальной части кратера Финдос. Высокоточные ракеты и планирующие бомбы разнесли в клочья несколько десятков фортов, ракетных баз и опорных пунктов. Особенно досталось самому большому форту в Щитовой горе. После налётов такшипов она стала значительно ниже. Если кто и прятался в глубинах горы, то наверняка погиб.

Но!

Первая дурная весть пришла сегодня утром, когда космические пехотинцы приступили к захвату поселений в кратере Финдос. Первый же пристальный осмотр так называемых фортов раскрыл крайне нелицеприятный факт: все без исключения военные сооружения на поверхности Свалки оказались липой чистой воды. Аборигены и не собирались встречать космических пехотинцев огнём из архаичных пороховых пушек. Те ужасные толстые стволы, что удалось разглядеть на снимках из космоса, на проверку оказались обычными стальными трубами низкого качества.

Витус Эрган, министр финансов Федерации Мирема, поседеет от горя. Это сколько же дорогостоящих ракет и бомб brave вояки в прямом смысле закопали в красных песках Свалки? Маленькой колонии и за три сотни лет не покрыть такие расходы.

Но эта печальная новость быстро затерялась на фоне победоносных реляций. Если в Северном плоскогорье космические пехотинцы и столкнулись с каким-то там сопротивлением, то все без исключения поселения в остальной части Финдоса тут же выбросили белый флаг, едва к их воротам подступили БМП с космическими пехотинцами.

Адмирал Крилл расцвёл от радости, когда ему доложили о самом первом вооружённом сопротивлении в поселении Речена. Как же! Аборигены не разбежались в страхе перед космическими пехотинцами, а немножечко постреляли. Пусть немного совсем, но вполне достаточно, чтобы подавление бунта на Свалке можно было бы честно назвать боевой операцией. Первой по-настоящему боевой операцией впервые за последние шесть с половиной сотен

лет. Наверно по этой причине, находясь в состоянии эйфории, адмирал Крилл приказал генерал-лейтенанту Солмару ускорить захват столицы.

Рекоу пытался отговорить адмирала от столь опрометчивого шага. Одного батальона для захвата огромного подземного города слишком, слишком мало. Но в ответ получил лишь полный раздражения и надменности взгляд.

Что бы там не говорили, а курице иногда следует прислушиваться к советам яиц. Катастрофа разразилась, когда космические пехотинцы добрались до третьего городского уровня. Неожиданно аборигены перешли в контрнаступление и за полчаса отрезали батальон от поверхности. Первый танковый взвод, без поддержки пехоты и респов, предпринял отчаянную попытку прорваться на выручку. Но три грозные боевые машины застряли на Проспекте первопроходцев и были уничтожены.

Пока адмирал глазами бездушной статуи наблюдал, как аборигены добивают танки, Рекоу вдруг вспомнил Финдос, где прожил больше двадцати лет. Это же... огромный подземный город. Четыре уровня, длинные улицы, дома, площади, переходы, технические службы и вспомогательные туннели. За триста с лишним лет аборигены так основательно изрыли гору Лакмару, что в Финдосе даже появился свой собственный клуб диггеров. Тоссан, младший сын, одно время рвался нацепить белую каску с фонариком, но, хвала Создателю, по малолетству его не взяли.

Обидно, крайне обидно. Рекоу, чуть не плача, обвёл глазами штабное помещение. Над Свалкой висит огромный флот, но ни одно орудие главного калибра, ни один АКИ или такшип абсолютно ничем не могут помочь попавшему в беду батальону. Подземный город свёл на нет научно-техническое превосходство метрополии. Ужас! Космическим пехотинцам приходится на равных сражаться с аборигенами.

– Адмирал!

Рекоу поднял голову. Штабной офицер отвлёк от печальных раздумий.

– Что у вас? – глядя на пустой тактический стол, спросил адмирал.

– Восьмая рота Четвёртого полка сообщает: в одной из пещер у подножья Большого излома обнаружена большая группа людей в красных робах. Приблизительно две с половиной тысячи человек.

– Что за люди?

– Колонисты третьей категории, сосланные с Мирема уголовники и неудачники. Ни один местный житель не оденет красную робу, – пояснил Рекоу. – Наверно, это те самые заключённые, которых Первый крейсерский флот застал на орбите, а сейчас их нет. Быстрее всего, аборигены спустили их на планету, подняли из анабиоза и отправили вкалывать.

– Подтверждаю, – отозвался штабной офицер. – По словам заключённых, аборигены заставили их работать над прокладкой неустановленных туннелей. Приблизительно три дня тому назад заключённых согнали в этот туннель и бросили.

Адмирал Крилл нахмурился. Такое выражение лица командующего не сулит заключённым ничего хорошего. Штабные офицеры на время оставили тактические экраны без внимания и напряжённо уставились на затылок адмирала.

– Зачем они это сделали? – спросил адмирал Крилл.

– Думаю... Аборигены хотят нагрузить Первый ударный несколькими тысячами лишних ртов и лёгких, – осторожно подбирая слова, заговорил Рекоу. – Хотят заставить нас заботиться о своих.

– Да какие они, к чёрту, свои! – адмирал Крилл стукнул кулаком по подлокотнику. – Если этот сброд сослал на Свалку, значит теперь они аборигены. Враги.

Рекоу испуганно отшатнулся. Ботинки-липучки пронзительно затрещали, но удержали на месте. Накопленный в душе адмирала гнев наконец-то нашёл отдушину. Что-то сейчас будет.

– Адмирал, какие будут приказания?

Адмирал на секунду задумался.

– Приказываю! Космическим пехотинцам покинуть туннель. Туннель уничтожить. Запустите туда какую-нибудь хрень помощнее, – распорядился командующий флотом.

– Но адмирал, это же люди! – воскликнул Рекоу. – Гражданские! Они даже не солдаты!

– Задача Первого ударного разрушать и убивать, а не спасать всякий сброд, – отрезал адмирал Крилл.

– Адмирал... – прошептал Рекоу, но командующий флотом уже потерял к нему интерес.

Это нечто! Только что адмирал походя обрёл несколько тысяч людей на смерть. Это же... Военное преступление! Рекоу едва не задохнулся от ужаса. На Миреме за убийство даже одного из этих несчастных легионеры порвали бы адмирала Крилла на тысячи очень маленьких кусочков. Но здесь...

Невероятно! От удивления Рекоу даже протёр кулаками глаза. Томительное ожидание и напряжение на лицах штабных офицеров сменилось на... облегчение. Пусть удивлённое и ошарашенное, но всё же облегчением. Ну конечно! Их больше волнует судьба попавших в ловушку товарищей по оружию. Здесь, на Свалке, несколько тысяч заключённых представляют одну большую проблему. А так: нет людей, нет проблем. Легионеры на Миреме никогда не узнают о чудовищном геноциде. Благо цензуру изобрели ещё несколько тысяч лет тому назад. В СМИ попадут только бравые репортажи и прилизанные снимки. Никакой крови, никаких трупов, никаких ошибок и просчётов. На борту линкора Ингар нет ни одного журналиста, ни одного оператора, ни одного фотографа. Рекоу единственный гражданский на весь Первый ударный флот. Но даже ему пришлось дать подписку о неразглашении. Так что всё будет шито, крыто. Но ведь... так всё равно нельзя.

***

– Выпустите нас. Ну пожалуйста, – тихо, почти шёпотом, произнёс Ланал.

Сил на то, чтобы кричать, орать или требовать, совершенно не осталось. Ланал сполз на тонкий матрас и без сил ткнулся лицом в решётку. Стальные прутья упёрлись в щёки и скулы, но разгорячённая кожа не чувствует ни холода, ни шероховатостей грубого металла.

В душе с каждой новой минутой, с каждой новой секундой нарастает беспокойство. Прошёл час, как космические пехотинцы нашли запертых в стальных клетках узников, однако солдаты Федерации не спешат выпускать их на волю. Космические пехотинцы отошли к стальной переборке и замерли возле калитки, словно каменные истуканы.

Беспокойство терзает не только его. Ланал окинул взглядом товарище по несчастью. Если по началу все без исключения заключённые радостно приветствовали освободителей, то сейчас тихо ругают их самыми последними словами, вяло требуют открыть камеры и дать, наконец, пожрать. А что будет дальше?

Шорох бронированных ботинок и лязг металла. Ланал встрепенулся. Что это? Космические пехотинцы спешно покидают туннель. Последними, торопливо проскользнув по проходу между камерами, убежали респы. Герметичная калитка со скрипом захлопнулась. Стук запираемого засова прозвучал, как смертельный приговор.

– Стой! Вы куда? – Краун вскочил на ноги.

Удивлённый возглас эхом прокатился по большому туннелю. Товарищи по заключению окончательно умолкли и, выпучив от удивления глаза, уставились на калитку.

Зачем? Куда? Почему они убежали? Чувство чёрной безысходности накрыло с головой. Ланал взвыл нечеловеческим голосом и принялся бешено трясти решётку. Заключённые взбесились от злости и отчаянья. Кажется, ещё немного, ещё чуть-чуть, и стальные решётки рассыплются от бешеного напора в прах. Но нет: тяжело дыша, Ланал опять, в который раз, без сил сполз на тонкий матрас, стальные камеры сварены на совесть.

Прошло минут десять, а может целая вечность. Как бы не был зол, раздражён или доведён до отчаянья человек, сил, чтобы фонтанировать эмоциями, надолго не хватит. Тем более всеми брошенных заключённых не кормили три дня. Некоторые товарищи по несчастью просто попадали в голодный обморок.

– Зачем вы так, – на глазах Ланала навернулись слёзы. – Мы же вас так ждали. Надеялись...

Мощный удар потряс огромный туннель. Необычайной силы звук неожиданно сменился звенящей тишиной. Краун отвлечённо, словно в кино, заметил, как стальная переборка распустилась исполинским цветком с рваными лепестками. Невероятный вид завораживает и очаровывает. Рядом о стальной прут, выбив яркую искорку, чиркнул осколок. Ещё один толкнул в плечо и ткнулся в грудь. А другой, особо большой и крупный, снёс дверь в камеру и открыл путь на свободу.

Но. Не прошло и минуты, как в дыру с рваными краями влетел огненный шар. Нестерпимый жар опалил брови и волосы. Последнее, что в своей жизни успел заметить Ланал Краун – огромный огненный вал, что стремительно накатывается из глубины туннеля. Стальные клетки одна за одной исчезают в его сверкающей глубине.

Глава 14. Схватка за Финдос

– Как на плацу перед проверкой, – сокрушённо произнёс Шалфей.

– Ещё только увешенного звёздами генерала для полного счастья не хватает, – согласился Биал.

Перед главным въездом в столицу Свалки аборигены насыпали широкую площадку, словно и в самом деле плац для смотра подготовили. Места столько, что базовый лагерь первого батальона занимает едва ли треть площади. Но вот только самого батальона уже нет.

На рукотворной площадке царит нервная активность.

– Па-а-а берегись!!!

Биал отскочил в сторону. Рядом, выбрасывая из-под гусениц мелкие камешки, прогрохотал танк. Чуть дальше, едва не падая на ухабах, на площадку перед Главными воротами, въезжает колонна БМП. Покрытые красной грязью респы, подогнув лапы, сидят на броне. За спиной опять грохот, Биал обернулся. Очередной «Торнадо» спускает в базовый лагерь огромный контейнер с боеприпасами.

– Согласен: попавший в западню батальон не есть хорошо, но... я ещё ни разу не видел, чтобы высшее командование так переполошилось, – признался Шалфей.

Биал молча кивнул в ответ.

Всё новые и новые танки и боевые машины пехоты взбираются на широкую площадку перед Главными воротами Финдоса. Командование в экстренном порядке стянуло целый полк. Биал настороженно посмотрел на укутанный темнотой склон Лакмары. Остаётся надеяться, что аборигенам не придёт в голову нанести артиллерийский или миномётный удар по скоплению живой силы и техники.

– Шалфей, ты знаешь, пока мы ехали, – задумчиво заговорил Биал, – Мне казалось, что первый батальон успешно сопротивляется там, в подземельях Свалки. Благо аборигены как солдаты даже на парад не годятся. Но сейчас я уже так не уверен. Здесь же целый полк! Ладно наш Второй, или ещё какой. Так ведь нет – сборная солянка. И всё ради одного единственного города?

– Не к добру, – Шалфей кивнул. – Ох, чует моё сердце – лафа закончилась.

То ли случайно, то ли преднамеренно, двадцать первый взвод оказался недалеко от разрушенных ворот. Не нужно напрягать зрение и гонять автоматику броники, чтобы в деталях и подробностях разглядеть разбросанные у входа в туннель обломки двух стальных створок.

Штурм города является самым сложным видом боя. Это не в чистом поле гулять, или в лесу грибы собирать. Для захвата Финдоса потребуется целый полк и куча боеприпасов.

– Внимание! – заговорил на общем канале связи сержант Зилуч. – Приготовиться к наступлению. Выдвигаемся во втором эшелоне.

Двадцать первому взводу выпала сомнительная честь наступать вслед за штурмовой группой и зачищать дома аборигенов. Биал крепче сжал автомат. Вот заодно и выяснится, что опасней.

На юге, на фоне чуть светлого неба, показалось звено аэрокосмических истребителей. В широкий туннель с рёвом влетел огненный шар. Бабахнуло дай боже. Наружу вылетело тёмное облако дыма и пыли. Жаль, на Свалке невозможно использовать термобарические ракеты и бомбы. Как на предварительном инструктаже объяснил лейтенант Божл, аборигены отключили систему регенерации воздуха. Так что сейчас на улицах Финдоса кислорода не больше, чем снаружи.

В широкий туннель, гремя гусеницами и оставляя на земле глубокие борозды, вошли два танка. Следом засемили «Муравьи» и пехотинцы штурмовой группы.

– Второе отделение, пошли! – скомандовал Зил.

Началось!

***

– Да какого чёрта они так долго ковыряются? – в сердцах воскликнул Чаг.

Трофейщики в синих боргах ещё только не танцуют на половину разобранных танках, но всё равно кажется, будто еле шевелятся.

– А ты им помоги, какие проблемы? – съехидничал Шнык.

– Тебе хорошо говорить, – Чаг посмотрел на друга, чья мощная фигура в камуфлированном борге выделяется в окне в доме напротив. – Это не тебя гулять по проспекту отправили!

– Я ефрейтор – ценнее буду. К тому же ветеран.

В голосе Шныка ни намёка на веселье, но за много лет Чаг великолепно изучил друга. Это Шнык так прикалывается.

– Да ну тебя, – Чаг выразительно махнул рукой.

С тех пор, как последний «Тяпа» навсегда замер поперёк Проспекта первопроходцев, прошло несколько часов. Третье отделение перевели из дозора возле Главных ворот обратно на Проспект первопроходцев, снабдили боеприпасами и даже доукомплектовали до штатной численности. А трофейная команда всё так же самозабвенно разбирает подбитые танки.

Чаг пнул корпус неподвижного «Тяпы». Нужно признать: трофейщики работают не просто быстро, не просто разбирают танки, а буквально потрошат их, как голодный мясник торопливо разделывает тушу только что забитой хрюшки. Снопы искр из-под плазменных резаков дождём падают на покорёженный асфальт.

Два танка уже раздели до голого металла. Сняли гусеницы, колёса, умудрились свинтить пушки, не говоря уже о трупах танкистов, боеприпасах и внутреннего оборудования. В третьем танке ещё что-то осталось.

Чаг с Журналом и Балагуром, новичками из свежеприсланного пополнения, нервно прогуливается перед разделяваемым танком. Приказ командования однозначен – прикрывать трофейщиков до последнего. Иначе говоря: сдохни, но помоги унести с поля боя лишний броник, электромагнитный автомат или лапу от «Муравья». О господи!

– Давайте быстрее! – Чаг в очередной раз остановился перед трофейщиками.
– Вам что? Жить надоело? Идут же!

Нервное напряжение нарастает с каждой секундой. Противник в любой момент может пойти в атаку. Даже обязан пойти! Им танки потрошить не нужно. На эмоциональный возглас трофейная команда ответила ударами кувалды и шипением плазменных резаков.

Опять что-то режут, Чаг нервно потряс «Надеждой». Небольшой автокран с грохотом опрокинул броневую плиту сразу за башней танка. Не иначе трофейщики во что бы то ни стало решили утащить энергоблок. Ну правильно – энергия наша всё.

Со стороны Входной площади долетел раскат мощного взрыва. Чаг резко обернулся. Дальний конец Проспекта первопроходцев укрыт облаком чёрной пыли. Стальные осколки и куски бетона усеяли проезжую часть и поцарапали прилегающие к Входной площади дома. Видать, не хилая ракетка там взорвалась. Чаг присел под защитой остова разобранного танка. Новички пристроились рядом.

– Внимание! Приготовились! – скомандовал Шнык. – Противник пошёл в наступление. Стрелять по моей команде!

Да-а-а... Приятного мало. Чаг осторожно выглянул из-за кормы подбитого танка. И без напоминания командира понятно, что космические пехотинцы пошли в атаку. Неужели всё ещё надеются выручить своих? Если так, то они ба-а-альшие оптимисты. С час назад Шнык сообщил о ликвидации последнего очага сопротивления на третьем городском уровне. Хотя какая там ликвидация! Пехотинцы сложили оружие, едва шальная граната оторвала голову последнему сержанту.

Из-за пылевого облака, словно из-за театрального занавеса, доносится рёв движков. Космические пехотинцы вот-вот откроют огонь, и тогда на Проспекте первопроходцев заработает филиал ада. Трофейщики не смотря ни на что продолжают работать. Лебёдка на автокране гудит от напряжения, стальные тросы дрожат от натуги, но всё равно не получается выдернуть из подбитого танка серую глыбу энергоблока.

– Да они что, охренели?! – в сердцах воскликнул Балагур.

– Сами сдохнуть хотят и нас прихватить! – поддакнул Журнал.

– Отставить! – Чаг одёрнул новичков. – Пока они возятся, мы в безопасности.

Однако, трофейщики смелые ребята. Они настолько увлечены разборкой, что совершенно не обращают внимания на начало второго акта драмы под названием «Битва за Финдос».

Чаг выбросил трофейщиков из головы, не до них сейчас. Впереди надвигается более насущная проблема. И без их участия на трофейщиков давит командование.

– Непоседа, давай из «Дюбеля» по правой стороне Проспекта. Головной дозор докладывает, «Тяпа» прёт.

– Есть.

Чаг вытащил из связки «Дюбель» и закинул реактивную гранату на плечо. Получится, не получится? Стрелять наугад не дело, разве что на звук. Рёв танков давит на уши.

Выстрел.

Реактивная граната ушла в пылевое облако на том конце Проспекта первопроходцев. В облаке яркой вспышкой сверкнул взрыв. Чаг отбросил пустой контейнер. Красиво и громко, только вряд ли граната разорвалась о броню «Тяпы».

Вот из оседающего пылевого облака показалась штурмовая группа противника. Правильно идут, чёрт побери. Чаг пригнулся. Два танка почти скребут бронёй по стенам домов. Рядом с ними семят респы, а чуть дальше шагают пехотинцы. Любой, кто рискнёт высунуться из окна, получит пулю в лоб.

Танки бойко палят из пушек. После каждого выстрела от домов по сторонам проспекта отлетают большие куски стен. А раззявы трофейщики продолжают потрошить подбитый танк.

Враг всё ближе. От остова танка всё чаще и чаще отскакивают пули. Ещё немного и противник заметит суетливую команду за хлипким прикрытием из двух разобранных танков.

– Непоседа, «Шуруп», «пыльца», левый танк, – торопливо скомандовал Шнык.

– Есть, – отозвался Чаг.

Из другой связки Чаг вытащил «Шуруп» с ярко-фиолетовой полосой на спусковом контейнере. Выстрел. Левый танк окутало облако «пыльцы». Чаг отбросил пустой контейнер. Ещё пара секунд у трофейщиков будет.

Но вот правый «Тяпа» целенаправленно развернул ствол в их сторону. Чаг нервно сглотнул. По спине скатился холодок.

Рядом грохнула реактивная граната. Перед вторым танком выросло ярко-фиолетовое облако. Балагур шмальнул «пыльцой» по второму танку.

– Молодец! – Чаг хлопнул Балагура по плечу.

За спиной натужный треск и грохот, Чаг обернулся. Неужели не успели? Но нет, пронесло. Трофейщики выдернули энергоблок их подбитого танка и с шумом водрузили его на кузов пикапа. Высокий трофейщик в синем борге торопливо отцепляет от энергоблока крючки, остальные разбегаются по машинам. Вот соскочил последний крючок, автокран тут же сорвался с места. Из-под бешено вращающихся колёс вылетело белое облачко.

– Непоседа, трофейщики ушли. Уходите! – приказал Шнык.

– Понял, уходим, – отозвался Чаг.

Негоже бросать оружие, Чаг поднял с земли последний «Дюбель». Правое облачко «пыльцы» в прицеле, только поздно уже. В момент, когда Чаг вдавил пусковую кнопку, морда «Тяпы» вылезла наружу. Сработала ИПРО, реактивная граната вспыхнула ярким пламенем без малейшего вреда для танка. Обидно.

Пора уходить. Чаг оглянулся по сторонам. Остов танка прикрывает их, но это ненадолго.левой дом дальше, но... Чаг сорвался с места. За спиной остов танка с грохотом встал на дыбы. Чаг проскочил открытое пространство и ласточкой запрыгнул в окно. Следом о стену защёлкали пули.

Манёвр более чем рискованный, но сработало. Чаг выглянул наружу. Новички рванули по кратчайшему пути и угодили под прицельный огонь. Балагур, вроде как, успел заскочить в дверной проём, а вот Журнал не успел. Пулемётная очередь толкнула новичка в бок, боец не вписался в проём и рухнул на тротуар. На красном борге выступили пятна крови. Вечная память.

Первая рота Народной армии самообороны Дайзен 2 встала затычкой посреди Проспекта первопроходцев. Но, нужно признать, хреновой затычкой. «Тяпы» со смертельной неторопливостью продолжают двигаться вдоль проспекта.

Снаружи строчат пулемёты, взрываются снаряды и реактивные гранаты. Однако остановить наступающий десант никак не получается.

Над головой ухнул взрыв. Чаг вжал голову в плечи. Наружная стена рухнула под окнами первого этажа. Тем, кто был наверху, хана.

– Непоседа! Жив, дурилка! – из соседней комнаты показался Шнык.

Друг с ног до головы засыпан белой пылью, но, вроде как, цел.

– Давай! Уходим! – Шнык показал на дыру в полу. – Приказано отступать.

Через дыру в полу, в технический туннель, ушли двое товарищей по отделению и уволокли с собой третьего. Следом за ними спрыгнул Шнык. Но тут рёв танка достиг кульминации. Чаг инстинктивно рухнул на пол и откатился под защиту бетонного блока. Снаружи показался заострённый нос «Тяпы».

Пронесло! Чаг приподнялся над полом. Штурмовая группа прошла мимо, но за ней следует группа зачистки. Точно! В оконном проёме показалась башка респа. Чаг вытащил из разгрузки гранату и, выдернув чеку, швырнул её на улицу. Респ исчез.

Граната подарила бесценные секунды. Чаг, извиваясь ужом, подполз к дыре в полу и сиганул в технический туннель головой вниз.

Сверху, прямо на шлем, упала граната. Чаг судорожно спихнул её в улавливатель для гранат и распластался на полу. Взрыв. Град осколков высек из стальных труб яркие искры.

Чаг приподнял голову. Улавливатель для гранат – пригодился таки, сам долбил. Но! Не успел Чаг подняться на ноги, как по стенам и трубам защёлкали пули.

Пехотинцы! Чаг судорожно завертел головой. Неужели уже в техническом туннеле? Когда успели? Но нет, это не они. Точнее, другие. Метрах в сорока, увёртываясь от труб над головой, продвигаются космические пехотинцы.

Чаг прямо на четвереньках рванул прочь. Одна надежда на товарищей. Впереди, в полумраке технического туннеля, загрохотали выстрелы и запульсировали огненные круги. Товарищи по отделению прикрывают его. Чаг улыбнулся. А значит будем жить!

***

Небольшая по размерам Входная площадь встретила космических пехотинцев темнотой и чёрной пыльной завесой. Только на другом конце площади падающий из широкого туннеля свет разгоняет мрак. На Проспекте первопроходцев аборигены зажгли все без исключения лампочки.

– Хорошо бабахнул, – заметил Шалфей.

– А толку, – ответил Биал.

Взрыв был нехилым, это верно. Всё, что только можно разбить, поломать, покорёжить и уничтожить высокоточная ракета разбила, поломала, покорёжила и уничтожила. На потолке перебиты все до последней лампочки, асфальт под ногами изрешечён осколками и завален кусками колотого бетона. Но! Биал покрутил головой. Вокруг ни одного дохлого аборигена, или хотя раздолбанной баррикады. Ничего, совершенно. Местные и не собирались защищать Входную площадь. Дорогая высокоточная ракета, если разобраться, бабахнула зря.

Штурм подземного города начался. Танки ползут по Проспекту первопроходцев. Снаряды из 120 миллиметровой пушки разносят в клочья стены домов. На проезжую часть водопадом сыплются битые кирпичи, оконные рамы и прутья стальной арматуры. Идущие за «Тяпами» респы и пехотинцы щедро поливают пулями окна и двери. В ответ аборигены огрызаются очередями из пороховых автоматов и пуляют реактивными гранатами.

Перед «Тяпами» то и дело вспыхивают ярко-фиолетовые облака, но штурмовая группа упрямо движется вперёд, буквально продавливая оборону

противника. Биал печально вздохнул. Как бы эффективно не действовал передовой отряд, но группы зачистки без работы не останутся.

Отделению Биала выпала задача зачищать многочисленные дома на Проспекте первопроходцев. Сама процедура отработана до автоматизма, но расслабляться не следует. Первый дом – чисто. Второй дом – чисто. Третий, четвёртый. Биал с тремя товарищами по отделению обследует убогие жилища аборигенов.

Очередной дом, как и все предыдущие, пуст. Аборигены вынесли из него всё, что показалось им ценным. По кучкам пыли и ярким пятнам на стенах можно догадаться, где стояли шкафы и кровати. Снятые розетки и выключатели светят голыми проводами. В ванной в гордом одиночестве осталась разбитая раковина.

На первом этаже никого нет, мин тоже нет. Но, едва Шалфей вступил на лестницу на второй этаж, как по ступенькам забрякал серый шарик.

– Граната! – Шалфей отпрыгнул в сторону.

Биал инстинктивно упал на пол.

Взрыв. Осколки изодрали стены, пластиковые обои повисли лохматыми гроздьями. Лестница с шумом обвалилась.

– Зил, на втором этаже засели аборигены, – доложил Шалфей.

– Ферзь, Тур, Шалфей, Ящер – в гостиную. Штурм через потолок, – приказал сержант Зилуч.

– Есть штурм через потолок, – Биал поднялся с пола.

Наверняка аборигены засели возле лестницы. Биал, держа «Эмму» наготове, осторожно посмотрел вверх. Не видно ничего. Но мы пойдёт другим путём.

В гостиной Ферзь и Шалфей уже закинули на потолок парочку «Щелкунов», стенобитных гранат.

– Берегись! – напарник отскочил в дальний угол.

Сдвоенный взрыв. «Щелкуны» пробили в потолке круглые дыры. Биал подскочил к ближайшей и выстрелил из левого рукава «кошкой», небольшим, но очень полезным приспособлением для подъёма на высоту. Стальной штырь с визгом потащил за собой тонкий тросик и воткнулся в потолок второго этажа. Ещё секунда, и мощная лебёдка понесла Биала вверх. Рядом от пола оторвался Тур.

Перекрытие второго этажа мелькнуло перед глазами. Впереди спина аборигена, Биал тут же нажал на курок. Пули разнесли в клочья блок жизнеобеспечения на спине аборигена, но тот всё равно успел развернуться и выстрелить из подствольника.

Яркая вспышка на миг ослепила. Биал, качнувшись в сторону, спрыгнул на пол и отцепил тросик. Абориген где-то здесь!

Автоматика броника быстро справилась с ослеплением. Сквозь белый туман проступила комната. Абориген с простреленным боргом валяется на полу. Из соседней комнаты выглянул ещё один. Биал отпрыгнул в сторону. Рядом засвистели пули. Падая, Биал открыл огонь.

Длинная очередь разнесла голову аборигена на мокрые кусочки. Биал грохнулся на пол и откатился к стене.

Встав на колени, держа автомат наготове, Биал осмотрел комнату. Никого. Выстрелы и визг тонких тросиков. Сквозь дыры в полу на второй этаж поднялись Ферзь и Шалфей.

– Давай, Ящер, чистим дальше, – Шалфей замер перед выходом из комнаты.

Биал вытащил из разгрузки гранату и закинул её в соседнюю комнату.

Едва раздался взрыв, как Шалфей и Ферзь дружно забежали в соседнюю комнату. Чаг поднялся на ноги. Главное, не отстать от товарищей. Но... Биал огляделся. А где Тур?

– Проклятье! – ругнулся Биал.

– В чём дело, Ящер? – тут же по связи вмешался командир отделения.

– Докладываю, – отозвался Биал. – Тур погиб.

– Проклятье! – донеслось в ответ.

В углу, прислонившись спиной к стене, лежит Тур. На груди большое тёмное пятно. Пластины броника треснули и местами разошлись. Наружу выступил бесцветный гель. На забрале, в окружении мелких трещинок, пара пулевых дырок. Прежде, чем умереть, абориген успел всадить в Тура гранату из подствольника, а второй выпустить по нему очередь. Биал поёжился, при стрельбе в упор пороховые автоматы всё же берут броник.

В соседних комнатах ещё пару раз взорвалась граната. Шалфей и Ферзь продолжают зачистку.

– Зил, докладываю, – Биал услышал голос Шалфея на общем канале связи, – Этаж зачищен. Выходов в соседние дома нет.

– Отлично, спускайтесь, – приказал Зил.

Тур погиб, Биал в растерянности присел рядом. Происходящее не укладывается в голове. При взгляде на погибшего автоматика броника вывела на внутреннюю сторону забрала печальную надпись: «Убит».

Словно отгоняя наваждение, Биал тряхнул головой. Но упрямая надпись никуда не делась. До самого последнего момента не верилось, что космические пехотинцы Пятой отдельной роты год тому назад и в самом деле понесли боевые потери. На учениях боевых потерь не бывает, максимум несчастные случаи.

– Пошли, Ящер. Туру уже ничем не помочь, – рядом, держа «Эмму» стволом в потолок, остановился Шалфей.

– Но как же, – Биал поднялся на ноги. – А тело?

– Санитары подберут, – пояснил Шалфей.

– А вдруг аборигены утащат? – тревожно спросил Биал.

– Не успеют. Санитары идут в третьем эшелоне. Им уже сообщили.

Как бы то ни было, а война продолжается. Снаружи кипит бой. Сквозь трескотню крупнокалиберных пулемётов прорезаются выстрелы из 120 миллиметровой пушки. Зачистка дома закончена, но сколько их ещё на этом чёртовом проспекте? Сколько ещё товарищей покинут поле боя ногами вперёд?

– Пошли, – согласился Биал.

Незнакомая ранее злость кипит в душе. Через ту же дыру в полу Биал прыгнул на первый этаж. Да как они только посмели? Зло безнаказанным не остается.

Между тем штурмовая группа вплотную приблизилась к подбитым «Тяпам» первого танкового взвода. Точнее, Биал увеличил изображение, к тому, что осталось от трёх некогда грозных боевых машин. Аборигены в прямом смысле выпотрошили танки вплоть до гусениц и лопат из ЗИПа.

– Берём следующий дом, – идущий впереди Зил показал на очередное жилище аборигенов с номером 17 на квадратной табличке.

Грохот выстрела резанул по ушам. 120 миллиметровым снарядом «Тяпа» разворотил половину второго этажа семнадцатого дома. Биал прижался к стене. Значит в нём точно засели аборигены.

Штурмовая группа ушла дальше. Пусть техника воюет. Биал, пропуская вперёд респа, отошёл в сторону. «Муравей» лихо подбежал к семнадцатому дому, заглянул в окно, но тут же отпрянул обратно. Из окна вылетела граната.

– Граната! – Биал упал на землю.

Ребристый шарик перелетел через тротуар, шлёпнулся на проезжую часть и взорвался. Осколки чиркнули по броннику. Биал тревожно уставился на забрало.

Пронесло! Жёлтой надписи нет, бронескафандр не получил ни малейшего повреждения. Неприятно, страшно, но даже не больно.

Ну сейчас они получат! Биал вытащил из разгрузки гранату.

– Внимание! Граната! – Биал выдернул чеку и забросил адский шарик в дом.

Внутри грохнул взрыв! Прямо через окно Биал заскочил во внутрь. Никого! Повезло, уродам. Но... Почему граната рванула относительно тихо, да ещё без свиста разлетающихся осколков?

А! Понятно. Биал большими шагами пересёк комнату. В полу у дальней стены зияет дыра. Вот оно, специально не попадёшь: граната упала в подвал. Тем лучше.

Следом в дом заскочили товарищи по отделению.

– Где они? Ушли? – выпалил Шалфей.

– Да, в дыру, – Биал показал на ход в подвал.

– Ладно, чёрт с ними, давай на второй, – предложил Шалфей.

– Ну уж нет. Я их достану!

Биал вытащил из разгрузки вторую гранату.

– Не вздумай! Своих приберёшь!

Из дыры в полу показался ствол «Эммы» и шлем космического пехотинца.

– Вы кто? – Биал убрал гранату обратно в кармашек разгрузки.

– Двадцать четвёртый взвод, третье отделение, – ответил пехотинец. –

Преследуем аборигенов по техническому туннелю.

Пехотинец исчез. Из туннеля донеслись звуки быстро удаляющихся шагов.

– Я с вами, – Биал нырнул в темноту технического туннеля.

Биал мягко, словно кот, приземлился на ноги. Точно технический туннель: узкий проход, двоим не разойтись, вдоль стен стальные трубы и связки чёрных кабелей. Впереди мелькает быстро убегающий свет.

– Ящер? Куда? – в спину ударил возглас напарника.

К чёрту зачистку! Какой-то абориген посмел кинуть гранату. Догнать и пристрелить гада! Душа жаждет боя, а не рутины. Пригнув голову, Биал побежал за пехотинцами из двадцать четвёртого взвода.

Десантники убежали вперёд по туннелю метров на тридцать. Биал, увёртываясь от труб и кабелей, спешит за ними. Впереди грохочут выстрелы, пули чиркают по бетонным стенам и высекают из стальных труб яркие искры.

Аборигены большие специалисты драпать. Биал спешит изо всех ног, шлем то и дело отскакивает от труб и кабелей, но бой упрямо грохочет впереди. Обидно даже.

Догнал! Почти! Грохот и вспышки выстрелов рядом совсем. Биал на ход вытянул шею и сощурил глаза. Да где же они?

Сильный удар в лоб опрокинул на спину. Шлем с размаху стукнулся о бетонный пол. В ушах звон, а перед глазами серая пелена.

– Проклятье, – скрипя зубами, просипел Биал.

Что это было? Затылок пульсирует от боли. Биал приподнялся на локтях. Ну надо же было так попасть! Поперёк и без того узкого и невысокого прохода чёрная труба. Чему, чему, а бегать сломя голову по техническим туннелям их не учили. Вот чуть и не свернул шею, впредь наука. Осторожно, стараясь не охать и не ругаться вслух, держась руками за кабель, Биал поднялся на ноги. Проклятущая труба прямо над головой.

Взрыв. Грохот. Взрывная волна толкнула в грудь, сбила с ног и протащила назад по туннелю.

Какого чёрта! В ушах звон. Биал, тяжело дыша, снова приподнялся на локтях. Зрение быстро прояснилось, автоматика броники включила подсветку. Ну дела!

Поперёк технического туннеля аборигены заложили нехилую мину. Даже две мины. Спаренный взрыв порвал трубы и распушил многочисленные кабели. Двоих десантников разорвало на части, а третьего взрывная волна толкнула в спину далеко вперёд. Ну что за невезение! Обломки труб и кабелей надёжно

перегородили туннель. О том, чтобы прорваться дальше без плазменного резака, кувалды и какой-то матери не может быть и речи.

Какая ирония! Биал повернулся головой вперёд и встал на четвереньки. Проклятая труба ни много, ни мало спасла жизнь. Если б не она, то непременно успел бы вбежать в зону поражения. Судьба, однако. А это ещё кто?

Впереди, за паутиной труб и кабелей, мечутся лучи света. Абориген в камуфлированном борге ухватил контуженного десантника за руку и пытается утащить в мрачные подземелья Свалки. Ну конечно же: броник, «Эмма», гранаты – ценные трофеи. А если космический пехотинец жив, то пленник будет. А вот и хрен вам! Биал, словно на стрельбище, присел на колени. Зелёный квадратик прицела ловит аборигена на мушку. Жаль, паутина подорванных труб и кабелей мешает, зараза. Биал нажал на спусковой крючок.

Абориген не дурак, при первых же выстрелах упал на пол. За его спиной загрохотали вспышки пороховых автоматов. Биал отшатнулся в сторону и рухнул ничком. По стенам, кабелям и бронике зачиркали пули.

Биал отполз назад и передвинулся к противоположной стене. Толку то? Пули аборигенов вгрызаются в пол перед самым носом. Пылевые фонтанчики закрывают обзор. Ни спрятаться, ни укрыться. Технический туннель простреливается насквозь. Хоть на стены лезь.

Вдруг стрельба смолкла. Биал осторожно приподнял голову. Впереди темнота. Автоматика броника включила подсветку. Из мрака выступили развороченные взрывом трубы и кабеля, убитые десантники и.... Больше никого нет.

– Сволочи! – Биал в бешенстве стукнул кулаком о землю.

Аборигены ушли и сумели таки утащить контуженного взрывом пехотинца.

– Гады! Подонки! Мерзавцы!

Гнев расплавленной магмой кипит в груди. Правый кулак сам собой колотит по бетонному полу. При каждом ударе поднимается облачко пыли. Да чтоб их! Впервые в жизни, грязно, матерно, но от всей души, Биал выругался.

***

– До чего упорные, гады, – на ходу, увёртываясь от труб и кабелей, бросил Шнык.

– Не-е-е, самоуверенные слишком, – протянул Чаг. – Сейчас они у меня припухнут.

Чаг остановился по среди технического туннеля и, присев на колени, повернулся к преследователям лицом. В тёмной глубине не видно ничего, только грохот «Эммок» и визг отскакивающих от стен пуль. Космическим пехотинцам свет не нужен, а электромагнитные автоматы огненных вспышек не дают. А жаль!

– Ну держитесь, – Чаг надавил на спусковой курок.

Огненные вспышки слепят космических пехотинцев, а пули заставляют их прижиматься к земле.

– На! – Чаг выпустил последнюю очередь. – Держите!

– Непоседа! Пошёл! – скомандовал Шнык.

– Есть! – Чаг развернулся и побежал дальше по туннелю.

Впереди посреди прохода мелькнул тёмный силуэт.

– Шнык, я здесь, – предупредил Чаг.

– Проходи, – Шнык пригнулся.

Чаг, с ходу перепрыгнув через друга, побежал дальше, но метров через двадцать остановился. Шнык хладнокровно расстреливает магазин. Правильно. Пусть этим гадам жизнь мёдом не кажется.

– Шнык! Пошел! – Чаг с щелчком вставил в «Надежду» полный магазин.

– Есть! – ответил Шнык.

Огненные вспышки в глубине туннеля тут же прекратились. Сквозь гул боя снаружи долетел торопливый топот. Чаг опустился на колени. Стрелять пока рано. Противник силен, но, Чаг улыбнулся. Первый полк Народной армии то же кое что умеет. Без паники и суеты, взаимно прикрывая друг друга, третье отделение отходит от наседающего противника.

Первое реальное столкновение с войсками метрополии четыре года тому назад не прошло даром. Планирование вещь хорошая, но... Когда начинается бой, предварительные планы и наработки улетают к Хессану под хвост. На поле боя царит хаос. Никогда не знаешь, какая кривая вывезет. Приходится готовиться буквально ко всему. Чаг в очередной раз остановился и приготовился прикрывать друга.

Вон! Кто бы знал, пригодилось же. Чаг бросил взгляд за толстую трубу. На стене маленьким плоским ящичком висит пластиковая взрывчатка. Запал мигает красной лампочкой готовности. На противоположной стене еще одна точно такая же коробочка. Сюрприз будет.

– Нет, Непоседа, – Шнык с разгону перескочил через голову. – Тикаем!

Повторять не нужно, Чаг рванул со всех ног. Толстый кабель чиркнул по шлему, едва не развернув на месте.

– Берегись! – Шнык с размаху ударил кулаком по красной кнопке.

За спиной ухнул взрыв. На краткий миг в техническом туннеле вспыхнула яркая звезда. Но взрывная волна тут же сбила с ног и протащила по пыльному полу.

– Убери с меня свои ноги, – потребовал Шнык.

– Сейчас, – ответил Чаг.

Чаг поднялся на ноги. Никого и ничего. После бешеного топота тяжёлых ботинок и треска автоматных очередей в узком туннеле повисла напряжённая тишина.

– Получилось? – Шнык поднялся с пыльного бетона.

Чаг включил фонарик и посмотрел в глубь туннеля.

– Еще как!

Технический туннель надёжно перекрыт паутиной из разорванных труб и кабелей. Два пехотинца угодили точно в эпицентр взрыва. Хваленые броники не спасли солдат метрополии, пластиковая взрывчатка разорвала их на части. Впрочем, одного пехотинца, наверно самого шустрого, взрывная волна толкнула далеко вперёд. Десантник лежит ничком без малейших признаков жизни. Хотя... Чаг поводит узким лучиком света туда-сюда, броник, вроде как, цел.

– Шнык, прикрой, – произнёс Чаг.

– Может, не стоит? – Шнык включил фонарик на своём автомате.

– Да ты что! Это ж, такой трофей.

Осторожно, на полусогнутых, едва не касаясь руками пыльного пола, Чаг приблизился к лежащему десантнику. Вроде не шевелится. Для надёжности Чаг ткнул пехотинца стволом в шлем. Точно не шевелится. Жив ли хоть? А, не важно. Чаг ухватил десантника за руку и потащил на себя.

Из темноты загрохотали выстрелы. Чаг рухнул на пол. За спиной Шнык открыл ответный огонь.

Над головой свистят пули. Некоторые чиркают совсем рядом. В душе закипела злость. Ну уж нет! Чаг ухватился покрепче за неподвижного десантника. Теперь вытащить такой трофей дело чести.

Пятясь задом, сантиметр за сантиметром, Чаг отволок десантника от переплетения труб и кабелей. Космический пехотинец даже не шелохнулся. Ух и тяжёлый, зараза.

– Ну, Непоседа, ну герой! – Шнык подхватил десантника за плечи. – Даже «Эмму» прихватить не забыл.

Пленник, или просто трофей, весит немало. К тому же, очень не хочет идти, то и дело цепляясь руками и ногами за кабеля и стальные подпорки на стенах. Но Чаг с другом всё же дотащили космического пехотинца до конца технического туннеля и выволокли на поверхность.

– Пуля, Киянка, хватайте пленного и в тыл, – приказал Шнык. – Остальные за мной. Нам приказано занять оборону в шестьдесят седьмом доме.

Из всего отделения опять осталось всего четыре человека. Но на этот раз погибло всего двое, один ранен. Плюс двое солдат эвакуируют пленного и ещё один помогает раненому добраться до госпиталя. Только, Чаг посмотрел вдоль Проспекта первопроходцев, вряд ли им суждено вновь присоединиться к отделению.

На Проспекте во всю кипит бой. Космические пехотинцы уже прошли через перекрёсток с Оптовой улицей и уверенно приближаются к Медной. Кажется, будто прошла уйма времени, но на деле не больше десяти – пятнадцати минут.

– Вот вы, родненькие, – обрадовался Чаг.

Шестьдесят седьмой дом на Проспекте первопроходцев заранее подготовлен к обороне. Возле окна Чаг нашёл связки «Дюбелей» и «Шурупов».

– Ну что, дружище! – Шнык отцепил от связки «Дюбель» и взвалил реактивную гранату на плечо. – Устроим охоту на «Тяп»?

– Устроим, – Чаг вытащил из связки «Шуруп». – Хоть один, да останется на Проспекте навсегда.

***

– Пропать этих аборигенов! Да сколько же их ещё осталось! – ругнулся Шалфей.

– Два миллиона, – ответил Биал.

Упорство аборигенов поражает. Двадцать первый взвод успел зачистить пару десятков домов, отойти в тыл за боеприпасами, вернуться и зачистить ещё несколько жилищ, а бой на улицах столицы Свалки и не думает стихать. Наоборот.

Два танка из штурмовой группы уже отбуксировали в тыл. Реактивные гранаты аборигенов понаделали в них дырок. А те, что сменили подбитые «Тяпы», уже переокрасились в ярко-фиолетовый цвет. Биал со злостью вставил в «Эмму» полный магазин.

То, что на первый взгляд показалось трусостью, на деле оказалось отработанной тактикой. Аборигены не держатся мёртвой хваткой ни за один дом. Отстреливаются до последнего, наносят урон и организованно отступают. Да, не всегда у них получается гладко оставить огневую позицию, довелось лично пристрелить четверых. Но! Будь аборигены идиотами или чокнутыми фанатиками, то туннели Финдоса были бы завалены трупами до самого потолка. Однако ничего подобного нет и в помине.

Наконец танки вышли на Площадь десяти столбов.

– А это что-то новенькое, – заметил Биал.

– Новенькое, но зловещее, – предостерёг Шалфей.

Обычно площади в подземных поселениях аборигенов круглые по форме. Эта же похожа на ромб. Десять толстых столбов подпирают сорокаметровый свод. На противоположном конце площади первоочередная цель – Автоспуск №1. Только по этому спуску и ему подобным тяжёлая техника может спуститься на второй и нижележащие городские уровни. Биал поёжился: не приведи господь воевать без могучей поддержки «Тяп» и «Шельм».

Провал Автоспуска зияет красным светом аварийных ламп. Цель обманчиво близка, но всё не так просто. «Тяпы» разошлись по площади. Треск пулемётных очередей заглушает грохот выстрелов. Аборигенов не видно, но в окнах домов то и дело сверкают огненные вспышки и стартуют реактивные гранаты. БМП и респы

потянулись к автоспуску. Было бы здорово понаблюдать за работой «Муравьёв», но...

– Отделение, внимание! Зачищаем магазин «Элегант», – приказал сержант Зилуч.

От некогда шикарного магазина остался облупленный фасад, половина надписи «Элег» и зияющие пустотой витрины.

– Готов? – Шалфей прижался к стене возле витрины и вытащил из разгрузки гранату.

– Давай, – скомандовал Биал.

Шалфей, выдернув чеку, забросил гранату в торговый зал. Едва грохнул взрыв, как Биал кувырком заскочил в магазин.

Перевернувшись через голову, Биал встал на колени и поднял «Эмму». Никого. Пустые прилавки, ободранные стены, даже люстры сняты. Зато, Биал зло пнул ботинком пустой контейнер, на полу валяется с десятков одноразовых гранатомётов. Противомасса засыпала гранитные плитки пластмассовой рыбьей чешуей.

– Пусто, – Биал поднялся на ноги.

– Это хорошо, – в магазин, переступив через низкий подоконник, зашёл Шалфей.

– Давай...

Снаружи бабахнул сильный взрыв. Биал инстинктивно упал на пол. Что это было? Контратака? Биал отполз от окна под защиту стены.

– Проклятье! – ругнулся Шалфей. – Аборигены подорвали Автоспуск.

Биал выставил «Эмму» в окно. Картинка с видеокамеры появилась на внутренней стороне забрала. Подорвали, да ещё как. Где когда-то был туннель Автоспуска, расплзается огромное серое облако пыли.

– А местные не дураки, – Биал поднялся с пола.

Но тут раздался ещё один взрыв, гораздо тише и не на самой площади.

– Хана автоспуску, – заметил Шалфей. – Аборигены запаковали его. Так сказать, с гарантией. Теперь придётся долго и упорно расчищать туннель, если подобное вообще возможно.

– Внимание! – в разговор вклинился сержант Зилуч. – Отставить разговоры! Продолжить зачистку!

– Есть продолжить, – эхом отозвался Биал.

И на что, собственно, рассчитывало командование? На тупость аборигенов? Или на собственное божественное провидение? Биал покачал головой. Серое облако пыли почти осело. Там, где совсем недавно был туннель Автоспуска, появилась огромная груда камней. Действительно: запаковали с гарантией.

***

В районе Площади десяти столбов раздался взрыв. А потом ещё один.

– Ну вот: с Автоспуском обломались, сейчас на нас попрут, – предрёк Шнык.

– Почему так печально, дружище? – спросил Чаг. – Все идёт по плану.

– Так, ведь, нам с тобой эти самые планы реализовывать, а не тем, кто их придумал, – возразил Шнык.

Первый взвод Народной армии самообороны Дайзен 2 отошёл с Проспекта первопроходцев и занял оборону на Вислицкой улице. Пока космические пехотинцы прошли мимо. Оно и понятно: Автоспуск №1 – одна их немногих дорожек, по которой танки и БМП могут спуститься на второй городской уровень. Только, как правильно предрёк Шнык, обломались они.

Третье отделение снова засело в доме под номером семнадцать. Наверно, традиция такая. Чаг, перегнувшись через подоконник на втором этаже, посмотрел вдоль улицы. Вдалеке, по Проспекту первопроходцев, в обе стороны шагают космические пехотинцы, с грохотом и рычанием проезжают танки и БМП.

– Как думаешь, я успею вздремнуть? – спросил Чаг.
– Не думаю, – Шнык положил на подоконник «Дюбель». – Космические пехотинцы ребята настойчивые, а самоуверенность из них мы ещё не выбили.
– А когда выьем? – Чаг устроился на подоконнике по удобней.
– Ты бы лучше лишней разок магазины проверил, все ли заряжены, – Шнык перевёл разговор на другую тему.
– Не успею уже, – ответил Чаг.

Из-за порота с рёвом выехали два танка. За ними потянулись с десятков респов и бог знает сколько космических пехотинцев. Ясно дело, правой рукой Чаг нащупал заранее подготовленный «Шуруп», противник пошёл на штурм Вислицкой улицы. Пусть Аварийная лестница №7 не Автоспуск №1, но по ней всё же можно спуститься на второй городской уровень без «кошки» и стометровой верёвки.

Как и на Проспекте первопроходцев, штурмовая группа движется в полном согласии с канонами военной науки. Но если на Проспекте «Тяпы» шли ноздря в ноздю, то на более узкой Вислицкой улице им пришлось выстроиться в колонну.

– Третье отделение, приготовиться! – скомандовал Шнык.

Чаг положил на плечо «Шуруп» с ярко-фиолетовой полосой на контейнере.

– Огонь!

Чаг вдавил пусковую кнопку. Перед передним танком вспыхнуло ярко-фиолетовое облако. Чаг, отбросив пустой контейнер, подхватил второй «Шуруп» на этот раз с фугасной гранатой.

Не дожидаясь команды, Чаг высунулся в окно. Из ярко-фиолетового облака выскочил «Муравей». Чаг поймал респа в прицел и пустил вторую гранату. «Муравей» окутался лазерными импульсами ИПРО. Идиоты! Чаг отбросил пустой контейнер. Огненная вспышка затолкала респа обратно в облако. Следом потянулись дымные следы.

– Уходим! – крикнул Шнык.

Чаг отпрыгнул в глубь комнаты и упал на пол. Вовремя! С оглушительным грохотом стена развалилась на куски. Сверху накрыло пылевое облако. «Муравей» засёк огневую точку, а снаряд «Тяпы» одним выстрелом разнёс половину дома.

– Уходим! Отделение, отступаем! – приказал Шнык.

О том, чтобы сдержать врага, не может быть и речи. Любое упорное сопротивление космические пехотинцы намотают на гусеницы «Тяп». Остаётся одно – делать ноги. Чаг подхватил с пола последний «Дюбель» и сполз на первый этаж.

Шнык уже возле окна. На мгновение друг высунулся наружу и выпустил «Шуруп». Ну правильно, Чаг поднялся на ноги, чего там целиться.

К сожалению, смотаться по техническому туннелю не получится. Вислицкая улица упирается в площадь Ярпатьевский тупик. Хочешь, не хочешь, а придётся выбегать на улицу, благо площадь через дом. У выхода уже столпились остатки третьего отделения, пять новичков из Стратегического резерва.

– Из подствольников ставим «пыльцу» и уходим, – приказал Шнык. – По моей команде... Пли!

Чаг выстрелил из подствольника в потолок. Ещё пять гранат создали поперёк улицы огромное облако «пыльцы».

– Пошли! Живо! – Шнык буквально вытолкнул солдат на улицу.

На последнем «Дюбеле» Чаг торопливо откинул прицельное приспособление, ну не убежать же с десятикилограммовой бандурой за спиной?

– Давай, Непоседа, пошли! – Шнык выскочил на улицу.

На тротуаре Чаг на миг остановился и развернулся к ярко-фиолетовому облаку. Ни черта не видно, но, судя по звуку, «Тяпа» там.

Реактивная граната с рёвом ушла в ярко-фиолетовое марево. Попал, не попал – бог его знает. Напугал точно. Рядом о стену вжикнула пуля. Шнык уже делает ноги. Чаг развернулся и побежал.

Над головой пролетела граната. Это Шнык пальнул из-за угла из подствольника. Прикрывает, значит. Спину жгут холодные глаза беспощадных респов и тычет огромный ствол «Тяпы». Ох! Прибьют и не заметят. Наконец, выжимая остатки сил, Чаг завернул за угол.

– Все ушли? – Шнык едва успел отскочить в сторону.

– Нет, – ответил Чаг.

По Вислицкой улице громко топает солдат Народной армии.

– Давай! Жми! – Чаг затолкал в подствольник гранату и тут же выпустил её в сторону оседающего ярко-фиолетового облака. – А чёрт!

Блог жизнеобеспечения на спине отстающего разлетелся на куски. Одна пуля угодила в голову, ещё одна оторвала ногу. Так и не добежав до спасительного угла, солдат рухнул на проезжую часть.

– Непоседа, уходим! – Шнык дёрнул Чага за рукав.

Вечная память. Космические пехотинцы и грозные «Тяпа» в сорока метрах, а быстроногие респы ещё ближе. Не чуя ног, Чаг побежал прочь. Но тут возле входа на Аварийную лестницу загрохотал «Защитник».

Ага! Чаг поддал газу. 12 миллиметровая пуля возьмёт и респа и броник. Но лучше не оглядываться.

– Непоседа, прыгаем! – на ходу выкрикнул Шнык.

Аварийный спуск сворачивает влево, нужно перескочить на другую сторону. Но там, под прикрытием бетонного блока, как раз стоит «Защитник».

– Давай! – скомандовал Шнык.

Друзья с разбегу перепрыгнули пулемёт. Чаг с грохотом приземлился на спину. Вот где акробатика в борге пригодилась.

Чаг вскочил на ноги и развернулся. Стоя на одном колене перед «Защитником», пулемётчик от души поливает Ярпатьевский тупик и Вислицкую улицу крупнокалиберными пулями. Пустые гильзы стекают звонким ручьём. Второй номер едва успевает подавать ленту.

Пулеметчикам пора уходит, Чаг вставил в подствольник гранату. Выбросив пустую ленту, «Защитник» умолк. Второй номер поднялся на ноги, а первый не успел.

Мощный взрыв вдребезги разнёс бетонный блок. Чага осыпало осколками. Первого номера вместе с пулемётом швырнуло через проход. Пулемётчик улетел в стометровый колодец.

– Жив? – Чаг подхватил под руку второго пулемётчика.

Боец не ответил, но тихо застонал. Жив! Чаг перехватил раненого под руку. На левом боку пулемётчика и руке протянулись кровавые полосы.

– Непоседа! Тащи его в тыл, а я ещё пошालю, – Шнык вытащил из разгрузки сразу несколько гранат.

– Держись, родной!

Стараясь не упасть, Чаг потащил раннего вниз по аварийной лестнице. За спиной Шнык щедро засыпает площадь гранатами – хоть какая-то преграда для респов.

Бросать раненых товарищей ни в коем случае нельзя. Но пулемётчик слабеет прямо на глазах. Медицинский гель худо-бедно прикрыл разрывы в борге, но без помощи медиков раненый всё равно очень скоро истечёт кровью. А до второго городского уровня ещё бежать и бежать. Аварийная лестница называется «лестницей», но на деле представляет пятиметровой ширины дорожку, свёрнутую в спираль и вставленную в шахту диаметром тридцать метров. Без ступенек оно, конечно, легче, но гораздо длиннее.

Выучка – великое дело. Бойцы Народной армии не драпают в панике, а организовано отступают. Позади грохочут выстрелы, значит Шнык и другие прикрывают отход.

Сверху градом сыплются пули. Чаг злорадно улыбнулся. Стальная дорожка предназначена для людей и лёгких машин. Ни БМП, ни тем более танк, она не выдержит. Очень скоро выяснится, насколько хорошо хвалёные пехотинцы умеют воевать без поддержки тяжёлой техники.

На встречу поднимается электрокар, грузовая платформа на колёсиках, вместо джойстика управления механический руль. Водитель с медицинской повязкой на рукаве лихо развернул электрокар перед Чагом.

– Ещё раненные есть? – спросил водитель.

– Не должны, – Чаг опустил раненого на платформу.

– Хорошо. «Шурупы» возьми!

О-о-о! То что доктор прописал. Чаг подхватил связку «Шурупов». Электрокар тут же рванул с места.

Чаг быстро вытащил из связки «Шуруп» и откинул прицельное приспособление. Сверху, на фоне яркой лампочки, маячит космический пехотинец. Идиот перегнулся через край и самозабвенно палит из автомата.

Сам напросился. Чаг поймал пехотинца в прицел, но тот исчез. Не беда. Чаг опустил прицел чуть ниже и нажал на спусковую кнопку. Там, где стоял пехотинец, реактивная граната проделала большую дыру.

– Не трать зря, – рядом появился Шнык и подхватил второй «Шуруп».

– Ни разу. Строго по рецепту, – Чаг поднял последний «Шуруп».

Двумя витками ниже друзья остановились прикрыть товарищей по взводу. Едва мимо них пробежал последний солдат, как из-за порога выскочил «Муравей».

Классика. Кто кого! «Шурупы» ушли одновременно. Но электронная бестия в последний момент сиганула в сторону.

Двойной взрыв разорвал полотно аварийной лестницы. Чаг отбросил пустой контейнер и развернулся. С нижних витков грохочут выстрелы. Граната из подствольника разорвалась за спиной. Чаг и Шнык побежали по аварийной лестнице вниз, товарищи по взводу прикрывают их.

Борьба за жизнь превратилась в бег по спирали с паузами на стрельбу. Прикрывая друг друга, бойцы Народной армии отступают от наседающего противника.

Последний виток и самое трудное. Чаг и Шнык остановились возле входа в туннель, последняя возможность прикрыть отступающих товарищей.

Секунда. Вторая. Третья! Нет никого. На уходящем вверх полотне аварийной лестницы по-прежнему пусто.

– Бежим! – крикнул Шнык.

Туннель на Нотную площадь на втором городском уровне короткий совсем, но его ещё нужно проскочить. Снова изматывающий бег, снова спину буравят холодные глаза «Муравьёв». Сзади бухнуло и загрохотали выстрелы. Чаг из последних сил вывалился на Нотную площадь.

Уйти с линии огня. Освободить место. Свои стрелять не будут. Чаг и Шнык сиганули в разные стороны. С Музыкальной улицы бухнула пушка. Сразу несколько дымных следов протянулись через Нотную площадь и ушли в туннель.

Тяжело дыша, как загнанная лошадь, Чаг добежал до первого дома на противоположной стороне улицы и разгону нырнул в окно. Хвала Великому Создателю! Чаг перевернулся на спину и ударился ногами о стену. Жив! Очередная гонка со смертью закончилась победой и самым ценным призом, какой только может быть – собственная жизнь.

Чаг перевернулся на живот и подполз обратно к окну. Противника не видно, но возле входа на Аварийную лестницу многочисленные разрывы подняли пыль столбом. Лёгкий напор воздуха затягивает серое облако в туннель.

Ха! Из-под пылевого прикрытия ни одна стальная или бронированная зараза так и не высунулась. Чаг смачно стукнул кулаком по подоконнику. Без поддержки с воздуха, без прикрытия танков и БМП, хваленные космические пехотинцы ни хрена не стоят! Дальше Нотной площади они не пройдут.

***

Это кошмар какой-то! Биал нервно сглотнул. Штурм города сам по себе самый трудный вид наступления, да ещё под землёй, без прикрытия из космоса. Что дальше? Расстрелять боеприпасы до последней пули и в рукопашную?

Штурмовая группа продвигается по Вислицкой улице в сторону Аварийной лестницы №7. Два танка, словно всё сокрушающий таран, возглавляют группу. Респы бегут чуть впереди, а космические пехотинцы, как наиболее ценная и уязвимая часть, движутся под прикрытием «Тяп» вдоль домов.

Окна, окна, двери, и опять окна, окна. Биал вогнал в автомат полный магазин. Только успевай переводить прицел с одного окна на другое. По среди улицы то и дело вспыхивают облака ярко-фиолетовой дряни, сквозь которую то и дело пролетают реактивные гранаты. Примитив, конечно же, но убийственный примитив. Пара респов уже разлетелась на куски, а динамическая броня на башне головного «Тяпы» уже содрана.

В окне в доме напротив мелькнул силуэт. Биал тут же нажал на спусковой крючок. Десятки пуль в мгновение ока разнесли пустые окна в щепки. Вникать в подробности некогда.

Показалась? Биал глянул на индикатор зарядов: осталось 13 пуль – очень хороший знак.

На этот раз двадцать первый взвод назначили в штурмовую группу. Первое отделение наступает по левой стороне улицы, второе по правой. Третьего отделения больше нет: кто ранен, а кто вообще убит.

Приказ командования однозначен – захватить Аварийную лестницу №7 и Нотную площадь на втором городском уровне. На этот раз никакого туннеля, так что подорвать аварийную лестницу как Автоспуск №1 не получится. Только, Биал с ходу запустил в очередное подозрительное окно гранату из подствольника, сюда бы этих штабных умников.

По среди улицы выросло огромное ярко-фиолетовое облако. Респы смело нырнули в дымовую завесу. Следом въехали «Тяпы». Чем быстрее удастся проскочить это липкое марево, тем лучше. Биал, сдерживая дрожь, шагнул в ярко-фиолетовое облако.

Аборигены бегут как крысы, только не всем удаётся убежать. Респ на той стороне улицы выскочил из облака и длинной очередью срезал зазевавшегося аборигена. А впереди площадь Ярпатьевский тупик.

– Берегись! – Биал отпрыгнул назад и чуть не сбил напарника с ног.

У входа на Аварийную лестницу грохочет крупнокалиберный пулемёт. Бегущий впереди респ выскочил из-за угла, тяжёлые пули тут же разобрали его на запчасти.

– Что там? – Шалфей помог подняться на ноги.

– «Защитник», мать его, за бетонным блоком.

– Подожди, сейчас «Тяпа» с ним разберётся.

Головной танк, ярко-фиолетовый от липкой дряни, выкатил на площадь. Крупнокалиберный пули с жалким визгом отлетают от лобовой брони. «Защитник» тут же умолк, только поздно.

Грохот выстрела ударил по ушам. Биал инстинктивно присел. Стоять рядом со стреляющим танком в чистом поле не лучшее занятие, а уж в тесноте подземелья и подавно. Ну сейчас аборигены получают, Биал шагнул вперёд.

– Подожди, – Шалей схватил за рукав броники. – Сейчас гранаты бросят.

Точно: под носом «Тяпы» грохнули огненные вспышки. Осколки срикошетили от стен и чиркнули по бронику.

– А вот теперь пора, – Шалфей отпустил руку.

Биал выскочил на площадь. В проход на Аварийную лестницу уже лезут респы. Это правильно – железо не жалко.

Аборигены драпают вниз на второй городской уровень. Но, чёрт побери, Биал остановился возле стены и выпустил длинную очередь, драпают умело, прикрывая друг друга, огрызаясь огнём и гранатами. Бегущие впереди респы то и дело замирают на месте, палят из обоих стволов и танцуют, увёртываясь от реактивных гранат.

Лучше держаться возле стены. Биал вставил в «Эмму» полный магазин. Пусть в колодце аварийной лестницы стрелять сверху вниз гораздо легче, но не менее опасно.

– Ты что делаешь? Идиот! – крикнул Биал.

Верт, рядовой из третьего отделения, перегнулся через металлические перила и лихо шпарит по убегающим вниз аборигенам.

– Не боись! – Верт перегнулся обратно и присел на одно колено. – Они у меня попляшут.

– Убирайся от туда! – рявкнул Биал.

Поздно. Металлический настил под Вертом взорвался огненным гейзером. Взрыв отбросил пехотинца к стене. Биал подскочил ближе. Поздно. Перед глазами, на забрале шлема, замигала чёрная надпись: «Убит». Кумулятивная струя прошла Верта от копчика до головы. На макушке шлема зияет чёрная дыра с выгнутыми наружу краями.

– Идиот! – в сердцах ругнулся Биал.

Аварийная лестница виток за витком уходит вниз. Время от времени попадаются дохлые аборигены. В одном месте Биал с ходу перемахнул через разрыв в стальном полотне. На предпоследнем витке респы накрыли разом четверых аборигенов. Наконец под ботинками загредел бетон, Биал добрался до второго городского уровня. Прямо туннель, выход с аварийной лестницы.

Впереди бегут парочка респов, Биал спешит за «Муравьями» со всех ног. Главное, не дать аборигенам закрепиться на новом рубеже обороны. Лишь бы успеть. Лишь бы. За спиной громко топает Шалфей и товарищи по отделению. Вот уже конец туннеля, круглая площадь и серые стены крайних домов.

Впереди ослепительно грохнул огненный круг. Биал дёрнулся влево и рухнул на асфальт. Свет померк. Перед выходом из туннеля выросло огромное облако пыли. Респы не видно и не слышно.

Опять выбивающий душу грохот.

Пушка! Биал затравленно обернулся. Точно пушка: пехотинцу, что бежал следом, крупно не повезло: снаряд съел ему верхнюю часть тела и разорвался в колодце Аварийной лестницы. Ни рук, ни головы. И кто только сказал, будто порох безнадёжный пережиток прошлого?! Сюда бы этого умника.

Биал круто развернулся на месте и пополз назад.

– Двадцать первый взвод! Почему отступаем? Прекратить! – заверещал на канале связи лейтенант Божл.

– Тебя бы сюда, хрен моржовый! – взорвался Биал. – Здесь пушка! Хвала Создателю, аборигенам не хватило ума зарядить её картечью.

За спиной в третий раз грохнула пушка. По туннелю пронёсся воздушный смерч. Биал, бешено перебирая руками и ногами, ползёт в сторону выхода. Ни

черта не видно! Мелкие камешки скребут по локтям и груди, а над головой свистят пули.

Прям в лицо ткнулся ствол, Биал испуганно отшатнулся. О-о-о чёрт! Это респ. Точнее то, что от него осталось. Биал смахнул раздолбанную голову в сторону. Да где же выход?

Перед глазами запульсировала жёлтая надпись: «Повреждение». Пули чиркают по бронику, как будто бьют кулаками по сине и ногам. «Серьёзные повреждения». Это конец? В отчаянье Биал дёрнулся вперёд.

Руки товарищей подхватили Биала и оттащили в сторону, подальше от туннеля.

– Ну, Ящер, триста лет жить будешь, – Шалфей прислонил Биала к стене. – Ты единственный, кто сумел выскочить на Нотную площадь и вернуться обратно.

Биал с тоской посмотрел на полотно Аварийной лестницы и товарищей по взводу. Стрельба на Нотной площади уже стихла. Поднятую взрывами пыль лёгкий напор воздуха вытягивает из туннеля и поднимает вверх по колодцу. Некогда образцовые броники космических пехотинцев покрыты пятнами ярко-фиолетовой дряни и бетонной пылью. Ещё один нелицеприятный лик войны: от бывшего лоска не осталось и следа. Даже на самых тяжёлых учениях так не пачкались.

– Двадцать первый взвод, прекратить наступление, – по общему каналу связи пришёл приказ лейтенанта Божла. – Закрепиться на Аварийной лестнице №7 и ждать дальнейших приказаний.

Приказ о прекращении наступления запоздал. Двадцать первый взвод, точнее то, что от него осталось, и так застрял на дне Аварийной лестницы №7.

– Шалфей, – Биал посмотрел на напарника, – я, кажись, ротного к чёрту послал.

– Послал, – ухмыльнулся Шалфей. – Далеко и с лучшими пожеланиями. Нашего лейтенанта так ещё ни один рядовой не посылал.

– И что мне теперь будет?

– А ничего не будет, – заверил напарник. – На отдых на губе не надейся, не отправят. Нарисуют, для проформы, выговор и снова в бой отправят. Радуйся, дурилка: броник в клочья, а ты жив.

А, ведь, действительно, Биал с тоской глянул на заляпанные ярко-фиолетовой дрянью и пылью рукава броника. Без прикрытия из космоса, без «Тяп» и «Шельм» аборигены высыпали космическому десанту по самые помидоры.

Биал попытался встать, но руки и ноги только слабо дёрнулись. Страх, самый настоящий страх от пережитого ужаса холодным свинцом растёкся по рукам и ногам. Какую-то жалкую минуту тому назад довелось глянуть в бездну и, Биал покосился на обломки пары респов, бездна глянула в ответ. Всё что до этого было, поступление в Адаунское училище, первое десантирование с орбиты и даже захват Ярдуша – игра воображения, нежные цветочки на лесной полянке.

– Шалфей! – Биал схватил напарника за рукав и притянул к себе. – Ты понимаешь? Дальше этой проклятой лестницы мы не пройдем! Маленькой победоносной войны не будет. Аборигены уже заставили нас харкать кровью.

– Понимаю, понимаю, Ящер, – Шалфей мягко оторвал руку Биала. – Я понял это едва мы вступили на красный песок Свалки.

Глава 15. Контрпартизанская война

Глава 16. Большой бабах

Глава 17. Взять под контроль

Глава 18. Засада

Глава 19. Партизанская база

Глава 20. Заткнуть дыры

Глава 21. Приманка и сачок

Глава 22. Глубокий рейд

Глава 23. Обед в кают-компании

Глава 24. Ночной налёт

Глава 25. Восточный блокпост

Глава 26. Ядерный шантаж

Глава 27. Ядерный взрыв

Глава 28. Провал

Глава 29. Медосмотр

Глава 30. Уход из Бацела

Глава 31. Ущелье ветров

Конец.

Череповец, февраль 2014 года.

Об авторе

Разрешите представиться: Волков Олег, писатель.

В Интернете много самых разных писателей профессиональных и талантливых. Но и мне есть чем похвастаться.

Главная особенность моего творчества в том, что я стараюсь писать не только красиво, а ещё реалистично, насколько такое вообще возможно в фантастике как в литературном жанре. В моих произведениях вы не найдёте ляпов, багов, глупостей и подгонки желаемого под действительное. Поверьте: на этом поприще у меня крайне мало конкурентов. Ведь даже в произведениях мэтров российской фантастики полно несуразностей.

Сюжеты своих произведений я моделирую самым тщательным образом. Никогда и ни за что не приношу правдивость и реалистичность в жертву глупой зрелищности и супергеройству. Не злоупотребляю постельными сценами и шутками ниже пояса.

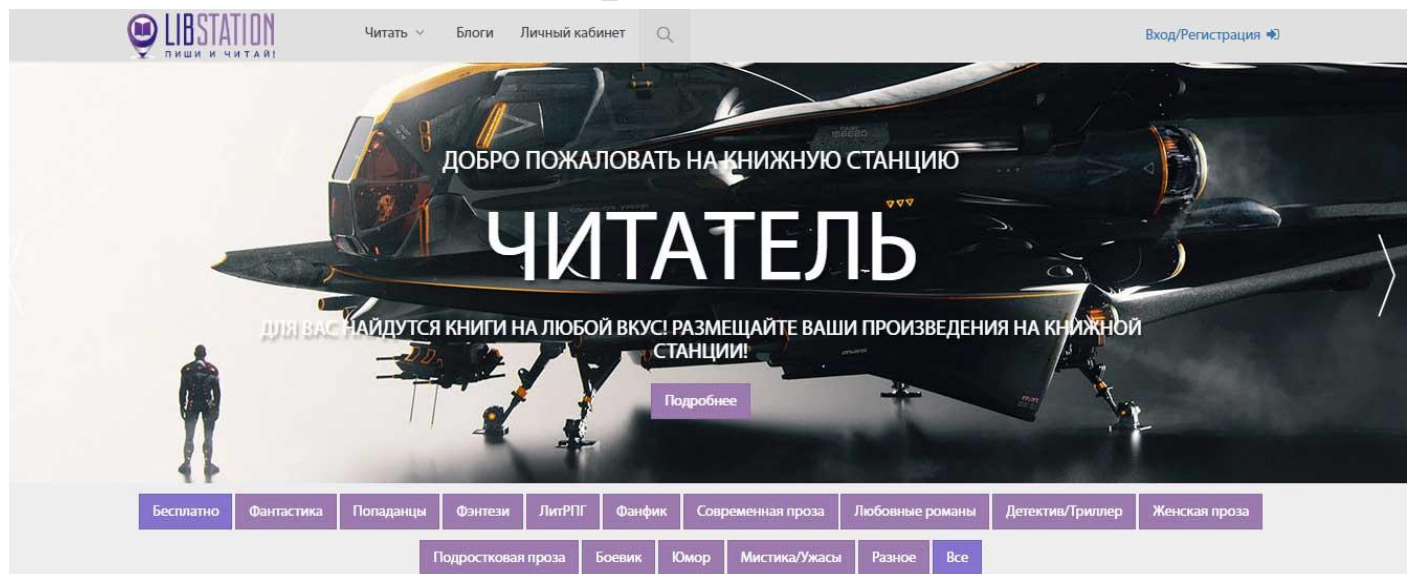
Другая особенность моего творчества в том, что практически все свои книги я укладываю в несколько литературных миров. Иначе говоря, обожаю писать серии, подсерии, трилогии и тетралогии. Не исключено, что со временем доберусь и до пенталогии.

Надеюсь, вам понравится.

Мой авторский сайт:

«Библиотека реалистичного фантаста» (<http://www.volkov-o-a.ru/>).

Немного рекламы

Уважаемые читатели, предлагают вам великолепный сервис для чтения онлайн «Libstation» (<https://libst.ru/?ref=1733>). Там вас ждёт огромный выбор книг сетевых авторов, удобный поиск и читалка, которую можно легко настроить под собственный вкус. При желании, купленную книгу можно скачать в формате fb2.

Главная особенность «Libstation» (<https://libst.ru/?ref=1733>) в том, что на нём совсем необязательно покупать книги целиком и полностью. Чего греха таить, нарваться на откровенную графомань, да ещё за свои деньги, весьма обидно. В «Libstation» можно покупать книги по частям. Цена одного фрагмента варьируется от трёх до десяти рублей. Если книга вдруг не понравилась, а такое быть может и не так редко как хотелось бы, то вы просто перестанете покупать следующие части и тем самым сэкономите свои кровно заработанные деньги.

Здесь же, на «Libstation» (<https://libst.ru/?ref=1733>), вы легко найдёте мои книги. Часть из них выложена в свободном доступе. Регистрируйте и читайте. Надеюсь, вам понравится.